

79 коп.

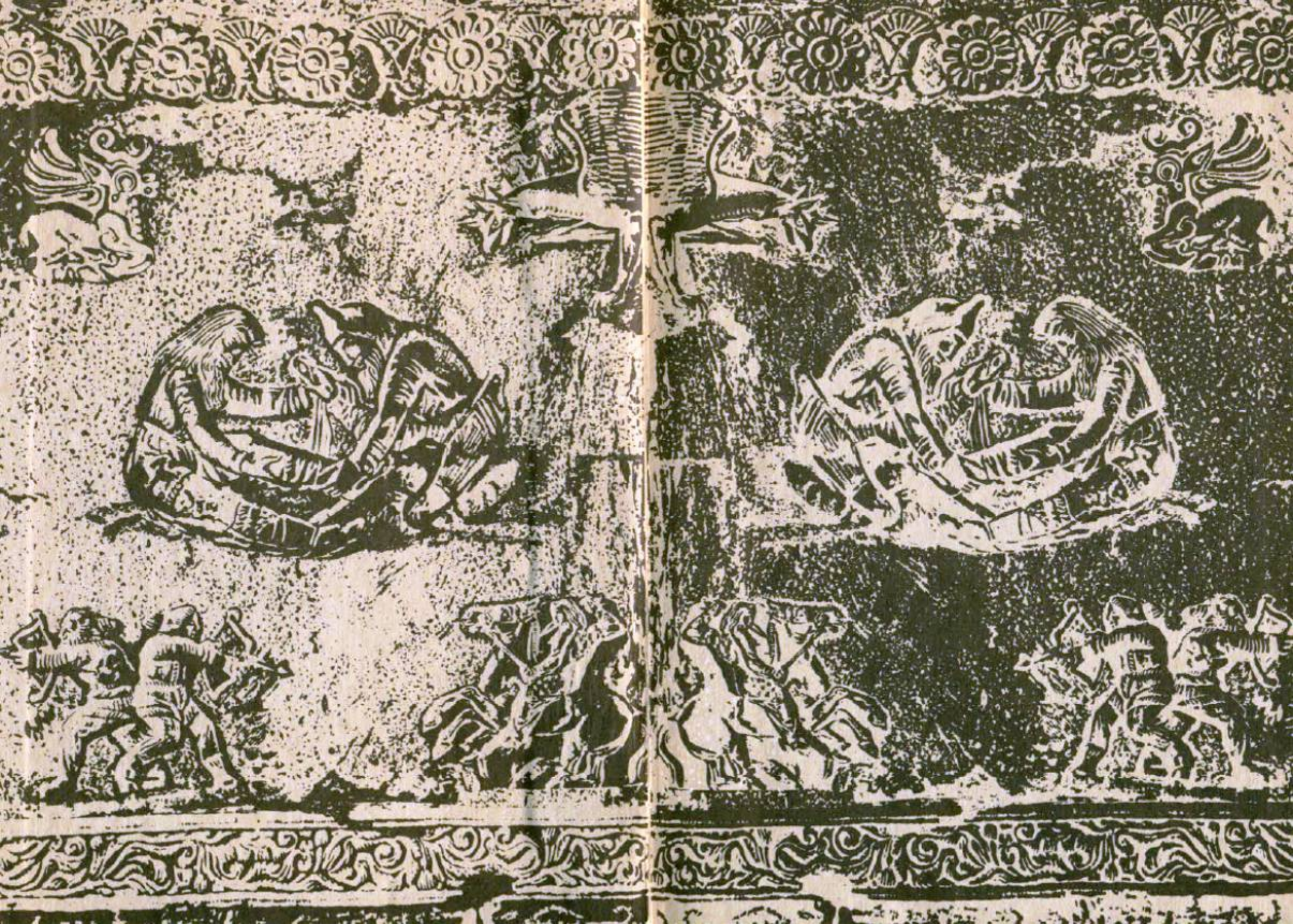
Издательство
«Мысль»

Г. М. Бонгард - Левин, Э. А. Грантовский

ОТ СКИФИИ

ДО ИНДИИ

ОТ СКИФИИ
ДО ИНДИИ

Г. М. Бонгард-Левин
Э. А. Грантовский

ОТ СКИФИИ

Загадки истории древних ариев

«Полярные» явления 5
«Арктическая родина в Ведах» 7
Миф и действительность 9
Арии 12
Перстень Скила 17
Скифы, сарматы, аланы,
осетины 21
Полярная ночь за Скифией 24
Путь к исседонам 26
Восток или север? 27
Реальная география и легендар-
ная традиция 31
Снова в Индии 32
Молочный океан 36
«Страна блаженных» 39
Недоступная Арктика 42
Некоторые итоги и новые
проблемы 44
Вершины Высокой Хары 46
Юдхитхира и Кей-Хосров
у Великих гор 48
«Блаженная обитель» в иранской
мифологии 53
Эпос скифов и античная
литература 56

Рипейские горы
в «Ригведе»? 62
Летающие риши 66
Полет Аристея 70
Арии и финно-угры 73
Царь великой державы и бог
таежного народа 75
Таинственный зверь шарабха 79
Северный шаманизм и древнейшая
религия ариев 84
«Напиток бессмертия» 87
Конопля, белена, мухоморы 89
Похищение сомы 93
Мифологические образы северных
легенд 98
«Божественная комедия»
и зороастрийские жрецы
в «потустороннем мире» 106
Арабские путешественники
и ученые на Волге 113
Древние сказания помогают
науке 115
Послесловие
акад. А. П. Окладникова 120
Основные источники
и литература 123

Издательство
«Мысль»
Москва 1974

ДО ИНДИИ

Послесловие академика
А. П. ОкладниковаОформление художника
В. А. Захарченко

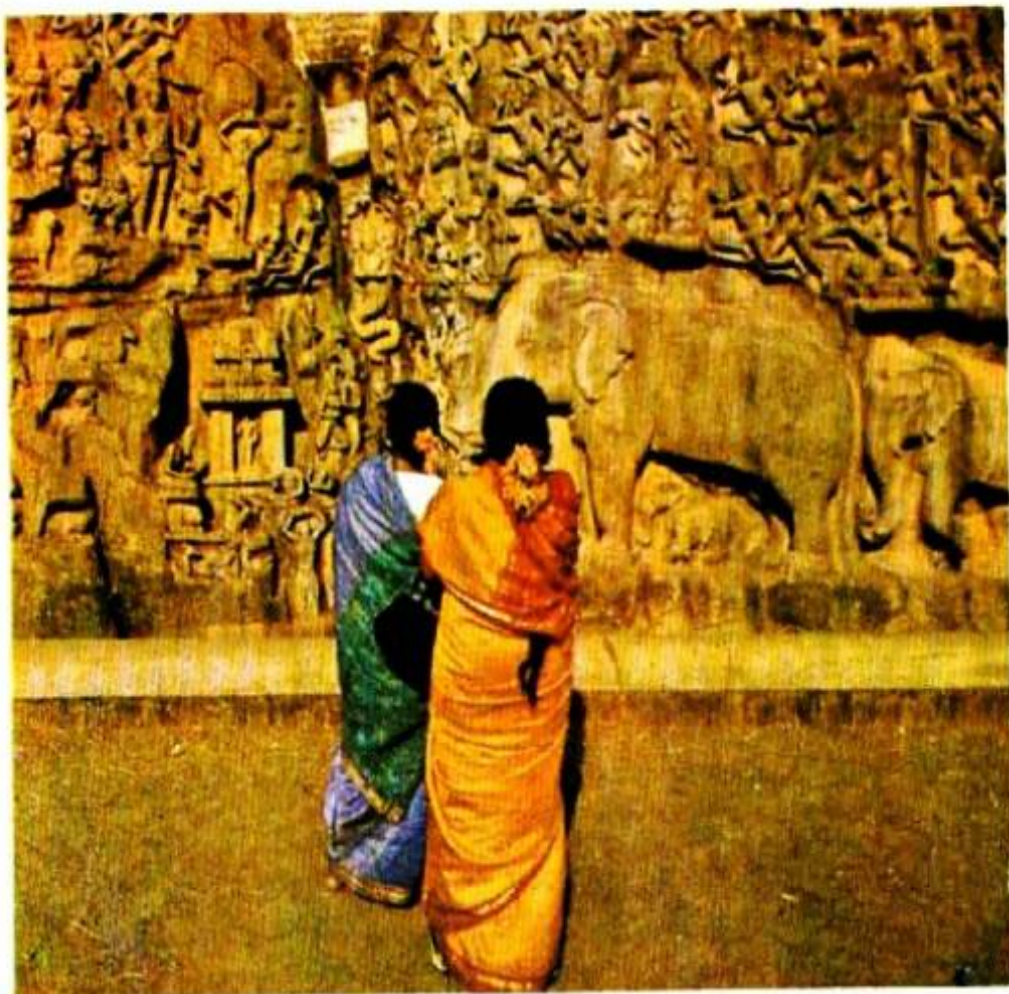
Бережно хранят народы Индии традиции своей древней самобытной цивилизации. В современную культуру вплетены идеи и образы старинных эпических сказаний. Сегодня, как и много веков назад, широкой известностью в различных слоях населения пользуются «Махабхарата» и «Рамаяна». Эти великие поэмы древней Индии — подлинныя энциклопедии индийской культуры, богатейший источник знаний по философии, религии, мифологии, нравам и обычаям. Сюжеты эпоса много раз привлекали древних и средневековых поэтов, драматургов, художников и скульпторов; в них и теперь черпают вдохновение деятели искусства. Памятники древнеиндийской словесности, произведения ведийской литературы, религиозно-философские трактаты, сборники правовых норм, так же как и грандиозные эпосы «Махабхарата» и «Рамаяна», тщательно исследуются учеными, они неоднократно переводились на различные языки, в том числе и на русский.

ПОЛЯРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

В эпических поэмах Индии, увлекательных историях ее священных сказаний можно найти интересные, но на первый взгляд весьма странные и необъяснимые сведения. Там описаны явления, характерные для арктических областей и совершенно необычные для районов Южной Азии. Это представления о неподвижной Полярной звезде, о долгой ночи, тянущейся шесть месяцев, и дне, также длящемся целое полугодие. Древние сказители пели о стране, где солнце встает только раз в году, где шесть месяцев день и шесть месяцев ночь. Певцы эпоса не раз вспоминают о священной птице Гаруде. Прежде чем понести на своих крыльях отшельника Галаву на поиски восьмисот лунно-белых коней, птица Гаруда рассказала ему о четырех странах света, о том, что на Севере «Семеро Риши», богиня Арундхати и Свати постоянно движутся вокруг укрепленной на небе Полярной звезды (Дхрува).

«Семеро Риши» — семь больших звезд созвездия Большой Медведицы («Риши» — мудрецы, святые мужи, божественные небожители); Арундхати — созвездие Кассиопеи; Свати — яркая звезда в созвездии Волопаса. Видеть их высоко над горизонтом можно только в северных широтах. В областях севернее 55—56° северной широты зимой в течение одной ночи эти созвездия не заходят за горизонт и описывают круг, центром которого примерно можно считать Полярную звезду.

В древнеиндийских священных текстах не раз говорится о Большой Медведице, «вознесенной высоко в небе». Согласно эпическим сочинениям, место, где великий бог-творец Брахма «укрепил» Дхруву — Полярную

Недалеко от Мадраса в Махабалипураме на огромной скале древние скульпторы изображали эпизоды из «Махабхараты»

звезду, расположено в центре мироздания, небес. Описание подобного явления возможно только в северных полярных районах: ведь лишь на Северном полюсе Полярная звезда стоит непосредственно в зените.

Там же, в сказочных северных странах, где высоко в небе видны упомянутые звезды, «живут десять апсар». Древние индийцы называли их «происходящими от радуги». Апсары — блистающие водяницы, а эти десять, рожденные радугой, сияющие ее цветами, не были ли они поэтическим образом северного сияния? Создатели индийских сказаний вспоминали о «плененных водах», «о принимающих красивые образы ниспадающих водах». Это, возможно, замерзшие воды — в «Махабхарате» о них говорится именно при описании страны, где солнце восходит на полгода.

Повсюду в Индии можно встретить певцов и сказителей древнего эпоса

“АРКТИЧЕСКАЯ РОДИНА В ВЕДАХ”

Такие свидетельства индийской литературы приводили некоторых ученых к заключению, что первоначальная родина индийцев находилась за Полярным кругом. Иногда положение этой «родины» определялось и более точно — на берегах холодного Белого моря, на севере Сибири и т.д. Авторы подобных смелых гипотез помещали ее даже в район самого Северного полюса.

Одним из создателей «полярной теории» происхождения индийцев был известный политический деятель Индии Бал Гангадхар Тилак (1856—1920). В 1893 г. была опубликована его книга «Орион», а через десять лет — обширная монография «Арктическая родина в Ведах». Многие труды Тилака посвящены проблемам индийской культуры и древней-

шим этапам истории страны. Активный противник английского господства в Индии и колониальной историографии, принижавшей культурное наследие индийцев, Тилак старался доказать самобытность древней индийской цивилизации. Труды Тилака и его сподвижников имели большое значение для развития национального самосознания. Вместе с тем в работах тех лет содержалось немало преувеличений, неточностей и ошибок, от которых современной науке приходится отказываться.

Со времени выхода книги Тилака «Арктическая родина в Ведах» прошло семьдесят лет. Но и до сих пор среди индийских ученых теория «арктического происхождения» индийцев встречает убежденных защитников и последователей. На научных конгрессах и сейчас нередко приходится слышать утверждения, что предки индийцев пришли из-за Полярного круга.

Выдвигая «арктическую теорию», Тилак основывался на некоторых выводах современных ему естественных наук — геологии, палеонтологии, астрономии о том, что климатические и природные условия, очертания материков подвергались существенным изменениям на протяжении различных эпох истории Земли. Согласно этой точке зрения, в доледниковый и межледниковый периоды климат арктических районов был теплым и доступным для растительного и животного мира, для человека и развития его цивилизации. Тилак исходил и из модной тогда гипотезы американского ученого Уоррена о первоначальной родине человека в арктической зоне.

С таких позиций Тилак анализировал и данные древнеиндийской литературы, прежде всего Веды — древнейший священный памятник индийцев. Основываясь на них, он доказывал, что предки индийцев в доледниковый и межледниковый периоды обитали в арктических районах, а затем, около десяти — восьми тысяч лет назад — этим временем Тилак датировал последний ледниковый период, — двинулись на юг из-за наступивших холодов.

Выводы Тилака были сделаны еще в конце XIX — начале XX в. Возможны ли они сейчас? Как следует относиться к теории Тилака теперь, когда естественные и точные науки располагают новыми материалами, дают другие датировки?

Вопрос здесь не только в том, к какому времени относить доледниковый и межледниковый периоды, как понимать изменения климатических условий на тех или иных территориях земного шара, как оценивать сейчас сведения древних индийцев о положении светил, — на эти вопросы естественные и точные науки также дают разноречивые ответы. Главное — выводы, к которым приходят такие науки, как история, археология, сравнительная лингвистика, историческая этнография. Конечно, и здесь еще остается много неясного, гипотетического, противоречивого. С помощью различных научных фактов можно серьезно спорить о конкретных областях первоначального обитания предков индийцев, о времени их формирования и переселения. Но совершенно ясно, что речь не может идти ни о полярных районах, ни о столь отдаленном времени, как ледниковые эпохи.

В настоящее время иначе понимаются многие данные ведийской и эпической литературы Индии, рассматривавшиеся Тилаком как прямые указания на обитание индийцев в Арктике.

МИФ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

МИ все же в древнеиндийских источниках остаются сведения, которые трудно оценить иначе как отражение каких-то представлений об арктических областях.

Средневековый ученый Бхаскара-ачарья в астрономическом трактате писал, что в областях у Северного полюса «полгода постоянный день, полгода постоянная ночь». В другом, более раннем, астрономическом сочинении «Сурья-сиддханта» сообщается, что в этих же районах «боги видят солнце после одного восхода в течение половины его кругового вращения». Подобные данные содержатся и во многих других индийских научных трактатах и религиозных текстах периода поздней древности и раннего средневековья. Интересно, что эти сведения были подробно рассмотрены в специальном разделе фундаментального труда «Индия» великого среднеазиатского мыслителя и ученого уроженца Хорезма Бируни (973—1048). Бируни живо интересовался самыми различными науками, с глубоким уважением относился к культурным достижениям многих народов, в том числе народов Индии. Он изучил санскрит, тщательно ознакомился с многими индийскими научными и религиозно-философскими сочинениями, консультировался с пандитами — знатоками древних культурных традиций.

Поражает знание Бируни многочисленных индийских источников. Он неоднократно цитирует трактат одного из крупнейших математиков древней Индии, Брахмагупты (начало VII в.), «Брахма-сиддханта». Бируни приводит следующие слова Брахмагупты об области у Северного полюса: «День обитающих там ангелов будто бы длится шесть месяцев, и их ночь также длится шесть месяцев». Бируни цитирует и отрывок из сочинения известного древнеиндийского астронома Арьябхаты (V в.), согласно которому эта область — царство ангелов — «находится в зоне холода», «севернее любого места на земле». Правда, и у Брахмагупты, и у Арьябхаты сведения о явлениях, которые мы могли бы назвать «полярной ночью» и «полярным днем», прежде всего выступают как дань прочно укоренившимся в индийской литературе представлениям о стране на крайнем Севере. Недаром оба ученых называют ее царством ангелов и включают в текст своих рассуждений слова «будто бы». Это скорее традиционное понятие или принятый символ.

В главе «О различных видах суток и о дне и ночи» Бируни излагает представления индийцев о «человеческих сутках» (состоящих из обычного дня и обычной ночи), о «сутках предков» и «сутках дэвов» (т. е. богов). «Сутки дэвов» продолжаются целый год и слагаются из дня и ночи, длящихся по половине солнечного года. О «сутках богов» писали Арьябхата и другие индийские ученые. Бхаскара-ачарья, говоря о северной области, «где полгода постоянный день, полгода постоянная ночь», называет такой день «днем богов». Там, говорит он, священные существа

Храм в Махабилиपुरаме, VII—VIII вв. н.э.

видят солнце в течение шести месяцев, когда оно движется в пределах северной сферы; соответственно и путь солнца в этот период называется «северный путь». В ряде индийских источников в качестве синонима к термину «уттараяна» употребляется «дэваяна» — «путь богов». Подобные представления восходят к значительно раннему времени, они существовали задолго до расцвета древнеиндийской математики и астрономии.

Возможно, такие сведения представлены и в древнейшем памятнике индийской литературы — собрании священных гимнов «Ригведы», составленном не позднее X в. до н.э. Следует, конечно, учитывать характер этого собрания религиозных текстов. Гимны имеют вполне конкретную цель — воздать хвалу богам и призвать их на помощь, чтобы получить богатство, здоровье, силу, защиту от врагов. Смысл многих отрывков гимнов «Ригведы» до сих пор остается не вполне ясным, ученые расходятся в трактовке ряда гимнов в целом. И трудно с уверенностью утверждать, что когда в «Ригведе» говорится о завершении периода темноты и начале «пути богов» (дэваяна), т. е. светлого времени, или о «приближении пути богов» с появлением зари, то здесь речь идет именно о том «пути богов», когда солнце не заходит в течение полугода.

Но те же понятия встречаются в последующей ведийской литературе — Брахманах, Араньяках, Упанишадах, датируемых временем до середины I тысячелетия до н.э. В них мы находим более определенные сообщения: день — это «путь богов», ночь — «путь предков»; «когда солнце, поворачивая к севе-

ру, находится в северной сфере, оно среди богов, когда оно поворачивает к югу и находится в южной сфере — среди предков»; «путь богов» (дэваяна), или «северный путь» (уттараяна), начинается с весеннего равноденствия. Подобное утверждение дополняется и еще более конкретным указанием: «год — это один день богов», состоящий из дня и ночи.

Что же понимается под такими определениями, хорошо видно из следующего отрывка «Законов Ману»: «У богов день и ночь — год, разделенный надвое: день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу». «Законы Ману» (II в. до н.э. — I в. н.э.) — свод правовых норм, регламентирующих частную и общественную жизнь индийцев. И тем не менее и в нем встречается это любопытное свидетельство.

Сходные сведения мы находим и в эпических поэмах. Здесь они составляют часть легендарных повествований о героях, событиях, странах. Вот один из рассказов о сказочной стране на дальнем севере, где «вступленне во мрак и выход оттуда, восход и закат лучезарного солнца, изгнание тьмы те витязи созерцали, и были день и ночь для них равны году». В этой стране, где оказались герои «Махабхараты», можно было видеть, как высоко восходит в небе Большая Медведица («Семеро Риши»), как она вместе с другими созвездиями обходит круги вокруг укрепленной на небе Полярной звезды. А вот другой рассказ о той же таинственной стране: здесь «по полугодиям встает златокудрое солнце» и «остановившиеся воды принимают образы красивых украшений».

Герой «Махабхараты» Арджуна. Индийский театр катхакали

Состязание героев. Иллюстрация к критическому изданию «Махабхараты»

Итак, перед нами не случайные и отрывочные следения, а прочная и длительная традиция передачи определенного цикла представлений. Но для эпических сказителей в Индии эти представления уже не имели реальной основы. Они выступают как элементы мифа и связаны с другими мифическими образами и сюжетами. «Арктические» детали приводятся в связи с повествованиями о богах, героях, их бессмертии.

Невольно возникает вопрос: не вымышлены ли «полярные» представления так же, как и боги, мифические персонажи, потусторонняя жизнь? Есть ли критерий, который позволяет отделить в мифах фантастическое от реального, чисто сказочное от возможного? Перед нами встает интересная и сложная проблема, с которой так часто приходится сталкиваться исследователям истории, фольклора, литературы,— проблема соотношения мифа и действительности, сказки и реальности.

АРИИ

Прежде чем перейти к содержанию мифа, необходимо обратиться к фактам истории. В формировании современных индийских народов большую роль сыграли пришедшие некогда в Индию племена, называвшие себя ариями. Распространяясь по территории Северной Индии, они смешивались с местным населением и ассимилировали его. На их языках и диалектах были составлены ведий-

Золотая модель колесницы. VI—IV вв. до н.э.
«Амударынский клад»

ские гимны, «Махабхарата» и «Рамаяна», многие другие произведения индийской литературы. Языки и диалекты арийских племен легли в основу таких современных языков Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри Ланки, как хинди, урду, бенгали, сингальский, маратхи, гуджерати, синдхи и др.

Вместе с иранскими они образуют индоиранскую ветвь индоевропейской группы языков. Эта группа—одна из наиболее многочисленных языковых семей мира; в нее входят славянские, германские, романские, латышский и литовский и ряд других живых и мертвых языков. Эти языки и сейчас имеют много общих черт. Еще более близкими были они в древности, когда племена, говорившие на индоевропейских языках, жили в непосредственном соседстве друг с другом, а по мнению некоторых ученых, составляли единую группу племен с единым языком.

Тесное родство индоевропейских языков было доказано еще в первой половине XIX в., когда возникло замечательное направление лингвистической науки—сравнительное индоевропейское языкознание. Выработанная этой школой строгая научная методика исследования позволила установить многие закономерности в развитии отдельных языков на различных этапах их истории, систему взаимоотношений друг с другом представителей обширной индоевропейской языковой семьи. Выводы сравнительно-исторической лингвистики о родстве языков индоевропейских народов выдвинули целый ряд новых проблем древнейшей истории этих народов,

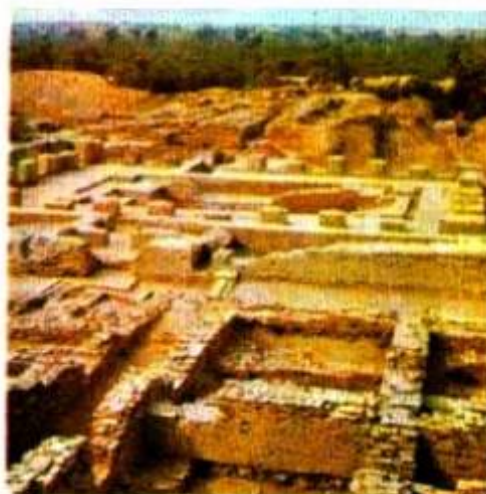

их происхождения, хозяйственного уклада, социально-политического строя, культуры. Центральное место занимает вопрос о времени и области их совместного обитания — прародине.

Арийские племена, пришедшие в Индию, в языковом и культурном отношении были особенно близки к племенам иранской группы. На заре своей истории и те и другие поклонялись одним и тем же богам — доброжелательному к людям Митре, покровителю храбрых воинов могучему громовержцу Индре; они пели одинаковые священные гимны, хранили сходные мифы и легенды о своих любимых эпических героях; на ритуальных церемониях и празднествах жрецы приготавливали опьяняющую сому — священный напиток богов и бессмертных. На легких боевых колесницах их воины поражали врагов на войне и устраивали ристания в мирное время.

Удивительно похожими были социальная структура этих племен, общественное деление на военную знать, жрецов, свободных общинников, соответствующие идеологические представления и правовые нормы. Каждая из социальных групп ассоциировалась с определенным цветом (жрецы с белым, военная знать с красным и т.д.) и с одной из трех плоскостей космоса, на которые и индийцы, и иранцы подразделяли существующий мир, — небом, пространством между небом и землей, землей. Сохранившиеся до нашего времени собрания священных гимнов — Веды индийцев и «Авеста» иранцев — очень близки между собой по языку, мифологическим образам, многим сюжетам.

И индийские, и иранские племена называли себя ариями, а свои страны — арийскими. Термин «арии» применим только к индоиранским племенам и народам. Использование этого термина для обозначения индоевропейских (и прежде всего германских) народов не имеет под собой научной основы. В качестве самоназвания слова «арий», «арии» встречаются лишь в индоиранских языках. Так именовали себя творцы Вед и эпических сочинений, составители «Авесты», авторы древнеперсидских надписей. От слова «арии» происходят названия различных индийских и

иранских племен и областей. Центральная часть Индии, долина священного Ганга, называлась в древности Арьяварта — «страна ариев», того же происхождения и современное название «Иран».

Все эти общие черты — наследие той отдаленной эпохи, когда предки индийских и иранских племен жили рядом, в пределах единой территории. Данный вывод общепринят в науке и исходит из признания исторической реальности «индоиранского единства». Но где находилась прародина ариев — вопрос, остающийся до сих пор нерешенным, вызывающим оживленные дискуссии. Он непосредственно связан с проблемой происхождения предков индоевропейских народов в целом; но и ее решение пока может быть намечено лишь в самых общих чертах.

Сравнение данных различных индоевропейских языков дает возможность в какой-то мере воссоздать растительный и животный мир, климатические условия, ландшафт областей, где предки индоевропейских народов могли жить в период их совместного обитания.

Замечательная цивилизация существовала в долине Инда в III—нач. II тысячелетия до н.э., задолго до появления арийских племен: а) печати; б) статуэтка танцовщицы; в) вид раскопок Мохенджо-Даро — одного из центров Индской цивилизации; г) статуэтка жреца из Мохенджо-Даро

Бронзовые удила. Луристан. VIII—VII вв. до н.э. (период расселения иранских племен по территории Ирана)

Эти материалы заставляют исключить как полярные и непосредственно примыкающие к ним области, так и жаркие районы Средиземноморья и Южной Азии. Следует учитывать также области распространения индоевропейских народов в исторический период — от кельтских племен Британских островов и Галлии до ариев Индии.

Но тем не менее данные сравнительной лингвистики и археологии не позволяют пока точно решить, где располагалась первоначальная родина индоевропейцев. Ее ищут в Северной и Центральной Европе, на Балканах, в Северном Причерноморье, в южнорусских степях и далее к востоку — в Казахстане и Средней Азии. Эпоха индоевропейской общности относится к глубочайшей древности. Позднее, после «распада» этого единства, различные группы индоевропейских племен расселились по обширным пространствам. Но споры идут и о том, когда и на каких территориях происходило формирование выделившихся из индоевропейской общности предков арийских народов. Прародину ариев помещают в самых различных областях — от низовьев Дуная и Средней Европы до Алтая и границ Индии. Особенно распространена в науке теория среднеазиатского происхождения ариев: ее многочисленные сторонники считают, что именно Средняя Азия явилась местом сложения древних арийских племен, формирования их цивилизации, духовной культуры, эпоса. В индийской науке весьма популярно мнение о том, что Индия была самой ранней областью обитания ариев. Этой версии противоречат, однако, многие данные, и прежде всего распространение предков индоевропейских племен, из среды которых происходили арии.

Не был родиной ариев и Иран. Еще во II тысячелетии до н.э. на его территории обитало население совершенно иной этнической принадлежности. Лишь позднее здесь появились племена, говорившие на иранских языках и называвшие себя ариями. Откуда и какими путями пришли они в Иран, до сих пор остается не вполне ясным. В настоящее время к иранской группе языков принадлежат персидский, таджикский, курдский, осетинский и ряд других. Еще обширнее была область распространения иранских племен в древности. Она охватывала территорию от Северного Причерноморья до Восточного Туркестана.

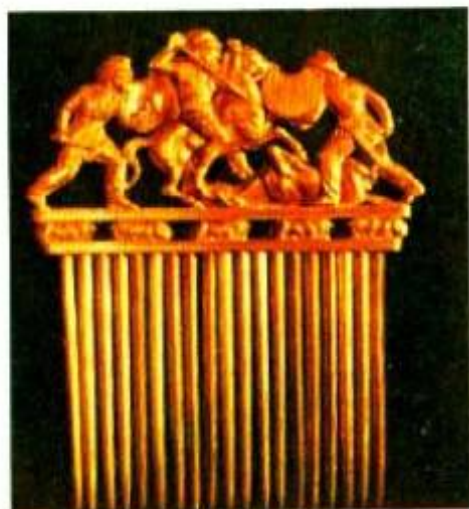
За много веков до распространения иранских племен на территории Ирана было создано Зороастрийское государство:
а) священное сооружение — зиккурат;
б) предметы зороастрийского искусства

ПЕРСТЕНЬ СКИЛА

Во многих районах Украины и Казахстана, волжско-уральских степей и Алтая и сейчас высятся древние курганы, оставленные скифами и родственными им племенами. Раскопки курганов дали богатейшие материалы, по которым можно судить об образе жизни древнего населения этих территорий, его социальном строе, культуре, искусстве.

В разных музеях мира, особенно в Советском Союзе, хранятся памятники искусства, найденные в скифских курганах. Многие из них выполнены в так называемом «зверином стиле». Они отличаются утонченным мастерством, совершенством форм, экспрессивней, выразительностью стиля. Такие изделия были обнаружены еще в XVIII—XIX вв. в больших курганах Украины и Северного Кавказа, а позднее и далеко на востоке — в Средней Азии, на Памире, Алтае, Саянах. На Алтае благодаря вечной мерзлоте под каменной кладкой курганов сохранились не только предметы из металла, но и причудливые изображения на дереве, коже, на тканях и даже на татуированных телах вождей алтайских скифов. Предметы, сходные с изделиями скифского «звериного стиля»,

Золотой гребень из скифского кургана Приднепровья. IV в. до н.э.

Деталь гребня

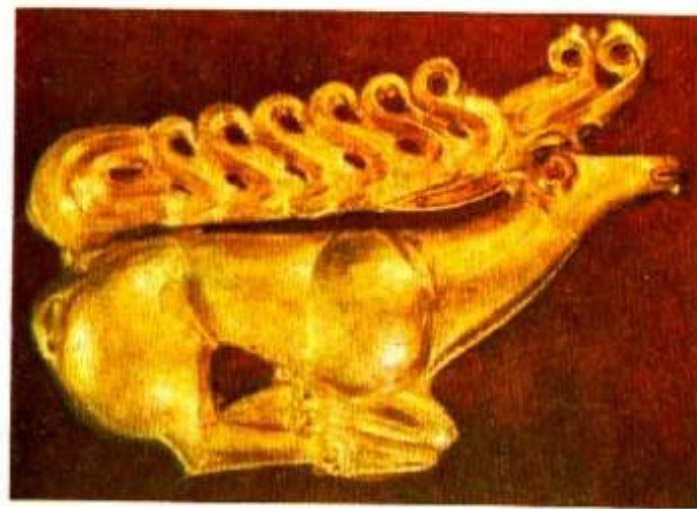
были найдены и в Северо-Западном Иране близ города Саккыза (так называемый Саккызский клад конца VII в. до н.э.).

Интерес к памятникам «звериного стиля» огромен, им посвящена необъятная литература. Однако до сих пор не решен вопрос об истоках, путях развития и происхождении этого искусства. В Юго-Восточной Европе изделия этого типа появляются с конца VII—начала VI в. до н.э.; они найдены в курганах Северного Причерноморья и Прикубанья вместе с обнаруженными там же предметами переднеазиатского стиля (урартского, ассирийского и пр.). Курганы эти, очевидно, насыпаны над могилами вождей скифов, совершавших в VII в. походы в Переднюю Азию.

Именно эти племена Северного Причерноморья именовали себя скифами (под таким именем они были известны и народам Передней Азии). Позднее греки перенесли название «скифы» и на другие евразийские племена со сходными формами хозяйства, быта и культуры. Причерноморские скифы создали могущественное политическое объединение во главе с племенем «царских скифов».

На северных берегах Черного моря по соседству со скифскими племенами обосновывались выходцы из эллинского мира. В VIII—VII вв. до н.э. они приезжали сначала для торговли, а затем создали свои многочисленные поселения: Ольвию (у устья Буга), Пантикапей (современная Керчь) и др. Эти греческие города были тесно связаны с местным населением. Скифы обычно благожелательно относились к греческим колонистам, торговали с ними, ценили получаемые от них предметы художественного ремесла.

Греки внимательно следили за событиями в стране скифов, интересовались их обычаями, традициями, религией. Сочинения античных авторов содержат много данных о Скифии. Особенно важен труд Геродота,

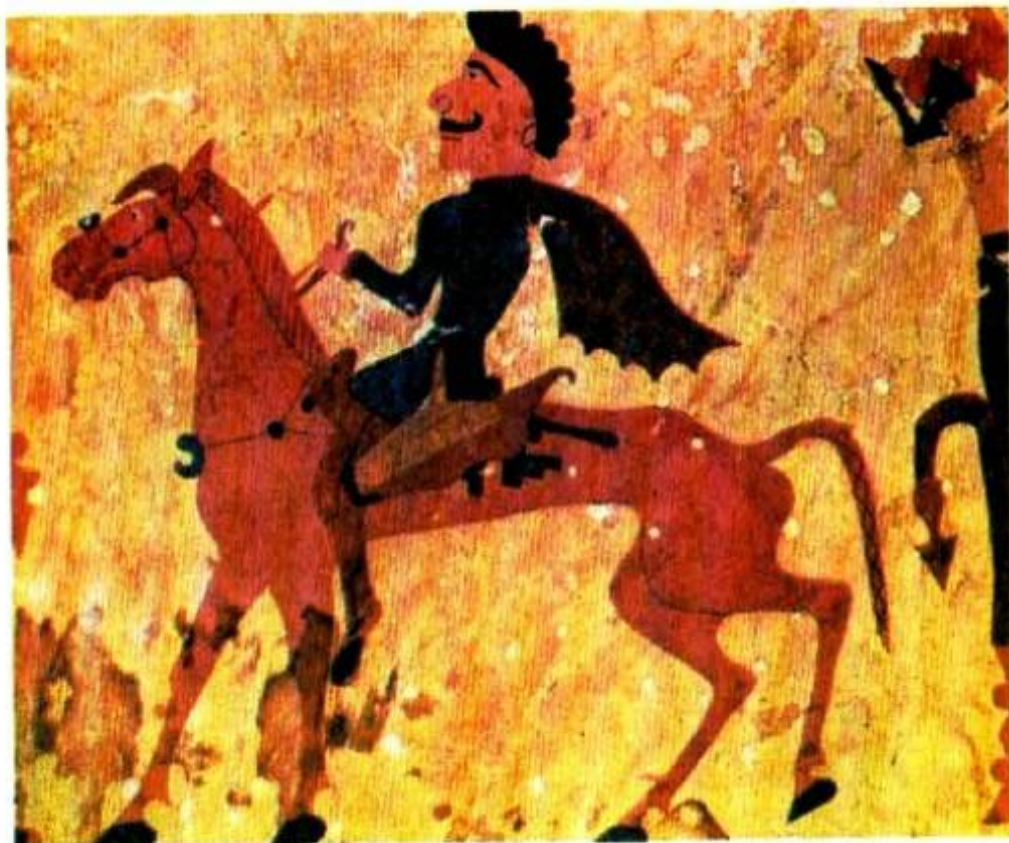

Олень. Золотая обкладка щита из скифского кургана Прикубанья. VI в. до н.э.

который бывал в Ольвии и беседовал со скифами. У ученых не раз возникали сомнения в правдоподобности многих античных рассказов о Скифии, в том числе сведений Геродота. Но материалы современной археологии подтверждали достоверность сообщений об обычаях скифов, конкретных эпизодах их истории. Примером тому может служить рассказ о скифском царе Скиле.

Царю Ариапиту наследовал его сын от элинии Скил, которого мать научила греческому языку и грамоте. Он испытывал склонность к эллинским обычаям и часто посещал Ольвию. Сопровождающий его отряд Скил оставлял у городских стен и приказывал запирали ворота, чтобы скифы не знали, как он проводил время. Скил жил в Ольвии как эллин: одевался в греческое платье, приносил жертвы греческим богам. Когда же он был посвящен в таинства бога Диониса, один из жителей города с насмешкой рассказал об этом скифам, ожидавшим у ворот своего вождя. Он тайно провел их на башню, откуда они увидели царя в вакхическом исступлении. Тогда скифы взбунтовались, свергли Скила и сделали царем его брата. Скил был вынужден бежать за Дунай к царю фракийцев. Новый правитель Скифии двинулся войной на Фракию. Недалеко от Дуная сошлись войска фракийцев и скифов. Но их цари договорились между собой, Скил был выдан брату-сопернику и обезглавлен. «Так оберегают скифы свои обычаи и так сурово карают тех, кто заимствует чужое» — заключает свой рассказ Геродот.

Геродот — единственный, от кого была известна история Скила. У ученых не было уверенности в достоверности этого повествования и даже в реальном существовании самого Скила. Но вот в румынской Добрудже (между низовьями Дуная и Черным морем) нашли древний золотой перстень. По стилистическим особенностям ученые отнесли его к V в. до н.э. — как раз к тому времени, когда, по Геродоту, жил Скил. На перстне

Скифский всадник. Аппликация из цветного войлока на ковре. Пазырыкские курганы. Алтай

греческими буквами вырезано имя Скила и изображена богиня с зеркалом в руках, сидящая на стуле или троне.

Такой сюжет известен по многим изделиям скифского искусства. Часто перед сидящей богиней с зеркалом — скифский вождь. Эти сцены символизируют получение власти скифским царем от божества; сидящая богиня, очевидно, Табити, которую, как сообщал Геродот, скифы чтили «выше всех прочих божеств» и называли «царицей скифов».

Место находки царского перстня совпадает с районом, где, по Геродоту, погиб Скил. Был ли перстень потерян или брошен Скилом, когда он спасался от преследователей, или снят с его руки перед казнью, можно строить различные догадки, хотя это и не столь важно для нас. Существеннее другая, еще не разрешенная загадка перстня: кроме имени Скила на нем написаны и несколько других слов — греческими же буквами, но не на греческом языке. Возможно, это скифский язык. Надпись еще ждет своего прочтения и, возможно, хранит ответы и на некоторые другие еще не разгаданные вопросы.

Деталь татуировки скифского вождя, загоренного в одном из Пазырыкских курганов

КИФЫ, САРМАТЫ, АЛАНЫ, ОСЕТИНЫ

Помимо этой и, быть может, одной-двух других кратких надписей греческими буквами, не сохранилось памятников собственной письменности скифов. Еще в XIX в. шли горячие споры о языке этого народа. Высказывались различные мнения. Полагали, например, что скифы принадлежали к тюркским или монгольским народам. Прошло немало времени, прежде чем стало ясно, что язык скифов относился к индоевропейской семье языков, к ее индоиранской ветви. Первоначально такой вывод был сделан на основании изучения некоторых имен скифов, упоминаемых в сочинениях античных авторов. Было установлено, что это иранские имена — они образованы от слов, которые были тогда уже известны по памятникам древнеиранской письменности («Авеста» и др.).

Важные данные о языке древнего населения Причерноморских степей, скифов и родственных им сарматов, были получены в результате лингвистического анализа личных имен греческих надписей и эллинических

городов Северного Причерноморья. Детально исследованные В. В. Латышевым и другими учеными, надписи дали богатейший ономастический материал. Наряду с греческими в них упоминается большое число личных имен иного происхождения, принадлежавших местному, неэллинскому населению. Среди них уже в конце XIX в. были выявлены многие бесспорно иранские имена. Большая заслуга в установлении этого факта принадлежит русскому ученому В. Ф. Миллеру (1848—1913). Ему удалось также доказать особую близость языка скифо-сарматских племен к осетинскому — одному из современных иранских языков.

Изучение скифо-сарматской ономастики успешно продолжалось и в последующие десятилетия. Число имен с надежно установленной иранской этимологией немало возросло благодаря исследованиям немецкого ученого М. Фасмера, венгерского востоковеда Я. Харматты и прежде всего трудам советского ираниста В. И. Абаева. Профессор Абаев раскрыл значение целого ряда непонятных ранее скифских имен и обобщил результаты исследований в своем труде «Скифский язык» и в работах по истории осетинского языка и культуры.

Наряду с личными и племенными именами были проанализированы древние географические названия с территории Скифии. До настоящего времени такие реки, как Дон, Днепр, Днестр, носят названия, связанные с древним скифским миром. Они восходят к скифскому слову «дану» (позже «дан») — «река», известному и в других иранских языках, в том числе в современном осетинском («дон» — «река», «вода»).

В античной литературе Дон постоянно именуется Танаисом. Греческое «Танаис» также связано со словом «Дан». В основе современного названия Днепра (древнерусское — Дъньпръ) лежит более древнее «Дан-апр» (в греческой передаче — Данаприс) — «Река Глубокая». От «Дан» образовано и имя Днестра (древнерусское — Дъньстръ), засвидетельствованное позднеантичными и византийскими источниками как «Данастрис», «Данастер». Название реки Прут, о которой Геродот сообщает, что она по-скифски именуется «Пората», связано с осетинским словом

Предметы из «Саккызского клад». VII в. до н.э. Иран

«форд» — «большая река», «море» (современное осетинское «ф» закономерно восходит к более древнему «ш», а «д» к «т»).

Геродот упоминает и другие реки Скифии. Не все они, конечно, сохранили до настоящего времени свои названия. Такова, например, Пантикапа (одна из рек между Днепром и Доном). Ее название состоит из слов «панти» — «путь» и «капа» — «рыба»; первое существовало в ряде индоевропейских языков, в том числе иранских и индийских, а второе известно лишь по иранским языкам, родственным скифскому, например по осетинскому. То же название — «Рыбий путь» в древности носил, очевидно, и Керченский пролив, на берегу которого была основана греческая колония Пантикапей (этот город тщательно изучен советскими археологами). Уже в скифский период Азовское море и Керченский пролив славились обилием рыбы. Об этом неоднократно упоминается в античных источниках. Так, в своих судебных речах Демосфен, например, не раз говорил о грузенных соленой рыбой судах, шедших из Пантикапея. Кстати, знаменитого древнегреческого оратора упрекали за скифское происхождение: его бабка была скифянка, вышедшая замуж за грека, жившего в Причерноморье.

Само название Черного моря также восходит к далекой скифской эпохе. Его древнегреческое наименование — «Понт Эвксинский», т. е. «Гостеприимное море». Но «Эвксинское» — «гостеприимный» является здесь позднейшим греческим осмыслением более раннего «Аксинское» (по-гречески — «негостеприимный»), как еще именуют Черное море («Понт Аксинский») греческий поэт Пиндар, трагик Эврипид и др. А это название происходит от «Ахшаина» (отсутствующее в греческом «ш» воспринималось как «с»). Известное во многих иранских языках, включая осетинский, данное слово означает «темный», «темно-серый», «темно-синий». Здесь, безусловно, не простое созвучие, а непосредственная

связь названий—греческого «Аксейнос» и иранского слова «ахшаина»: известно, что в древности Черное море и в Иране именовалось «морем Ахшен» (от более древнего «Ахшаина»).

Эти и многие другие данные не оставляют сомнения в том, что скифы и сарматы принадлежали к числу ираноязычных народов. Глубокому анализу ученые подвергли также скифские легенды и сказания, переданные античными писателями. В религии, мифологии, эпосе скифов и других индоиранских народов, обитавших в Индии, Иране, Средней Азии, было выявлено много общего. И теперь еще сюжеты и образы национального осетинского эпоса «Нарты» имеют прямые соответствия в древней литературе Индии и Ирана. В «Нартах» прослеживаются и многие черты, отражающие религиозные и мифологические представления, конкретные особенности быта и традиционных обычаев скифов.

Проникая в глубь веков, мы видим, какую роль играли ираноязычные племена в истории юга нашей страны. В поздней древности и раннем средневековье, в Византии и в Западной Европе они были известны под именем аланов (это имя, как и само название осетин в их эпосе «аллон», происходит от слова «арии», «ариана»—в сармато-аланских диалектах закономерно «алан»). В русских летописях аланские племена именовались ясами.

В эпоху Великого переселения народов группы аланских племен проникли далеко на запад; они сражались на территории современных Франции, Испании, Северной Африки. События той эпохи и последующих веков вплоть до монгольских завоеваний сильно изменили этническую карту степных пространств Евразии: многие ираноязычные племена и народности смешались с тюркскими племенами и народами, такими, как печенеги, половцы, узбеки, туркмены, казахи. В древности же в степях Евразии обитали преимущественно ираноязычные племена. Тогда к ним, в том числе к сарматам и аланам, прилагалось общее название «скифы», но собственно скифами, как уже отмечалось, назывались одна группа племен Юго-Восточной Европы.

ОЛЯРНАЯ НОЧЬ ЗА СКИФИЕЙ

Именно об этих скифских племенах, которые находились в тесных контактах с эллинским миром, сохранились наиболее подробные сведения в античной литературе. Из нее мы узнаем о различных сторонах жизни скифов и их культуре. Обширна и многообразна была народная традиция скифов. Они обладали богатым эпосом, сложными мифологическими и религиозными представлениями. Об этом можно судить даже по отрывкам, которые сохранились в трудах античных авторов.

Среди фрагментов случайно дошедших до нас отрывков скифского эпоса мы неожиданно находим параллели к индийским сказаниям о «полярных» странах. Так, Геродот пишет, что, по сообщениям скифов и живущих за ними племен, далеко на севере обитают люди, «которые спят по шесть месяцев». Видимо, в рассказах племен Скифии упоминались северные области, где ночь продолжается полгода. В античной литерату-

ре об этом сохранились более подробные сведения. В ней говорилось о стране, расположенной к северу от Скифии, за областями, окутанными густым мраком, подверженными действию страшного холода и леденящему веянию северного ветра, стране, где день продолжается полгода, по утрам жители сеют, в полдень жнут, а вечером собирают плоды деревьев.

У римского географа Помпония Мелы (I в. н. э.) в его труде «Описание земли», основанном на многих более ранних сочинениях, мы читаем о тех же областях за Скифией, «у самого северного полюса»: «Там солнце восходит и заходит не ежедневно, как у нас, но, взойдя впервые во время весеннего равноденствия, заходит только во время осеннего. Таким образом, шесть месяцев продолжается день и столько же месяцев непрерывная ночь».

А вот что писал о странах к северу от Скифии известный естествоиспытатель Плиний (I в. н. э.): «Здесь полгода бывает светло... однажды в год, во время летнего солнцестояния, встает у них солнце и однажды во время зимнего солнцестояния заходит». Невольно вспоминается почти точно совпадающий отрывок из первой главы индийских «Законов Ману» о стране, где год состоит из ночи и дня, день—это «движение солнца к северу, ночь—движение солнца к югу». С приведенными свидетельствами перекликаются и данные древнеиндийской литературы о стране, где солнце встает раз в году и светит полгода, а вторую половину его окутывает тьма ночи.

Подобно индийским математикам и астрономам, которые объясняли ранее существовавшие «полярные» сведения, античные ученые в соответствии с географическими и астрономическими познаниями своего времени толковали данные более древней традиции. Плинию, в частности, судя по его словам, были известны различные рассказы о «полярных» явлениях и их разные трактовки. Это подтверждается и сообщением римского географа Солина (II—III в. н. э.). Следуя во многом за Мелой и Плинием, он, однако, приводит и иные мнения по этому вопросу: в стране за Скифией на далком севере якобы существуют два солнца—заходящее и восходящее; «но этого не допускает разум», замечает Солин и продолжает: «Полагают, что там находятся мировые оси и крайние пути созвездий, шестимесячный свет и заходящее только на один день солнце; хотя некоторые думают, что там солнце восходит и заходит не ежедневно, как у нас, но в весеннее равноденствие восходит, а в осеннее заходит: таким образом, в течение шести месяцев продолжается бесконечный день, а в другие шесть постоянная ночь».

Античные ученые, как мы видим, по-разному трактовали «полярные» сведения о заскифских странах, но важнее обратить внимание на другое: подобные представления бытовали задолго до эпохи расцвета римской и эллинистической науки (об этом ясно свидетельствует, например, сообщение Геродота). И в Индии ученые повторяли древнюю традицию, пытались объяснить ее, или принимали традиционные положения в качестве канона; иногда они подобно Бхаскара-ачарье открыто признавались, что не понимают противоречивых сведений о «полярных» явлениях, и готовы были отнести их за счет невежественного вымысла.

Таким образом, возникновение подобных сюжетов и в античном мире, и в Индии нельзя отнести за счет чисто умозрительных построений. Но как в таком случае объяснить происхождение этих рассказов — «вымыслов» или «преданий»? Имели ли они какую-либо реальную основу? Страна скифов находилась далеко от Полярного круга, но все же гораздо ближе к нему, чем Индия. Может быть, именно здесь легче определить истоки этих преданий и конкретную географическую панораму?

ПУТЬ К ИССЕДОНАМ

ПДанные о заскифской области полярной ночи приводятся в сочинениях античных авторов при географической характеристике стран скифов и их соседей. Эти авторы обычно начинают свои описания со страны скифов и затем двигаются вглубь материка к северу или северо-востоку, пересекая Танаис-Дон, и следуют до каменистых областей, расположенных у подножий гор. Наряду с описанием местоположения, природы и климата этих территорий античные авторы рассказывают и о живших там народах, их обычаях и нравах.

Геродот сообщал о племенах далеко за Скифией: тиссагетах и иирках, занимавшихся охотой и населявших лесостепные или лесные районы; восточнее их обитали скифы-степняки, родственные причерноморским. Далее к северу лежала «земля каменистая и неровная». Пройдя по ней, можно было попасть к аргиппеям, жившим в лесных областях и отличавшимся, по Геродоту, особой речью, необычными чертами лица, причудливыми обычаями: недалеко от них находилась страна исседонов. Обо всех этих народах знали и многие другие античные авторы.

Описания глубинных территорий основывались прежде всего на сведениях, полученных греками от скифов. Из Скифии в северо-восточные области шел торговый путь, и они были хорошо известны скифам и греческим колонистам Северного Причерноморья. Геродот специально подчеркивает правдивость сведений о заскифских областях вплоть до аргиппеев. Он говорит, что туда «ходят некоторые скифы, от коих, как и от эллинов торжища Борисфена (т. е. Ольвии), можно легко добыть сведения; кто из скифов посещает их, тот пользуется для своих деловых сношений семью переводчиками и семью языками». Сведения греков о заскифских странах постоянно умножались. Расширялся и географический кругозор эллинов, которые сами вели торговлю на пути, ведущем в отдаленные районы, а некоторые из эллинов, вероятно, специально совершали туда путешествия. Широкую известность приобрели сообщения Аристея о его странствиях в VII в. до н. э. в заскифские области. И после Геродота продолжала поступать новая информация о далеких районах за Скифией. Она содержалась, например, в труде младшего современника Геродота логографа Гелланика «Скифика».

К сожалению, такие сочинения, за исключением труда Геродота, не сохранились полностью. Однако их сведения использовались другими античными авторами, живо интересовавшимися скифским миром: древними греческими поэтами Алкманом (VII в. до н. э.), Пиндаром (VI—V вв.

до н. э.), известным географом и путешественником Гекатеем Милетским (VI—V вв. до н. э.), трагиками Эсхилом (VI—V вв. до н. э.) и Софоклом (V в. до н. э.), логографом Дамастом (V в. до н. э.), врачом Гиппократом (V—IV вв. до н. э.), величайшим мыслителем древности Аристотелем (IV в. до н. э.) и многими другими древнегреческими, а затем римскими и византийскими поэтами, писателями, учеными.

Страну причерноморских скифов и их близких соседей греки знали достаточно хорошо; сведения же о более отдаленных народах вплоть до аргиппеев и исседонов были не столь определенны. И уже совсем иной характер носили описания стран за аргиппеями и исседонами. Там якобы обитали «люди с козлиными ногами» и «одноглазые» аримаспы, постоянно борющиеся со «стерегущими золото грифами». Этот популярный сюжет вдохновил Эсхила в его трагедии «Прикованный Прометей» на следующие строки: «Остроклювых бойся грифов, Зевсовых собак безмолвных! Одноглазой конной рати аримаспов, живущих у золототекучего Плутонова потока». Реки, текущие в золотых руслах, золото, которое стерегут грифы, связывалось в таких рассказах с высочайшими горами — Рипейскими, как их называли многие античные авторы. На этих горах в пещере находилось жилище сурового Северного ветра, а еще дальше, за горами, помещали море, или океан, и «славившийся баснословными чудесами» народ, называемый греками гиперборейями.

Здесь, по-видимому, смесь реальности и вымысла, плод фантазии, но не греческих авторов, а скифов и их соседей, на рассказы которых и ссылались эллины. Скифы, а вслед за ними и многие античные авторы верили в реальное существование легендарных народов Севера. Впрочем, скифы не утверждали, что они бывали в этих далеких странах и видели их обитателей. Трезвый Геродот осторожно подходил к оценке рассказов об обитателях Севера, передавал лишь некоторые из них и не считал их правдоподобными.

ВОСТОК ИЛИ СЕВЕР?

ВСовременные ученые по-разному трактуют данные античной традиции и различным образом размещают на карте народы за Скифией. Наиболее убедительно положение, согласно которому торговый путь из Скифии вел до лесных районов Поволжья и областей Южного Приуралья. Это мнение с привлечением археологических материалов убедительно обосновал известный советский ученый Б. Н. Граков. Если принять такое направление пути, то исседонов следует помещать где-то у Южного Урала или в Зауралье. Возможно, справедливо отождествление названия народа исседонов, или исседов, с названием реки Исеть (на ней стоит современный Свердловск). Еще в XVII в. была известна область Исетия, упоминаемая в русских документах; в XVIII в. указанные районы Зауралья входили в особую Исетскую провинцию Российского государства.

Согласно таким выводам, высокие горы (Рипейские), у которых живут аргиппей и исседоны, — Уральский хребет. Но на географическую карту часто наносят области не только аргиппеев и исседонов, но и одноглазых

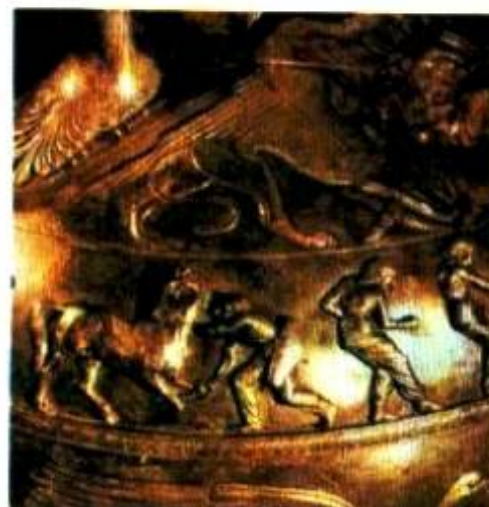

аримаспов, гипербореев и даже «остроклювых» грифов. Обычно их помещают далеко на востоке. Иногда и аргипшеев локализируют не в лесах Поволжья, а в степях Казахстана, восточнее их — исседонов и т. д. Аримаспы оказываются в этом случае в приалтайских степях, а на Алтае, богатом золотом, — грифы. Золототекучая река аримаспов увязывается с Енисеем. Рипейские горы отождествляются с горными массивами Центральной Азии, расположенный за Рипейскими горами «океан» — с морями Тихоокеанского бассейна. Гиперборей, жившие по античной традиции между Рипейскими горами и океаном, оказываются тогда на территории Китая. Такую версию принимает, например, и английский ученый Дж. Болтон в недавно выпущенной книге об Аристее. В заключении к своему труду Болтон пишет, что Аристей, не вернувшийся из своего второго путешествия, мог закончить свою жизнь среди гипербореев в Китае.

Подобные мнения, безусловно, необоснованны. Они расходятся с конкретными сведениями античных источников о тех или иных областях и народах за Скифией — сведениями, которые показывают, например, что путь в далекие страны пролегал по степным, а затем по лесным районам. Аргипшеев, в частности, также не могут быть помещены на территории Казахстана или иных степных областей, так как этот народ, по данным Геродота и других авторов, жил в лесной местности. Выводы сторонников «восточного направления» прямо противоречат и всей системе географических представлений античных авторов, помещавших далекие заскифские страны именно на севере, а не на востоке.

Не могут быть приняты и отдельные аргументы в пользу того, что упомянутый торговый путь якобы вел в далекие восточные страны. Так, предметы греческого экспорта из Северного Причерноморья в скифский период не достигали областей Глубинной Азии. Но они хорошо известны в Поволжье до бассейна Камы, а в степных территориях встречаются не далее современной Оренбургской области.

Дж. Болтон и его предшественники отмечали, что необычные сообщения античной литературы о далеких заскифских странах и сверхъесте-

Пантера. Золотая обкладка щита из скифского кургана Прикубанья. V в. до н.э.

Сцены скифского быта. Деталь серебряной амфоры из скифского кургана Приднепровья. IV в. до н.э.

ственному облике их обитателей (например, одноглазых грифов и их чудовищных противников) находят соответствия в фольклорной традиции центральноазиатских и восточносибирских народов. Действительно, эти параллели весьма интересны, однако они вовсе не доказывают, что до причерноморских скифов и греков доходили рассказы из далеких восточных стран. Дело в том, что такие же и даже более поразительные аналогии можно обнаружить в мифологических представлениях и эпосе народов Северной Европы и Урала.

Существенно, что сами античные авторы располагали известными им народы и страны за Скифией на севере. К сожалению, многие ученые не учитывают этих свидетельств или полагают, что они указывают лишь на примерное направление — от моря в глубь Скифии первоначально на северо-восток, а далее к востоку. Но вот что сообщают источники. В сочинении «О народах» Дамаст писал: «Выше скифов живут исседоны, еще выше этих — аримаспы, за аримаспами (находятся) Рипейские горы, с которых дует Борей и никогда не сходит снег, а за этими горами живут гиперборей до другого моря». Борей — Северный ветер (или бог северных ветров), а упоминаемое здесь море называется «другим» в противопоставление Черному морю.

Сходное сообщение приводит Геродот со слов Аристеев: «Над исседонами живут одноглазые люди аримаспы, над аримаспами стерегущие золото грифы, а еще выше гиперборей, простирающиеся до моря». Это море — «северное», так как далее Геродот прямо противопоставляет его «южному морю» (Черному). По данным историка Помпея Трога (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.), территория Скифии ограничивалась с юга Понтом Эвксинским, а с севера — Рипейскими горами. В географическом труде Помпония Мелы в разделе о заскифских областях рассказывается, что за страной аргипшеев возвышаются Рипейские горы, а по другую их сторону «лежит побережье, обращенное» к северному океану. В сочинении Аристотеля «Метеорологика» читаем: «Под самым севером выше крайних пределов Скифии находятся Рипы». Именно на севере помещали

Гриф. Рукоятка меча из скифского кургана Прикубанья, V в. до н.э.

также грифов, о чем сообщают различные авторы, в том числе Геродот, который ссылается на рассказы скифов. Согласно Плинию, аримаспы обитают «недалеко от места возникновения Аквилона» (Северный ветер, латинское соответствие Борею).

Области у Рипейских гор, пишет Плиний, «обездолены природой и окутаны мглой, служат лишь образованию льда и холодным обиталищем Северного ветра». Эту страну Плиний и ряд других авторов называют «Пероносной», так как в ней «постоянно падает похожий на перья снег». Уже Геродот, со слов скифов, сообщал о том, что в отдаленных местностях к северу от Скифии «перьями наполнены земля и воздух... Всякий видевший вблизи, как идет сильный снег, понимает меня, потому что снег похож на перья».

В той стране далеко за Скифией, у Рипейских гор, по описанию античных авторов, царят мрак и темнота. «Самой природой погруженная в вечную тьму и совершенно оцепеневшая от самых вместилищ Аквилона единственная земля,— писал Солин,— которая не знает смены времени года и ничего другого не получает от неба, кроме постоянной зимы». А вот отрывок из трагедии Софокла «Эдип в Колоне»: «Как на севере зимою, в море мыс, отовсюду ноли прибоем потрясен... То с востока прибой гремит, то подымется с запада, то с полуденных светлых стран, то от гор Рипейских полуночных».

Как области холода, снега, мрака описывались местности у Рипейских гор многими греческими авторами уже VII—IV вв. до н.э. И именно там, за далекими заскифскими горами, располагали они страну, где «шесть месяцев продолжается день и столько же месяцев непрерывная ночь», где «солнце встает однажды в год», где люди спят по полгода.

Не остается, таким образом, сомнений в том, что все эти народы и страны находились не на востоке вплоть до Центральной Азии и Китая, а помещались к северу от Скифии. Их определенно следует связывать с областями Северо-Восточной Европы и Урала.

РЕАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Судя по описанию античными авторами пути до аргипшеев и исседонов, расположенные вблизи них горы (Рипейские) могли бы быть отождествлены с Уральскими горами. Обнаруживается, однако, и стойкая традиция о том, что Рипы тянулись на всем пространстве к северу от скифского мира. По мнению ряда античных авторов, Рипейские горы занимали весь север Европы. Так, например, они изображались на одной из первых карт земли, составленной в VI в. до н.э. Гекатеем Милетским. Аристотель, не доверяя рассказам о «баснословной» величине Рип, тем не менее не сомневался в их существовании и полагал, что с них текут «очень многие, и притом самые огромные, из других рек после Истра». Истр—это Дунай, под другими же реками Европы здесь имеются в виду великие реки Скифии Днепр, Дон и др. Подобные представления Аристотеля отражают стойкую древнюю традицию о связи этих рек с горами на далеком севере.

Понятно, что районы, где берут свое начало Днепр и Дон, не связаны с Уральским хребтом. Но мы можем понять ошибку греков и скифов. Она, очевидно, основана на реальном представлении о том, что великие реки Юго-Восточной Европы от Днепра до Урала текут с севера на юг, а рельеф местности соответственно повышается с юга на север (у Гиппократата, Помпея Трога, Вергилия и других подчеркивается, что равнины Скифии поднимаются с юга на север). Так, видимо, и возникло представление о том, что весь север над Скифией занят горной цепью.

По ту сторону Рипейских гор, согласно античным авторам, находился великий Северный, или «Скифский», океан, омывающий северные берега Европы. Иногда он назывался ледовым, замерзшим. В подобных сведениях античной литературы о заскифских областях можно усмотреть реальное ядро: действительно к северу от Европы лежит Ледовитый океан, в этих районах на самом деле полярная ночь чередуется с полярным днем, хотя, конечно, «непрерывные» ночь и день не продолжаются по полгода.

Схема реальной панорамы идущих к северу областей как бы дополняется и сведениями об их суровом климате. В стране, окутанной мраком, царствуют вечная зима и невыносимый холод, постоянно падает снег. Но здесь мы снова сталкиваемся с неожиданностью. Ведь чем дальше на север, тем холоднее? Но та страна, которая хранит в себе загадку «полярных» представлений, помещаемая еще далее на севере, между вершинами Рипейских гор и Северным океаном, оказывается, обладает теплым климатом, свободна от холодных ветров и рождает обильные плоды. В рощах и лесах именно этой страны, где солнце восходит и заходит раз в году, обитает счастливый народ. Золотые пики Рипейских гор столь велики, что достигают неба, за ними скрывается и из-за них появляется солнце, они касаются звезд, и звезды вращаются вокруг них. Итак, перед нами снова мифические черты, характерные для всего круга представлений о Рипейских горах, сочетание действительного и чудесного.

Если мы попытаемся суммировать все эти сведения, то их содержание можно вкратце изложить в следующей схеме: с юга на север последовательно расположены области действительно существовавших народов, хорошо известных скифам, вплоть до аргишесов и исседонов; затем идут уже мифические племена и фантастические существа, живущие у Рипейских гор; области до склонов этих гор покрыты снегами, здесь суровый, ледящий холод, и сюда нельзя проникнуть человеку; по ту сторону Рипейских гор у их подножий — просторы Великого океана; у золотых Рипейских вершин, достигающих неба, — области «полярных» дня и ночи и страна «блаженного» народа.

Ясно, что бытовавшие в Скифии представления о полярных странах происходят вовсе не от того, что скифы сами там жили, — они обитали гораздо южнее. Но откуда бы ни были получены представления о полярных областях и арктических феноменах, у скифов они явно не могли явиться результатом «научной» абстракции, как и у индийцев, у которых подобные сведения восходят, как мы видели, к очень древней традиции.

Но если в отношении скифских материалов можно говорить о переплетении мифического и чудесного с реальным и конкретным, то древнеиндийская традиция об «арктических» явлениях уже целиком приобрела мифологическую окраску. Данная традиция засвидетельствована в сказаниях, которые пелись и слагались на земле самой Индии. Но Индия не была родиной ариев: их предки пришли сюда из каких-то стран, лежащих дальше к северу. Может быть, они действительно жили некогда за Полярным кругом, как считал Тилак, или подобно скифам обитали недалеко от областей, где могли бытовать какие-то реальные представления о полярных странах? Возможно и предположение, что сходные рассказы скифов и индийцев единого происхождения (ведь и те и другие принадлежали к индоиранским племенам). В этом случае полярные сюжеты, о которых рассказывали и в Причерноморье, и далеко отсюда, в Индии, должны восходить к единой древнейшей основе. Но, основываясь лишь на этом совпадении двух традиций, невозможно утвердительно ответить на поставленные вопросы.

НОВА В ИНДИИ

Необходимо выяснить, нет ли других общих черт, связывающих цикл скифских «полярных» представлений с древнеиндийской «арктической» традицией. Обратимся снова к эпическим поэмам Индии, к ее астрономическим трактатам, к древнейшим религиозным сочинениям.

Восемнадцать книг «Махабхараты», сотни глав, тысячи страниц, 170 000 строк (85 000 шлок — двустиший). Трагический рассказ о происхождении и смертельной расправе двух родственных семей — Пандавов и Кауров, о войне между ними, в которую были втянуты племена всей Древней Индии, описания подвигов и злоключений героев, великой битвы на поле Курукшетры. Неторопливое повествование прерывается поучениями и беседами мудрецов о богах и служении им, о долге человека и смысле

Полководец и мудрец Бхишма был смертельно ранен в битве на Курукшетре. Современный рисунок с каменного рельефа XII в. н.э.

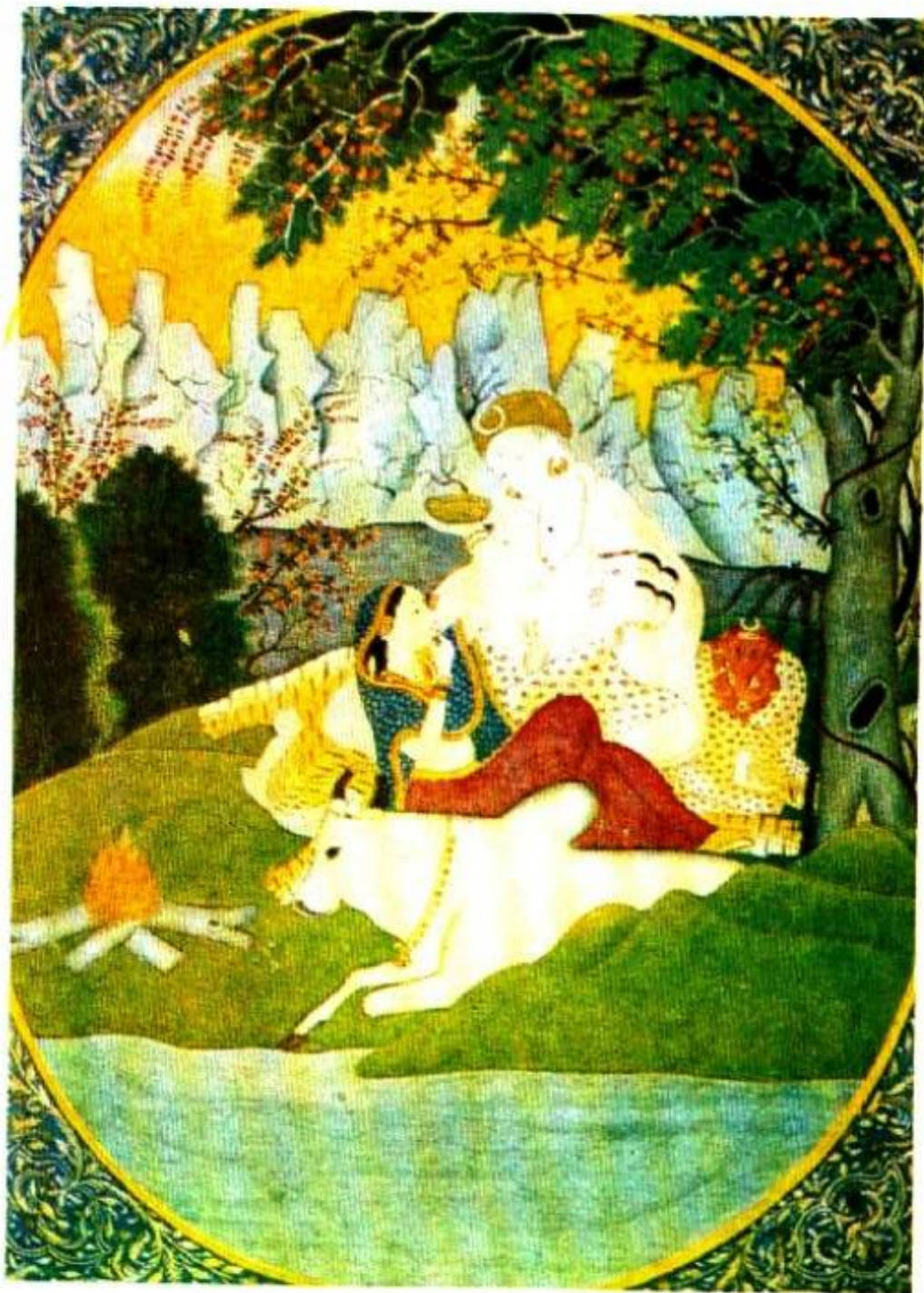
жизни. Мудрые риши сопровождают свое повествование яркими примерами — эпизодами из жизни богов и героев, сказаниями о близких и далеких странах.

И вновь встречаются описания «полярных» явлений в стране, которая помещается где-то далеко на севере, хотя данные о реальном положении этих районов сбивчивы и неясны. Существует, однако, и «точное» указание — гора Меру: именно там «полгода день, полгода ночь», «одна ночь и один день вместе равны году»; высоко на небе «видна укрепленная богом-творцом Полярная звезда», вокруг нее обходят круги созвездия Большой Медведицы, Кассиопеи и Волопаса, блистают рожденные радугой десять апсар (северное сияние?).

В пуранах — сборниках сказаний о богах, царях и героях — не раз сообщается о том, что у священных обитателей горы Меру день продолжается шесть месяцев и ночь также длится полгода. На Меру один день («день богов») равен году. В астрономическом трактате «Сурья-сиддханта» говорится, что после восхода солнца оно видно на горе Меру целых полгода. Бхаскара-ачарья утверждал, что «на Меру полгода постоянный день, полгода постоянная ночь».

Индийские ученые, считавшие землю шаром, помещали Меру на Северном полюсе. Более ранние тексты располагали хребет Меру на всем севере земли с запада на восток, в далекой зоне холода. Именно в этой стране, где сияют вершины Меру, замерзшие воды «принимают красивые образы».

В «Махабхарате» повествуется: «На северной стороне, сияя, стоит могучий Меру ... на нем обитель Брахмы, здесь душа всех существ пребывает, Праджapati, все подвижное и неподвижное сотворивший ... Великий Меру, непорочная, благая обитель. Здесь заходят и вновь над

Бог Шива и его супруга Парвати на солнечной горной вершине. Миниатюра XVII в. н. э.

горой восходят «Семь Риши» во главе с Васиштхой»¹. Древние сказители называли Меру «неизмеримо высокой, невиданной нигде в мирах». Своими вершинами она упирается в небо. На Меру пребывают всемогущие боги — Брахма, Шива, Вишну; там построен великолепный дворец Индры; могучий бог ветра Вайю облетает свои владения, а Сом дарует богам священный напиток бессмертия.

«Здесь боги, асуры, киннары, гандхарвы, змеи», различные божественные существа, небесные нимфы. «Многочисленные хороводы апсар сюда слетались, всех обвеивал благой ветерок, несущий всякие ароматы, приятный, чистый», «стаями дивных птиц Белая гора сияла. Там все сонмы богов и все божественные риши, как звуки музыки туч, как бушующий океан, звучали».

Великолепный Сурья — бог лучезарного солнца, взойдя над Меру, «дает бытие и его распределяет между всем подвижным и неподвижным». Никогда не покидает он Меру. «Бог, лучами поражающий тьму, дающий жизнь миру Адитья-Солнце беспрепятственно вращается по этой дороге». Обойдя со всех сторон горы Меру, он вновь возвращается к их главной вершине, зовущейся Мандара. Так же как и солнце вокруг этих гор, путь свершают и другие светила. «Ведь изо дня в день этому владыке Меру луна и солнце совершают прадакшину², двигаясь по кругу, о радость Куру! Также и все звезды,

Богиня Парвати. Бронзовая статуэтка X в. н. э.

¹ Перевод Б. Л. Смирнова. Здесь и в дальнейшем авторы наряду с собственными переводами древних источников цитируют научные, литературные и поэтические переводы «Махабхараты» (В. И. Кальянова, Б. Л. Смирнова), «Ригведы» (Т. Я. Елизаренковой), «Шах-нам» (Ц. Б. Бану-Латути), некоторых греческих поэтов и т. д. Издания всех использованных переводов указаны в списке литературы.

² Прадакшина — обход вокруг священного места, проявление особого почтения.

все светила без исключения, двигаясь по кругу, горе Меру творят прадакшину, о махараджа!»

Представление, что вокруг Меру вращаются все светила, было общепринятым в древнеиндийской традиции. «Крутом» всех астрономических тел составители пураических сказаний называют путь постоянного движения солнца и звезд вокруг Меру. И даже математик и астроном Брахмагупта передавал мнение о том, что Меру «находится под полюсом, и звезды вращаются у ее подножия, так что восход и заход зависят от нее, благодаря своей мощи она может скрывать и открывать земле солнце и луну». Любопытное сказание об этой предопределенной именно Меру космической роли рассказывает герою «Махабхараты» Юдхиштхире великий мудрец-муни Ломани: однажды взревновал могучий горный хребет Виндхья (горный массив между Северной Индией и Деканом), «видя, как солнце обходит Меру при восходе и закате, скалистый Виндхья сказал тогда солнцу: «Как владыка ежедневно обходит Меру, творя прадакшину, так пусть и мне творец Света окажет такое же (почтенье)!» На эти слова Сурья властелину гор ответил: «Не по своему желанию той горе я совершаю прадакшину, такой путь предначертан мне теми, кто этот мир созидали».

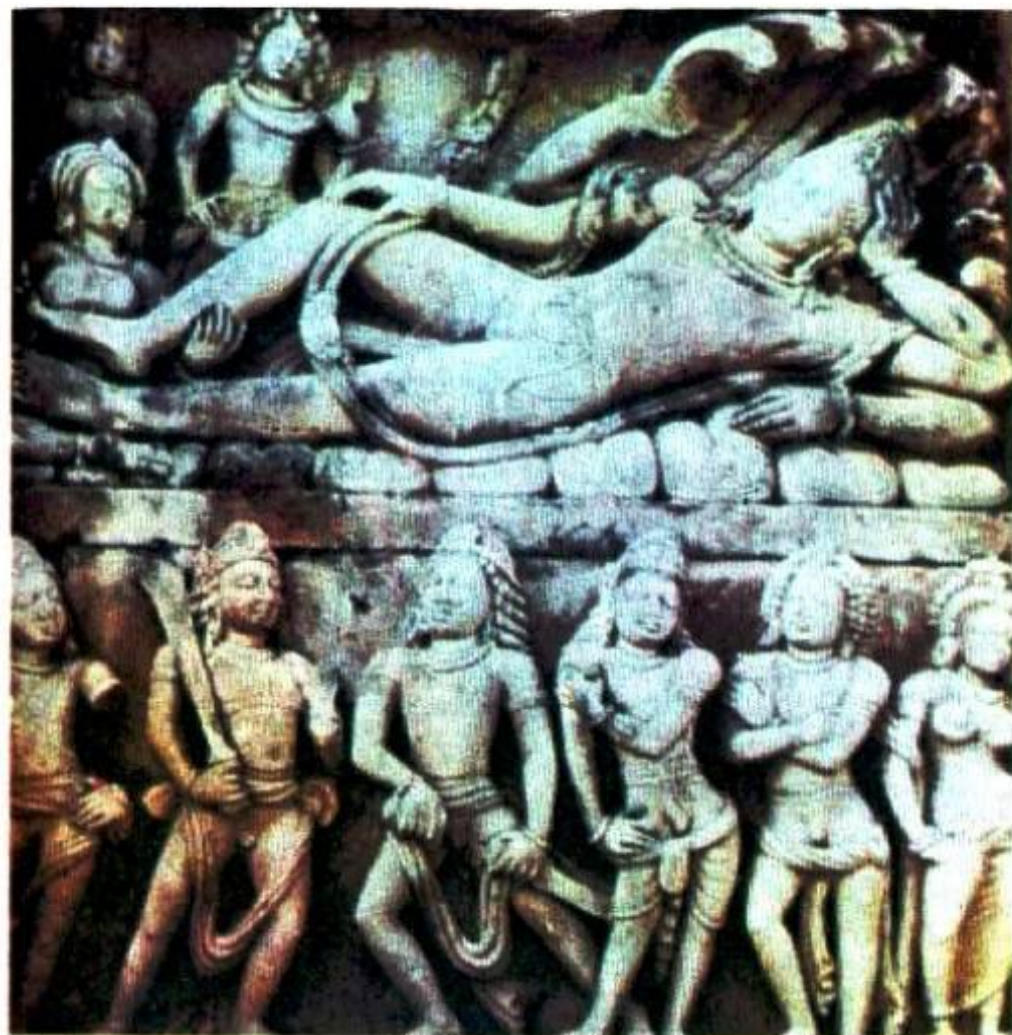
«Золотой горой» называется в эпосе Меру, золотом блистают ее вершины. И в эпоху расцвета древнеиндийской науки, в VI в. н. э., астроном и географ Варахамихира писал, что «гора Меру построена из золотых плит ... между ними поднялись деревья в обильном цвету, усыпанные благоухающими соцветиями». В золотых руслах текут там реки, озера с золотым дном блестят, как луна. Из этих водоемов берут начало священные потоки, самые чистые и прозрачные, ибо их воды несутся над чистейшим золотом. Здесь лучшая из рек «небесная Ганга» — «дочь Мандары», источник всех вод земли. Отсюда направили боги великие потоки и в мир людей.

Индийские сказания о священных горах Меру несравненно богаче сведений о Рипейских горах, которые известны лишь по отрывочным упоминаниям античных писателей. Но и эти разнородные материалы дают основание для новых сравнений двух традиций. И Рипейские горы, и Меру помещались на далеком севере, они протянулись по северной окраине мира. И те и другие достигают небес: вокруг их вершин вращаются светила. Подобно вершинам Меру сияют золотые Рипейские горы. С Рипейских гор, как и с Меру, текут реки в золотых руслах; с этих гор берут начало и великие земные реки.

МОЛОЧНЫЙ ОКЕАН

М «Перенесемся теперь мысленно через Рипейские горы и пойдем... по берегу океана». Последуем совету Плиния, который говорит здесь о Северном, или «Скифском», океане. К северу от Меру также простирается Северный океан; часто он называется Белым или Молочным.

Великий мудрец и герой, старший из Кауравов, Бхишма, рассказывая о стране на севере, говорит Юдхиштхире: «Северный склон Меру,

Бог Вишну-Нараяна на вечном змее. Рельеф VI в. н.э.

побережье Молочного моря — вот та страна». И герои «Рамаяны» знали о Вечном океане, расположенном на самом далеком севере, рядом с золотоголовыми вершинами достигающих неба северных гор. О великом водном пространстве у горы Меру говорится в различных произведениях древнеиндийской литературы. Расселяясь по Индии, индоарийские племена, конечно, уже не знали, где в действительности могло находиться великое северное море. Но они рассказывали о его существовании, повторяли древние предания о нем. Сами герои «Махабхараты» относят такие сказания к сюжетам древних таинств, полагая, что они передаются мудрыми риши со времен золотого века мироздания — Критаюги.

Риши в обители бога Нараяны. Микеланджело
к «Махабхарате»

Комментаторы индийских сказаний, пытаются определить, где мог бы находиться Северный океан, часто помещали его по ту сторону Гималайских гор. Но эпос рассказывает об ином. За Гималаями лежат хребты Тибета, Гиндукуша, Памира... а за ними песчаные просторы Центральной и Средней Азии — территории, которые явно не могли породить представление о Северном океане у индийцев. К тому же индийцы уже весьма рано вступили в торговые и культурные связи с населением этих областей и имели о них конкретные знания. Индийские эпические сказания рассказывают о четырех океанах — Восточном, Южном, Западном и Северном. Из них первые три действительно были известны древним индийцам. Под ними они понимали Бенгальский залив, Индийский океан и Аравийское море. Представления же о четвертом — далеком Северном океане были туманными.

«Взяв сосуды, люди направляются к Восточному океану и Южному, — говорит Дурьодхана, один из героев «Махабхараты», — и точно так же идут они к Западному океану. Но не идут они к Северному океану, ибо никому он недоступен, кроме птиц». «Никто, кроме птиц, — повторяет он далее, — никогда не идет к Северному океану».

Многочисленны и разнообразны индийские сказания о дальних северных странах, но почти всегда в этих преданиях можно найти одну и ту же «географическую» основу: поднимающиеся на далеком севере хребты Меру, по другую сторону великий Северный океан — Молочное море. В странах, расположенных у Меру, и наблюдались, по словам индийских сказителей, такие явления, которые мы имели все основания назвать «арктическими». Все это удивительно напоминает «скифскую» традицию о северных областях, традицию, в которой прослеживается реальная географическая основа: территория, где местность повышается на север, с Уральскими горами на востоке этой территории; области за Полярным кругом; Северный Ледовитый океан.

Не являются ли те же географические реалии прообразом представлений древних индийцев о великих горах на далеком севере, о «полярных» явлениях, о великом «Северном океане» («Молочном море»)? Мы могли бы утвердительно ответить на этот вопрос, если бы были уверены в том, что обе традиции, индийская и «скифская», восходят к общему наследию индоиранских племен.

СТРАНА БЛАЖЕННЫХ

«На севере Молочного моря, — рассказывает «Махабхарата», — есть большой остров, известный под именем Шветади-па (Белый остров). Он расположен к северу от Меру на тридцать две тысячи йоджан, по словам брахманов. Там живут благоуханные... белые мужи, удаленные от всякого зла... к чести-бесчестию равнодушные, дивные видом; преисполненные жизненной силой; крепкие, будто алмаз, их кости... Богу, распростершему вселенную, они любовно служат».

Жрецы древней Индии, певцы эпических сказаний, создатели священных брахман и пуран знали много историй об обитателях горы Меру и областей, расположенных за ней. Часто рассказывали они о счастливых людях, живших там, «в стране, где вкушается блаженство». Страну «блаженства» помещали и на Белом острове в Молочном море к северу от Меру, и на ее северных склонах, на побережье между горами и Северным океаном. «Священная обитель на склоне Меру, владыки гор», «Северный склон Меру, побережье Молочного моря» — таков «адрес» этой страны в «Махабхарате» и ряде других произведений древнеиндийской литературы.

Высоко над злом возвышается страна «вечного счастья». Здесь не холодно и не жарко. Покрытая рощами и лесами земля производит обильные плоды, повсюду стада антилоп и стаи птиц, все благоухает ароматами цветов. «Здесь не живет человек жестокий, бесчувственный и беззаконный». Здесь не может быть войн и сражений. Люди этой страны все равны между собой, наслаждаются всеми благами жизни. Их досуг услаждают прекрасные небесные девы: «там дивные гандхарвы, апсары плясали, там ликующих существ слышался великий возглас». Сердца «блаженных» обитателей чудесной страны свободны от зла, им присуща божественная справедливость. Это страна усердного почитания богов: им

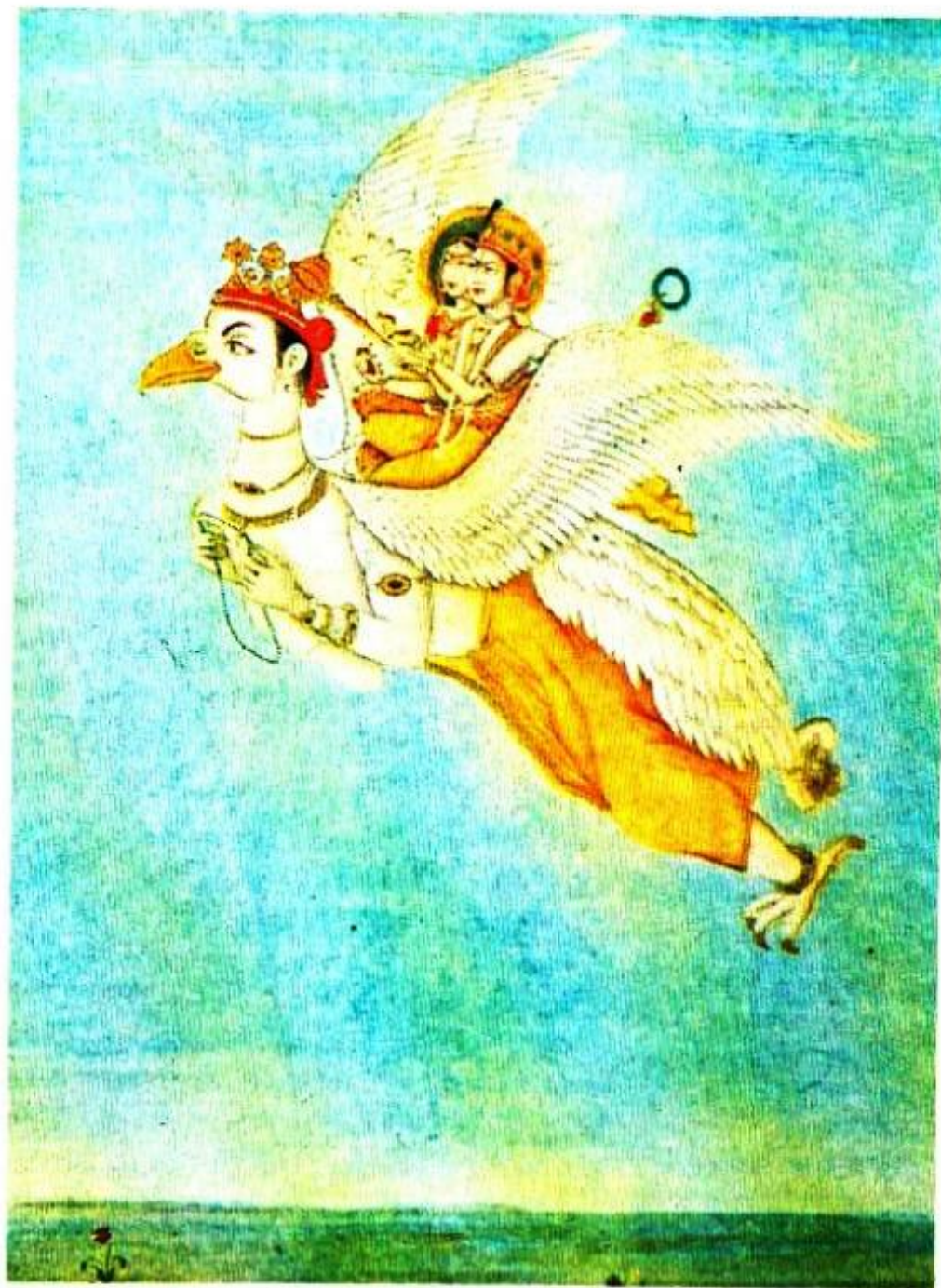
Небесная апсара. Роспись Аджанты. Конца V в. н.э.

служат вместе все мудрецы-муни или, уединившись «шепча молитвы», склоняют головы и «восхваляют вездесущего бога». «Отмеченные всеми добрыми знаками, сияющие, как месяц», они «проникают в тысячелучистого вечного бога», «совершают суровейшее умерщвление плоти» и «не вкушают пищи». До тысячи лет живут здесь люди — десять столетий, ибо таков в этой стране срок служения богам.

Страна «блаженных» «существовала» и за Скифией, в дальних северных областях, за Рипейскими горами. Античные авторы называют ее «счастливый народ» гиперборейями. «Севернее Рипейских гор», «за этими горами до другого моря» (т. е. до Северного моря), «по ту сторону Северного ветра, на побережье, обращенном к океану», помещали этот народ Аристей, Дамаст, Гелланик, Геродот, Помпоний Мела, Плиний и др.

Страна «блаженных» лежит далеко на севере, но имеет благодатный климат, свободна от вредных холодных и знойных ветров. Пригреваемая летним солнцем земля дарит обильные плоды. Ее жители обитают в лесах и рощах. В вечном праздничном досуге они ведут счастливую жизнь; в их стране не бывает войн и раздоров, им неведомы нужда и горести. Вкушая различные наслаждения, они, однако, большую часть времени посвящают служению богам, поклоняются им в отдельности каждый и все сообща. Эти люди отличаются величайшей справедливостью и живут гораздо дольше всех остальных смертных — целых тысячу лет. Питаются они лишь плодами, но могут сохранять жизненную силу, вообще не вкушая никакой пищи.

«Они совершенствуются в справедливости, не употребляя в пищу мяса, питаясь древесными плодами» (Гелланик); «живут на краю земли

Вишну и богиня Лакшми летят на птице Гаруде. Миниатюра

под охраной Аполлона, не зная войны» (греческий эпический поэт Ференик). А вот строки из оды Пиндара о жизни «блаженного» народа, «приносящего славные жертвы богу»: «Там идут бесконечные праздники, слышатся гимны, которые радуют сердце Аполлона, и смеется он... Культ муз не чужд гиперборейцам, отовсюду хоры молодых девушек собираются на... сладкие звуки флейт, и, увенчанные золотым лавром, они предаются радости праздников. Это святое племя не знает ни болезней, ни слабости возраста. Живут они далеко от тяжких трудов и сражений...»

НЕДОСТУПНАЯ АРКТИКА

НВ тот отдаленный северный край на вершинах Меру и на ее склонах, у берегов Молочного северного океана, где находилась обитель богов и страна «блаженного» народа, из земного мира могли попасть лишь избранные праведники и то лишь после окончания своей жизни. Там был рай бога Индры: «уйдя туда, вновь в этот мир не приходят». Живыми в ту страну могли вознестись, как считали древние индийцы, лишь некоторые прославленные герои или мудрейшие риши. Но попадали они сюда чудесным образом, по божественному соизволению. Их могла принести на своих крыльях и священная птица Гаруда.

Долго и труден был путь к границам северной страны, и каждый, пытавшийся проникнуть в ее пределы, погибал у подножия Великих гор. Именно в «полярную» страну, где Большая Медведица, созвездия Кассиопеи и Волопаса обходят вокруг укрепленной на небе Полярной звезды, именно:

Туда манят тысячи вожделенных наслаждений. Гадава,
Но как только человек проникает подальше,
Всякий раз, лучший из дваждырожденных, он погибает. Гадава!
И никто иной не проходил здесь прежде, о бык среди брахманов,—

так рассказывает о стране на далеком севере птица Гаруда.

В сказании «О покорении мира» «Махабхарата» повествует о подвигах Пандавов в различных странах света. На север направил свои войска лучший из братьев воитель Арджуна. Перейдя Гималаи, он завоевал один за другим северные народы и государства, сказочные племена и царства фантастических существ. Наконец он приблизился к стране счастливого северного народа. Но вышли к нему «стражники с огромными телами, наделенные великой доблестью и силой... и сказали такие слова: «О Арджуна!.. Возвращайся отсюда... Тот человек, который вступит в эту страну, обязательно погибнет... здесь не может быть сражений. И если даже ты войдешь, ты ничего не увидишь, ибо здесь ничего нельзя увидеть человеческим оком». Тогда сказал могучий воитель: «Я не вступлю в вашу страну, если это воспрещено людям». И вернулся назад, в Индию.

Древние предания предупреждали тех, кто пытался нарушить этот запрет—на подступах к стране у гор Меру лежит пустыня, область мрака, где обитают страшные чудовища: пишачи—злые существа-упыри, вридрихи—женщины-людоедки, злобные чудовищные ракшасы («зло-

бные ракшасы убивают все живое», «кто, дерзновенный, пойдет тем высочайшим путем, того убивают ракшасы дротиками и прочим оружием»).

Вернемся, однако, в Скифию. По словам ее жителей, пишет Геродот, за дальними северными областями «нельзя ни смотреть вперед, ни пройти». Помпоний Мела сообщает о том, что на подступах к Рипейским горам «постоянно падающие снега делают эти местности до такой степени непроходимыми, что далее нельзя даже видеть, как ни напрягать зрение». Эти области, овеянные ледяным дыханием Борея, «суровы» и «безлюдны» (Геродот, Мела, Плиний и др.), «окутаны густым мраком»—«настоящая пустыня». Они «погружены в вечную тьму,—пишет Солин,—всем там владеют грифы, свирепые и доходящие до крайнего бешенства... которые растерзывают всех, кого увидят...», а один из «отцов» христианской церкви, Иероним (348—420 гг. н. э.), повторял рассказы о золотых горах на севере, которые недоступны человеку «из-за грифов, драконов и чудовищ с громадными телами».

Это, конечно, позднее свидетельство. Но уже в VII—IV вв. до н. э., когда к эллинам поступали свежие сведения из Скифии, греческие авторы писали о том, что далеко за страной скифов, у северных гор, «обитали» ревниво стерегущие золото хищные грифы, одноглазые богатыри аримаспы, люди с козлиными ногами, людоеды и чудовищные свирепые девы. Последних греческие поэты отождествляли с персонажами эллинских мифов—дочерьми титана Форкиа, «форкидами»—траями и горгонами, также слышными людоедками-кровопийцами. Рядом с грифами и аримаспами помещал их Эсхил, рисуя словами Прометея опасности на пути несчастной Ио, преследуемой женой Зевса великой богиней Герой:

Поля... встретишь ты горгоныны,
И трех Форкид, седоволосых девушек,
На лебедей похожих. Глаз один у них
И зуб один. К ним луч не проникал еще
Дневного солнца и ночного месяца.
А по соседству три сестры крылатые
Живут. Горгоны, в косах—змеи, в сердце—яд.
Кто им в глаза заглянет, в том остынет жизнь.
Рассказываю, чтобы остеречь тебя.
Печального послушай путь скитания.
Остроклювых бойся грифов... одноглазой рати аримаспов...
К ним ты не приближайся!

Все эти фантастические существа «находились» у северных гор, перед страной «блаженных»—«гипербореев». Там поселил горгон и поэт Пиндар.

Итак, опять скифские «мотивы» оказываются сходными с индийскими рассказами о далеких северных странах. Предания о северных странах сохранились не только в «Махабхарате», но и во многих других сочинениях древнеиндийской литературы. Они легли, например, в основу одного из красочных рассказов второй великой эпопеи Индии—«Рамаяны» (несколько более поздней по времени, чем «Махабхарата»). После долгих безуспешных попыток найти похищенную демоном Раваной Ситу ее

Грифы, нападающие на горного козла. Серебряный сосуд из скифского кургана в Крыму. IV в. до н.э.

супруг Рама обратился за помощью к своему союзнику Сугриве. Тот послал армии обезьян во все страны света на поиски Ситы. Вождю войска, отправленного на север, Сугрива поведал о трудностях, которые предстоит преодолеть на долгом пути. Нужно было достичь и перейти Гималаи и двигаться на север, пройти через пустыни, преодолеть другие горные массивы.

Еще далее к северу от этих стран, по словам Сугривы, находилась область мрака и наводящей ужас темноты; смерть ждет каждого, кто приблизится сюда. Но далее, как рассказывал Сугрива, лежит уже счастливая обитель света, где живут небесные девы и священные мунн. Там повсюду растут плоды, золотые цветы, реки текут в золотых руслах; там Вечный океан и золотая гора, вершины которой касаются неба.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Так, деталь за деталью, мотив за мотивом совпадают индийские предания о странах на крайнем Севере с античной традицией о далеких заскифских областях. Можно, конечно, допустить, что некоторые образы и сюжеты возникли независимо друг от друга: действительно, у различных народов мира в древности существовали представления о далеких областях вечного счастья, желанного рая, куда стремились попасть души умерших, о высочайших недоступных горах, где обитали боги, о страшных сверхъестественных существах, препятствующих героям достичь желанной цели. Эти типологические сходства могли быть еще более близкими: мифологические системы древности во многом развивались по общим закономерностям, свойственным человеческому мышлению на определенных этапах общественного сознания.

Борьба грифое с «аримасом». Рельеф на саркофаге. Южная Италия. IV в. до н.э.

Но здесь совпадают не отдельные сюжеты, а весь цикл представлений. Сходные мотивы располагаются в одинаковой последовательности и непосредственной связи друг с другом.

Определенное место здесь занимают и высокие горы, и страшные чудища, и счастливая райская обитель. Но это не просто высокие, а великие горы на севере с характерными для обеих традиций описаниями (например, «астрономическая» роль этих гор). Область на подступах к стране «блаженных» непроходима и окутана мраком. Вся панорама направлена к северу, идет от реальных географических областей к далеким северным странам. Она завершается — и в индийской, и в античной традиции — Северным океаном и такой специфической чертой, как «полярные» явления.

Ученые обращали внимание на некоторые из этих существенных соответствий, например на представление о северных горах: Меру — у индийцев и Рипейские горы — у греков. Совпадения нередко объяснялись следующим образом: представление о великих северных горах, над которыми движутся светила, возникло у самих греков в VII в. до н. э. под влиянием географических и астрономических воззрений египтян; первоначально эллины уязывали Рипейские горы с горными хребтами соседней Фракии, а затем, когда значительно расширился их географический кругозор, — с далекими заскифскими горами на севере Европы; лишь много позже, в эпоху значительного влияния греческой и римской астрономии и географии в странах Востока, представления о северных горах проникли в Иран и Индию. Иначе, писал известный немецкий ученый Кисслинг, придется считать чудом то обстоятельство, что индийцы придали Меру такие же черты и то же астрономическое значение, что и греки Рипейским горам.

Но индийская традиция о Меру не может быть результатом влияний с Запада в римский или даже в эллинистический период — она много древнее и существовала в Индии задолго до того, как достижения античной цивилизации стали оказывать заметное влияние на индийскую культуру. Когда после походов Александра Македонского греки вступили в непосредственные контакты с индийцами, они услышали и местные предания о горе Меру. Мегасфен, посол Селевка I, в своем описании Индии (конец IV в. до н. э.) сообщил название горы («Мерос») и некоторые подробности, явно восходящие к индийскому кругу представлений о Меру, например о том, что на ней выше снегов находятся источники чистых вод, фруктовые деревья, дающие обильные плоды, многочисленные звери и птицы, что это — место радости и обитель богов. Этих индийских богов античные авторы называли Зевсом (очевидно, «обитавший» на Меру бог-создатель Брахма) и Дионисом-Вакхом (другой «житель» Меру — танцующий бог Шива).

Еще ранее традиция о достигающих неба священных горах зафиксирована в письменных памятниках Ирана. К сожалению, данные о мифологии ариев Ирана немногочисленны и фрагментарны. Они содержатся прежде всего в религиозно-философских сочинениях зороастризма — основной религии древнего Ирана. Некогда собрание ее священных текстов, памятники древней иранской словесности были обширны и разнообразны, но с распространением ислама зороастризм пришел в упадок, а местная доисламская литература фактически исчезла. Лишь некоторые зороастрийские сочинения сохранили до настоящего времени парсы — последователи зороастризма; их немногочисленные общины и сейчас исповедуют эту древнюю религию.

Так современная наука получила в свое распоряжение и древнейший памятник зороастрийской религии «Авесту» (правда, и она дошла далеко не полностью). По сравнению с обширным письменным наследием древней Индии сохранившаяся зороастрийская литература крайне скудна, но она тем не менее имеет принципиальное значение для исследования различных проблем культуры индоиранских народов на заре их истории. Многие ее данные служат своего рода связующим звеном между традициями ариев Индии и древних ираноязычных племен Причерноморья.

Для сюжета, рассматриваемого нами, очень важно, что в зороастрийской литературе встречаются упоминания о священных горах Хара Березайти («Высокая Хара»). Такие сведения содержатся уже в очень древних частях «Авесты», значительно более ранних по времени, чем эпические собрания Индии.

ВЕРШИНЫ ВЫСОКОЙ ХАРЫ

До самого неба возвышается Хара: вокруг ее вершины совершают движение солнце, луна и звезды. «Взойди, взойди, быстроконное солнце, над Высокой Харой, даруй свой свет земному миру... взойди, взойди, месяц, над Высокой Харой, даруй свой свет земному миру... взойдите, взойдите, таинственные звезды, даруйте свой свет земному миру...»

А вот представление о горах Хары (или «Харайти») и их главной вершине Хукайрья, которое отразилось в авестийском гимне Рапну — одному из богов зороастрийского пантеона: «Когда ты, о праведный Рапну, пребываешь на светящейся Высокой Харе... на великолепной золотой горе Хукайрья, с которой ниспадают могучие незапятнанные воды Ардви... на величайшей вершине гор Харайти, где вращаются звезды, луна и солнце...» В зороастрийской традиции сохранился рассказ о том, как при создании мира возникла и поднималась великая Хара — она росла в течение 800 лет, за первые 200 лет она достигла звезд, за следующие 200 — луны, затем за 200 лет поднялась до солнца и, наконец, до бесконечного света.

По авестийским представлениям, высокая Хара создана самим Ахурамаздой, величайшим богом, творцом Вселенной. Вокруг Хары он проложил пути для светил — быстроконного солнца, луны и звезд. И по индийской традиции бог-создатель Брахма сам определил пути движения светил над Меру. Как солнце-Сурья никогда не покидает Меру («обходя со всех сторон эти горы», «вращаясь по этой дороге»), так и Высокую Хару постоянно обходит солнце в своем полете «по созданной Ахурамаздой дороге». Ахурамазда и соим его вышних ангелов на вершине Хары построили дворец для великого бога Митры. Отсюда он обзрывает всю землю и встает над миром впереди солнца. «Митра, владеющий широкими пастбищами, первым из богов восходит над Харой впереди бессмертного быстроконного солнца; он первый охватывает прекрасные золотистые горные вершины».

И для другого бога — «прекрасного победоносного Сраоша» воздвигнут великолепный тысячеконный дом «на высшей высоте, на горах Харайти». Многие боги пребывают на Харе: могучая незапятнанная Ардви — богиня плодородия, средоточие всех мировых вод, представлявшаяся в виде мощного потока, низвергнувшегося с исполинских высот золотой вершины Хукайрья; Хаума — бог священного наитка бессмертия (соответствующий индийскому Сома¹). Жрецом богов сделал Хауму Ахурамазда, определил место для его молитв и жертвоприношений «на высочайшей высоте гор Харайти». Повсюду слышится громкий голос бога Хаумы, разносясь с горной вершины над всей землей и проникая до сферы небесного света.

На Высокой Харе совершали жертвы и самые великие мифические герои: первый земной царь, владыка над всеми странами, людьми и демонами, — Хаошьянха Парадата и другой великий повелитель — солнце-подобный, сияющий Йима, сын Вивахванта. Видимо, лишь им было даровано право пребывать на Харе и совершать там поклонение богам. Все остальные герои, о которых рассказывается в «Авесте», даже самые почитаемые, могли посылать жертвы богам лишь в других краях земли.

Вершины Хары Березайти подобно сияющим пикам Меру и Рилейских гор покрыты золотом. Зороастрийская традиция сообщает и об озерах, реках и потоках, текущих в золотых руслах на Высокой Харе. В

¹ Общепринятое «Саума» — иранское «Хаума», индийское «Сома» (в древнеиндийском дифтонге «-ау» ставился в «-о», и в иранском «-с» перешло в «-х»).

зороастрийской «Книге о творении» («Бундахишн») говорится о ста тысячах золотых каналов, по которым воды поступают в озеро на вершине Хары. Мифическая гора у иранцев и у индийцев считалась связанной с небесным потоком и Мировым океаном. С Хары, как и с Меру (и с Рипейских гор), берут начало земные реки.

В космологии древнего Ирана утверждалось, что при сотворении мира ранее всего была создана Хара Березайти. Все остальные горы различных частей мира выросли из нее и были соединены подземными корнями с первозданной Высокой Харой. «Первая гора, возникшая на земле,— говорится в «Авесте»,— это Высокая Хара». Сходное представление было и у индийцев: хребты Меру будто бы существовали при творении мира, а корни их уходят далеко в глубь земли и соединяют Меру с другими горами мира, а «лучшая» из горных вершин Меру гора Мандара «уходит корнями под землю на 11000 йоджан».

Хребты Хары и Меру, по представлениям иранцев и индийцев, протянулись по всей земле с запада на восток (то же рассказывали и о великих горах к северу от Скифии). И вместе с тем эти горные массивы располагались на севере. Таким образом, сведения древнеиранской традиции о горах Хары находят прямые соответствия в индийском космологическом цикле о Меру.

ЮДХИШТХИРА И КЕЙ-ХОСРОВ У ВЕЛИКИХ ГОР

Индийские и иранские представления о священных северных горах очень древние. Они засвидетельствованы в ранних текстах «Авесты» и в ведийской литературе. Еще далее в глубь веков дает возможность заглянуть сравнительно-исторический метод, позволяющий сделать предположение, что такие представления существовали у индоиранских племен уже в общеарийскую эпоху.

Новые возможности открывает ученым сравнение индийского и иранского эпоса. Эпическая традиция древних иранцев была не менее обширна

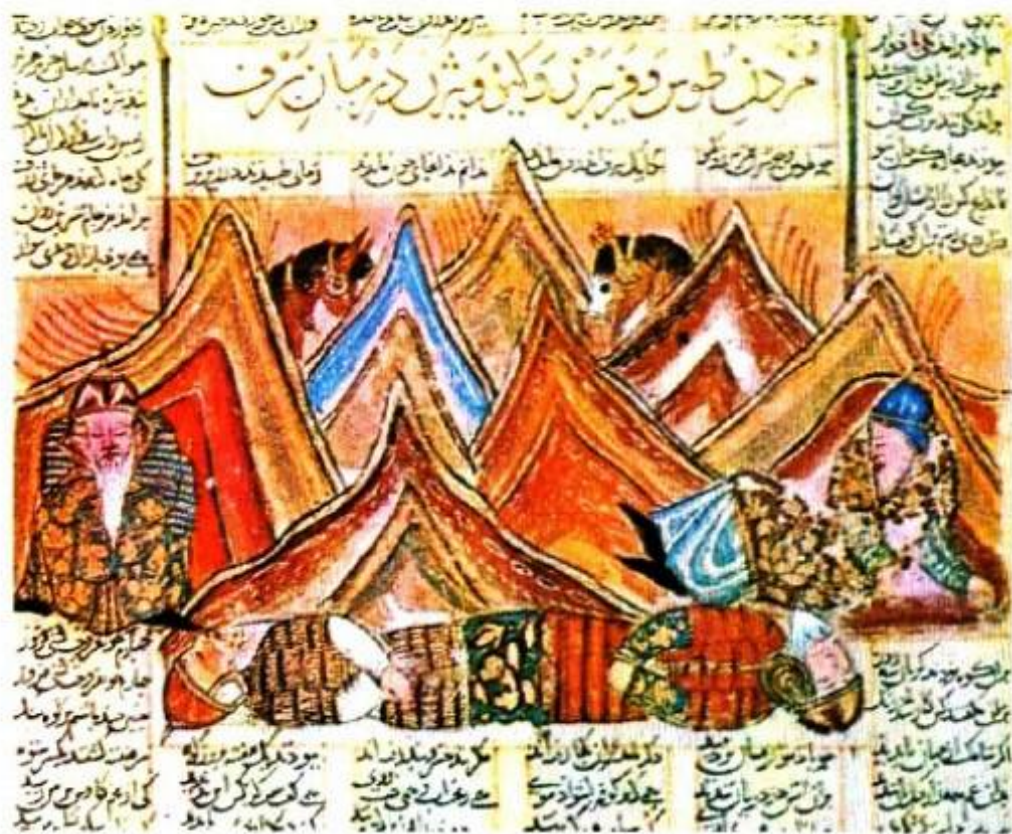
Великий бог Ахурамазда. Иран. VI—V вв. до н. э.

Крылатый горный баран. Ручка сосуда. Иран. V—IV вв. до н. э.

и содержательна, чем индийская, но оригинальные собрания эпоса древнего Ирана до нас, к сожалению, почти не дошли. Сохранилась, однако, богатая переводная литература: после распространения в Иране и Средней Азии ислама многие эпические сочинения переводились на арабский и новоперсидский языки. В арабоязычной и персидско-таджикской литературе содержатся целые циклы эпических рассказов и легенд о древнеиранских царях и героях; некоторые из наиболее популярных сюжетов легли в основу отдельных сочинений раннесредневековых поэтов и писателей. Они использовали, в частности, переводы древней «Книги владык» («Хватайнамак») — эпического свода, который был составлен до арабского завоевания. Особое место занимает «Шах-намэ» — труд Фирдоуси (934 или 941—1020 гг.), классика персидской и таджикской литературы. Это сочинение фактически представляет собой монументальный свод эпической истории Ирана и дает подробное изложение древнеиранских эпических сказаний.

Конечно, индийское «Великое сказание о потомках Бхараты» («Махабхарата») и иранская «Книга царей» («Шах-намэ») в очень многом отличны друг от друга — по характеру, методу изложения, по отраженному в обеих эпопеях мировоззрению. Они создавались в разных странах, в различных исторических и культурных условиях. «Махабхарата» начинается с изложения истории Пандавов и Кауравов, с возникновения непримиримой вражды этих родственных семей. Многочисленные «экскурсы» в более древнюю историю индийцев, трогательные рассказы о любви, легенды о богах и сотворении мира, религиозно-философские разделы представляют собой обширные отступления от главной темы.

В «Шах-намэ» повествование ведется в иной «хронологической» последовательности: оно начинается от правления на земле первого царя, далее рассказывается о жизни многих правителей и героев, их подвигах и трагической судьбе. От легендарных мотивов Фирдоуси переходит к описанию исторических персонажей и политических событий эпохи Саса-

Гибель в снегах славных витязей — спутников Кей-Хосрова. Миниатюра к «Шах-намэ»

нидов (III—VII вв. н. э.). В эпическом же цикле центральное место занимает изложение длительной борьбы между правителями Ирана и соседнего Турана (по традиции они являлись кровными родственниками, потомками эпического героя Феридуна).

Ученые уже давно обратили внимание на совпадение ряда существенных деталей в сюжетах «Махабхараты» и «Шах-намэ». Эти соответствия касаются судьбы основных персонажей и расположенных в одинаковой последовательности характерных событий, что указывает на единую сюжетную основу главного ядра индийской и иранской эпопей. Исходя из этого, некоторые ученые (например, французский иранист Ж. Дармстедтер) приходили к выводу о заимствовании авторами «Махабхараты» сюжета из иранского эпоса. Но эта точка зрения противоречит всем данным о развитии эпической традиции Индии. Шведский ученый С. Викандер доказал, что общие черты в сюжетах «Махабхараты» и «Шах-намэ» восходят к единому индоиранскому наследию. Особый интерес представляет эпизод о судьбе главных героев обеих эпопей — старшего из Пандавов царя Юдхиштхиры и царя иранцев Кей-Хосрова.

Остался один Юдхиштхира, погибли все его спутники. Иллюстрация к изданию «Махабхараты»

Кровопрлитная война между Пандавами и Кауравами закончилась победой Пандавов, но она привела к истреблению целых племен, гибели многих героев. Все опустело кругом, тихо струилась могучая Ганга, «но вид тех великих вод безрадостным был, унылым». Пришло время горестных сомнений, глубоких разочарований в плодах бесцельной вражды. «Томимый кручиной» царь Юдхиштхира скорбел о погибших. Он решил отречься от престола, передал трон другому правителю, «и странствие стал обдумывать свое, своих братьев». — «Драгоценности сбросил в доме, запястья, оделся в рогожу. Бхима, Арджуна, Близнецы (Накула и Сахадева), преславная Драупади, все также надели рогожи... и тронулись в дорогу». Путь странников лежал на север...

Долгие годы шла война «иранцев» и «туранцев», много славных витязей она унесла, Одержали верх иранцы. Но победа че принесла радости Кей-Хосрову:

И стал размышлять повелитель владык
Над тем, что свершилось, чего он достиг:
«... и горные все и степные края,

Над сушей и водами властвую я...
...Но страхом невольным душа смущена...
И царские знаки у всех на виду
Он сбросил, рыдая, и скрылся в саду.

Двинулся Кей-Хосров в дальний путь к подножиям высоких гор. Долго за ним следовали вельможи, войско, народ. Наконец, Кей-Хосров приказал сопровождавшим вернуться назад: «Пустынный мучительный путь впереди — ни трав, ни воды, сколько вдаль ни гляди». С повелителем иранцев осталось лишь пять его спутников. Это были сподвижники Кей-Хосрова, славные герои Фериборз, Гив, Бижен, Гостехем, Тус. — «Шли вслед неотступно весь день и всю ночь». В горной местности сделали они привал, и «когда пробудились при свете зари, царя не увидели богатыри». Долго они искали шаха:

Но тщетно — исчез Кей-Хосров без следа...
Вдруг мраком покрылась небес синева,
И вихрь заревел с дикой яростью льва.
Снег пал пеленою, уж скрылись под ней
И копья взнесенные богатырей.
Наружу пробиться пытались они,
Но тщетно под снегом металась они.
Простершись недвижно, оставшись без сил,
И с милой душою их бог разлучил.

... Страшные трудности и испытания выпали и на долю Юдхитхеры и его пяти спутников. Двигаясь на север, прошли они горные массивы и, наконец, увидели впереди «лучшую из вершин — великую Меру». Они направились к горе, но вскоре силы оставили Драупади. Даже не взглянул на нее Юдхитхера — лучший из Бхаратов и продолжал безмолвно свой путь. Затем один за другим пали на землю мужественные витязи, праведники и мудрецы, славившиеся своими подвигами и силой. Наконец, свалился «тигр-человек» могучий Бхима.

Один остался Юдхитхера, «ушел не взглянув, палимый горем». И тут предстал перед ним бог Индра, он вознес героя в горную обитель, в царство блаженства, туда, где «боги, гандхарвы, Адитьи, апсары... поджидают в блистающих одеждах», туда, где «туры-люди, богатыри, отрешенные от гнева, пребывают». Так рассказывают последние книги «Махабхараты» — «Великий исход» и «Вознесение на небо».

Почти полное сюжетное совпадение в обеих эпопеях заключительного эпизода сказания о великой войне позволяет дополнить то, о чем умалчивает сохранившаяся версия иранского эпоса: Кей-Хосров, исчезнувший у подножия далеких гор, в местности, где бушуют грозящие гибелью снежные бураны, каким-то чудесным образом живым «вознесся» на вершины гор — в обитель «блаженства».

Все упомянутые соответствия в главной сюжетной линии индийского и иранского сказаний свидетельствуют о том, что в своей основе обе эпические традиции восходят к общеприарийскому периоду. Уже в эпоху индоиранского единства певцы арийского эпоса «знали» о великих северных горах, которые представлялись недостижимыми для смертных; прославленные и могучие герои гибли у подножий этих гор. И лишь некото-

рые из них, как повествует сказание о судьбе Юдхитхеры, могли не обычным путем, а с божественной помощью преодолеть запретный «путь». Там, согласно индийскому эпосу, им открывалась страна богов и вечного счастья.

“БЛАЖЕННАЯ ОБИТЕЛЬ” В ИРАНСКОЙ МИФОЛОГИИ

«На светящейся Высокой Харе нет ни ночи, ни тьмы, ни холодного ветра, ни знойного, ни губительных болезней, ни созданной демонами скверны, и не поднимается туман от Высокой Хары» — так рассказывается в авестийских гимнах богам Митре и Рашину, так рисует великие горы иранская традиция.

В этой сказочной обители, где находятся дворцы богов, куда прибывают небожители и величайшие из героев, на поднебесной высоте живут чудесные птицы и растут священные растения. Как и в стране счастья у Меру, здесь также нет болезней, ни холодных и знойных ветров, ни туманов. Как и Меру, вечно сияет Высокая Хара.

По представлениям индийского эпоса, у Меру находится великий океан (о нем говорилось и в рассказах о Рипейских горах). Сходные сообщения сохранила и авестийская традиция: у подножий Высокой Хары лежит огромное водное пространство — «море» («зрайа») по имени Воурукаша, т.е. «имеющее широкие заливы». Оно больше всех вод мира, «могучее, прекрасных очертаний, глубокое, с далеко простирающимися водами»; волнуются его берега, и вздымается Воурукаша от стремительно несущихся в него вод могучего потока Ардвиза, ниспадающих с великих золотых вершин Хары. Посреди «моря» — остров, где живут священные животные и растут удивительные растения (такие же, как и на вершинах Хары).

Из отрывочных сведений древнеиранской религиозной традиции неизвестно, были ли на этом острове священные жители (индийский эпос рассказывал о божественных обитателях Белого острова на Северном океане). Но с Харой, как и с Меру, определенно связывалось понятие о райской обители. Вход в нее лежал у склонов Высокой Хары, и добраться в «обитель Вознаграждения» удавалось лишь душам подлинных праведников. Их дальнейшую судьбу определяли Митра, Сраоша и Рашину — боги, обитавшие на Высокой Харе.

На Харе, как и на Меру, помещали благую страну небожителей. Туда могли попасть живыми лишь самые выдающиеся герои. На этом, однако, не завершаются индоиранские совпадения о стране «блаженных». В иранской, как и в индийской, традиции сохранились рассказы об особом блаженном народе. Древним иранцам были известны предания о его происхождении и о происхождении страны, где он обитал.

Давным-давно это было, на заре легендарной истории человечества, когда всей землей правили праведные повелители из династии первоцарей Парадата. К ним принадлежал и «сияющий» Йима, сын солнечного героя. Когда Йима приносил жертвы на золотой Хукайрье, он просил богов не только о высшей власти над всеми странами, людьми и демонами, но и о счастливой жизни для людей. Эта «блаженная» жизнь рисуется во

Священная птица и богиня плодородия. Серебряная чаша. Иран. VI-VII вв. н.э.

многим подобно той, которая существовала на вершинах священных гор. Йима молил о том, чтобы не было в его царстве «ни холода, ни зноя», «ни жаркого ветра, ни холодного», «ни холода, ни жажды», чтобы не иссыкала пища, не умирали растения и люди, чтобы не было «ни старости, ни смерти», чтобы всегда «пятнадцатилетними по облику ходили отец и сын, каждый из обоих», чтобы не было «созданной демонами зависти».

Тысячу лет правил на земле блистающий Йима. Незадолго перед смертью по повелению и с помощью бога-творца Ахурамазды создал Йима прекрасную обитель, «огороженную» от остального мира. Находи-

лась она недалеко от Высокой Хары и «моря» Воурукаша. Прекрасную жизнь ведут там люди, там «много собак и птиц и прекрасных пламенеющих огней», там текут чистые воды и произрастают золотистые луга. Там «мужчины и женщины, самые лучшие и прекраснейшие... животные, самые большие и прекраснейшие... растения, самые высокие и самые благоухающие...» У жителей благой обители не бывает ни телесных уродств, ни безумия и проказы, ни иных болезней, которые наслал на людей глава злых богов Анхра-Майнью. Особый срок жизни определен обитателям счастливой страны. «И живут эти люди прекраснейшей жизнью» — так заканчивается рассказ о блаженной обители во второй главе «Видевдата» (единственной целиком сохранившейся книги старой «Авесты»).

Сведения дошедших авестийских текстов о конкретной «географии» стран у Высокой Хары крайне скудны. Древние иранцы считали, что эти горы находились на севере и протянулись по всей земле с востока на запад. Вместе с тем Высокая Хара и море Воурукаша «располагались» далеко от областей, действительно известных авторам авестийских гимнов, и даже за пределами всех семи частей мира, на которые, согласно традиции, делилась обитаемая земля. Примечательно, что авестийские тексты упоминают о Большой Медведице, стоящей над Харой и морем Воурукаша (так и над Меру восходят «Семеро Риши» — Большая Медведица).

С Высокой Хары берут начало многие земные реки, и в том числе великая Раха — полумифическая река, о местонахождении которой составители гимнов «Авесты» уже не имели реального представления. Но они передавали традицию о суровых зимах у ее истоков.

Судя по поэме Фирдоуси, следовавшего древней традиции иранского эпоса, некогда у иранцев бытовало представление о недоступности великих северных гор и о снежной преграде на подступах к ним. О том же говорят и более древние сведения «Авесты»: именно в той стране, где Йима создал обитель блаженного народа, властвует «суровая гибельная зимняя стужа», а от высочайших гор Хары идут облака снега, несущие зло и гибель людям и всему живому. В той же стране, как повествует другой текст «Авесты», господствует зима, там десять зимних месяцев и лишь два летних, но также «холодных для воды, холодных для земли, холодных для растений». «Эта страна — сердце зимы». Но в той же суровой стране — священная обитель, где постоянно текут прекрасные воды, цветут вечнозеленые луга и благоухают высокие растения. И, наконец, еще одно интереснейшее свидетельство — удивительная параллель индийской традиции: в «блаженной» обители люди лишь раз в год видят «заходящее и восходящее» солнце, и у них «один день — это то, что является годом». По существу здесь прямое соответствие уже приводимым сообщениям индийских источников: «Законов Ману» («у богов день и ночь — год, разделенный надвое: день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу»), «Махабхараты» (для героев на Меру «были день и ночь равны году») и еще более ранней «Тайтирии-Брахманы» («одни сутки богов являются годом»).

В несколько иной форме те же представления о «полярных» дне и ночи выражены в рассказах античных авторов о стране «блаженных» за Скифией: за далекими северными горами живут «люди, которые спят по шесть месяцев» (Геродот), «они по утрам сеют, в полдень жнут, вечером собирают древесные плоды» (Плиний).

ЭПОС СКИФОВ И АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Таким образом, существовавшие и в древнем Иране, и в древней Индии представления о достигающих неба великих северных горах, вокруг которых вращаются светила, сложились задолго до того времени, когда на них могла оказать влияние античная традиция. Более того, не только представления об этих горах, но и весь цикл связанных с ними сюжетов (непреодолимые препятствия на пути к горам, океан около них, «полярные» явления, страна «блаженных») определенно принадлежат к наследию общеарийской эпохи, т.е. восходят к единой мифологической и — шире — культурной традиции, которая существовала у предков индийцев и иранцев в период их совместного обитания.

Вместе с тем подобные представления, известные по религиозным и эпическим сочинениям Индии и Ирана, аналогичны соответствующим

Гриф. Плита из Фанагории. Крым. III в. до н. э.

«На вершине». Картина Н. К. Периха

сообщениям античной литературы и должны рассматриваться как генетически связанные с ними. Отсюда вполне закономерен вывод: сведения античных источников о далеком севере за Скифией в своей основе восходят к скифской традиции — традиции, которая в свою очередь принадлежит к общеарийскому культурному кругу.

Представления о великих горах на севере Европы основывались на сведениях, полученных из скифского мира. Эти горы упоминаются в греческой литературе с VII в. до н.э., но лишь у тех авторов, которые уже располагали информацией из Скифии, в том числе сведениями о таких народах, как аргиппей и исседоны (за ними и помещали северные горы). Сообщения об этих народах у авторов VII—V вв. до н.э. восходят к различным рассказам путешественников и скифских торговцев, на что указывают и разные формы названий исседонов (эсседоны, исседы) и аргиппеев (оргеппен и др.).

Великие горы на севере во всех версиях скифских рассказов и описаний античных авторов обычно именуется Рипами, Рипейскими. Лишь Геродот не упоминает это название, но и он, ссылаясь на рассказы скифов и аргиппеев, сообщает, что к северу от последних находятся «высокие недоступные горы, через которые никто не переходит»; Геродот помещает их в широтном направлении. В этой характеристике легко

заметить уже хорошо знакомые черты как Рипейских гор, так и мифических северных гор эпоса древнего Ирана и Индии.

На подступах к северным горам античные авторы, писавшие о Скифии, помещали аримаспов, грифов и другие фантастические существа. Такие сведения эллины определенно заимствовали из скифского мира. Геродот прямо заявляет, что об одноглазых аримаспах и стерегущих золото грифах рассказывают сами скифы. Образ грифов пользовался большой популярностью в скифском искусстве, хотя по своей иконографии и стилистической интерпретации он обнаруживает много общего с сюжетами искусства Передней Азии и Греции — там представления о подобных фантастических существах бытовали ранее, еще в доскифский период. В формировании образа грифа слились воедино черты мифических и реальных животных (орла, льва).

Эти же черты обычно придают грифам и на художественных изделиях скифского мира. Такими обычно описываются и в античной литературе стерегущие золото грифы скифской традиции. Многие писатели вслед за Аристеем рисуют грифов как «зверей, похожих на львов, но с крыльями и орлиным клювом». Иногда встречается и иное описание: у Эсхила, например, грифы названы «нелаяющими псами». Ученые справедливо полагают, что в скифском эпосе образ грифов первоначально не был связан со львом.

Представления об одноглазых людях и крылатых чудовищах засвидетельствованы в фольклоре народов Северо-Восточной Европы и Сибири, что намечает и другое направление культурных связей скифского мира — с народами лесостепной и лесной зоны. Изучение этих контактов дало ученым важные данные для доказательства происхождения из скифского мира многих сюжетов «северного цикла» античной литературы. Так, образ страшных, смертоносных, живущих во тьме лев, которые умели летать и были подобны лебедям, известен по фольклорной традиции ряда народов Севера. В скифском эпосе девы-лебеди «жили» на севере, в стране мрака.

По мифическим воззрениям греков, смертоносные крылатые дочери Форкиа — граи и горгоны — обитали в стране богини Ночи, далеко на западе, за песками Северной Африки и столпами Атланта. Именно там, по древним легендам, Персей отсек голову Медузе-Горгоне. Но у Эсхила форкиды и горгоны помещены совершенно в ином месте — на севере или северо-востоке, рядом с грифами и аримаспами. А если верить Пиндару, Персей убил Горгону у страны гипербореев, т.е. на далеком севере. По рассказу Пиндара, Персею будто бы довелось побывать и у самих гипербореев — этого сюжета также не было в ранних вариантах сказания о Персее. Нововведения, очевидно, были связаны с тем, что уже до Пиндара и Эсхила эллинский мир познакомился со сходными образами скифского эпоса. Более того, скифские сюжеты оказали влияние и на описание облика персонажей собственно греческих мифов. Не случайно Эсхил наделяет страшных «старух»-форкид прозвищем «лебедеподобные», эпитетом, который мог быть заимствован из скифского фольклора: он не засвидетельствован в греческой традиции о форкидах.

Показательны и новые черты, дополнившие первоначальный образ Северного ветра — титана Борея. В античных сообщениях о заскифских областях рассказывается о Борее, который дует с Рипейских гор, принося леденящий холод; могучий ветер охватывает неистовым дыханием путника, способен закружить и унести его; жилище Борея находится в пещере у северных гор. В древнейших греческих сказаниях подобных представлений не существовало. Согласно «Одиссее», все ветры имели обиталище на острове их повелителя Эола. Позднее, в рассказах некоторых античных писателей обиталищем Северного ветра уже служит особая пещера. По сообщению Плиния, она лежит вблизи от аримаспов. Мифический образ холодного ветра, живущего в горных пещерах, широко распространен у жителей северных областей от Финляндии до Сибири. У народов Зауралья существовало поверье о старике — Северном ветре, дующем с огромной силой и охватывающем людей ледяным дыханием.

Подобные представления проникли в греческую литературу и обогатили античный миф о титане Борее. Отдельные детали «скифского» происхождения свободно впитались в древние сюжеты эллинской мифологии. Софокл в трагедии «Антигона» излагает историю о несчастной дочери Борея, которая из мести неверному супругу ослепила своих сыновей. — «А была она из древнейшей семьи... В отдаленных пещерах возлеяна сонмом отеческих бурь, порождение бога, дочь Борея, что резвых быстрее коней».

Имеются и многие другие примеры, свидетельствующие о знакомстве античной традиции с сюжетами скифского эпоса. В целом влияние скифской культуры на эллинский мир было весьма заметным. Греческие и римские поэты нередко обращались к скифским мотивам, их привлекали история, быт, нравы, традиции скифов, герои скифских преданий: «прародительница» скифов — змееногая богиня земли, эпический царь Колаксай, царицы-воительницы скифо-сарматских племен и др.

Довольно широко представлен в античной литературе о Скифии и интересующий нас «северный цикл». Его мотивы нередко приобретали в античной традиции иное толкование, осмысливались под влиянием традиционных эллинских представлений, увязывались с хорошо известными образами, но во многом сохраняли первоначальную основу. Если, например, аримаспы вошли в античную литературу под своим скифским названием, то другие мифические существа часто выступали в ней под именами персонажей, с которыми отождествили их греки (Борей, форкиды и горгоны). Так было и с «блаженными» скифской традиции. У античных авторов они стали именоваться «гиперборейями» — в эллинской мифологии уже ранее так назывался священный народ, преданный культу Аполлона. Трудно сказать, где греки помещали в то время этот народ, но уже с VII в. до н.э. существовала традиция о том, что гиперборей обитает далеко к северу от Скифии, за Рипейскими горами.

В греческие представления о гиперборейях вливались новые черты, заимствованные из мифологии и эпоса скифов и их соседей. Сведения обоих источников (греческих доскифских и полученных из Скифии) тесно переплелись друг с другом, и не всегда легко определить происхождение

Гриф нападает на горного барана. Войлок. Пазырыкские курганы

Голова оленя в пасти грифа. Дерево и кожа. Пазырыкские курганы

тех или иных деталей в описании гипербореев. Но бесспорно, что «скифский вклад» был весьма значителен. Даже в одах Пиндара, повествование которого о гиперборейцах, быть может, в наибольшей степени проникнуто эллинским колоритом, явно отражены различные представления, основанные на сведениях из Скифии.

В античном мире наиболее авторитетной считали традицию о гиперборейцах, возводимую к Аристею. Предполагалось, что именно он обладал подробными и достоверными сведениями об этом народе. Данная традиция, по которой гиперборейцы обитали к северу от великих гор за Скифией, — за аргиппеями и исседонами, рядом с аримаспами и т.д. — основывалась на рассказах, бытовавших у племен скифского мира, и в частности у исседонов.

Геродот и к таким рассказам подходил с большой осторожностью, но сам он включил в свой труд сведения — из числа полученных им в Скифии — об особом народе, якобы жившем далеко к северу от аргиппеев, за высокими недоступными горами, хотя одновременно и замечал: «Я совсем этому не верю». Конечно, Геродот имел все основания подвергать сомнению достоверность подобных рассказов, но бесспорен сам факт бытования в Скифии легенд о чудесном народе за далекими северными горами. Названия же «гиперборейцы» в Скифии Геродот, естественно, не мог слышать, так как оно принадлежало собственно греческой традиции и было только перенесено на «блаженных» скифской мифологии.

В сюжетах античной традиции о гиперборейцах можно выделить некоторые моменты, определенно связанные с представлениями, которые бытовали в скифском мире. Это прежде всего сама локализация гипербореев. Аристей, Дамаст и другие греческие авторы помещали их между северными горами и северным морем. Такое представление первоначально было чуждо грекам и, безусловно, заимствовано ими из скифской среды. У

античных авторов Рипейские горы располагаются под созвездием Большой Медведицы, которая связывается также и со страной гипербореев. Так, римский поэт Лукан (начало I в. н.э.) в одной из своих поэм упоминал о «ледяной повозке Гиперборейской Медведицы».

Негреческие черты в цикле о гиперборейцах отчетливо выявляются в описаниях «полярных» явлений в их стране. Безусловно, правы те исследователи, которые полагают, что эти сведения входили уже в древнейшую греческую традицию о заскифских гиперборейцах. Повествования о «полярных» явлениях составляют неотъемлемую часть общих описаний страны гипербореев в античных источниках и тесно переплетаются со столь характерными образами и сюжетами, как Переносная — снежная страна, пещера Борея, аримаспы, Рипейские горы и расположенное за ними Северное море. И, наконец, у Геродота отражена самостоятельная традиция о том, что в стране за высокими, неприступными горами ночь продолжается шесть месяцев.

Таким образом, из скифского мира в греческую литературу, хотя и в легендарной форме, проникли данные о «полярных» явлениях в далеких заскифских областях. Они основывались, очевидно, на конкретных сведениях, которые попадали в степные районы Юго-Восточной Европы из более северных областей. Так, эллины уже в VII-V вв. до н.э. слышали об удивительных феноменах, которые затем подвергались научному осмыслению античными учеными, получая разные объяснения.

«Скифский источник» можно рассматривать как первый этап в истории античных представлений о дальнем севере. К подобным сведениям позднее добавились новые, также основанные на конкретной информации, но идущей уже не из Скифского мира, а из северо-западных районов Европы. Во второй половине IV в. до н.э. уроженец греческой колонии Массалии (современный Марсель) Пифей совершил путешествие в Страну олова (Британию) и оттуда к земле Туле. Она отождествляется современными учеными с одним из островов к северу от Шотландии, с Исландией или частью Норвегии.

Пифей оставил описание своего путешествия, но от его труда сохранились лишь незначительные фрагменты. Записки Пифея использовали античные астрономы. Сведения Пифея часто вызывали недоверие у древних авторов. И лишь много позже европейским ученым стало ясно, что его данные вполне достоверны. Судя по дошедшим фрагментам, Пифей сообщал о том, что на Туле «ночь была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других — три часа, так что через очень короткое время после захода солнца снова поднималось». В I в. н.э. Плиний писал о земле Туле: там «летом нет ночей, но очень мало дневного света в зимнее время. Некоторые думают, что это продолжается без перерыва шесть месяцев подряд». В этом, как и в некоторых других отрывках сочинения Плиния, соединены вместе свидетельство Пифея и более ранняя традиция о северных заскифских областях.

Так, в течение многих столетий при описании северных стран античный мир обращался к традиции, восходящей к VII-V вв. до н.э. и основанной на сведениях, полученных из скифского мира того времени.

*Скифы, потысываюцый лук. Сцена летящая.
Детали золотой вазы из скифского кургана
в Крыму. IV в. до н. э. По мнению советского
археолога Л. С. Раевского, здесь изображены
сюжеты скифского мифа.*

РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ В „РИГВЕДЕ“?

Название «Рипы», «Рипейские горы» ученые обычно считают греческими. Так полагают даже те исследователи, которые признают, что само представление об этих горах греки получили из Скифии. Уже в древности предлагались различные объяснения греческого происхождения названия «Рипейские». Его толковали, например, как происходящее от греческого слова «рипе» — «полет», «напор», «порыв» ветра или сравнивали с некоторыми топонимическими названиями из самой Греции.

Но подобные созвучия отнюдь не могут служить доказательством греческого происхождения названия «Рипейские», хотя у некоторых античных авторов оно, возможно, ассоциировалось с теми или иными греческими словами и представлениями. Так, «рипе» в значении «порыв» (ветра Борей) увязывалось с Бореем, якобы обитавшим у Рипейских гор. Но это, очевидно, лишь историчное осмысление, не имевшее отношения к происхождению самого названия — Рипейские горы.

Подобным образом и древнее название народа гипербореев, первоначально не связанное с именем Борей, затем часто понималось как «народ,

живущий выше обиталища Борея». Существовали и другие толкования имени гипербореев, основанные на тех или иных представлениях об этом народе.

Число таких примеров можно было бы значительно увеличить. Так, ряд «объяснений» исходя из греческого языка давали в античной литературе названию «скифы». Греческие толкования давались и многим другим племенным названиям скифского мира. Так, согласно одному из встречающихся в античной литературе объяснений, название племени — «саки» связано с греческим «сакос» — «щит». Саки действительно носили и употребляли на войне щиты (греки хорошо знали сакских воинов), но этническое название «сака», конечно, не греческого, а иранского происхождения и не имеет отношения к слову «щит».

Точно так же сам факт осмысления греками названия «Рипы» — «Рипейские горы» еще не доказывает его греческого происхождения. Это название засвидетельствовано впервые в сочинениях тех античных авторов, которые уже познакомились с реальными сведениями о Скифии и заскифских областях и бытовавшими там мифологическими представлениями. Так, уже в VII в. до н. э. Алкману были известны сюжеты собственно скифского эпоса, знал он и о существовании исседонов: в «Аримаспее» упоминались исседоны, аримаспы и грифы, пещера Северного ветра у Рипейских гор и т. д.; Гекатей на своей карте помещал перед Рипейскими горами не только исседонов, но и аримаспов; о Рипейских горах было известно Эхиду и Софоклу, и в их трагедиях получили отражение различные образы скифского фольклора; Дамаск располагал сведениями об исседонах, рассказами об аримаспах, заснеженных Рипейских горах, Северном море.

Само представление о великих северных горах существовало в местной скифской традиции и еще много ранее в общеарийской. Имеются основания считать, что представления о великих горах нашли отражение и в древнейшем письменном памятнике индийцев — «Ригведе». Особенно важен в данной связи отрывок одного из гимнов в честь бога Агни (пятый гимн III книги).

Агни, бог огня, приносящий богам жертвы и возлияния, «защитник сомы», прославляется в гимне как освещающий мрак, он уравнивается с великими богами Митрой и Варуной, называется «Митрой речных потоков и гор». Затем мы читаем: «Он (Агни) охраняет желанную вершину Рипы, место Птицы; он, бодрый, охраняет путь Солнца; он, Агни, охраняет в центре (буквально «на пупе») Семиглавого; он, превосходный, охраняет веселье богов». Данный отрывок относится к числу неясных, плохо понятных текстов «Ригведы». Его переводы различны, трактовки противоречивы. Но смысл отрывка может быть раскрыт достаточно определенно в связи с индоиранскими представлениями о священных горах.

Упоминаемое в первой строке слово «рипа» (или «рип») исследователи «Ригведы» обычно переводят как «земля». Но и при таком толковании в данной строфе должна, очевидно, идти речь о горе, горной вершине («вершине земли»). Текст сохранил указание на следующие ее отлич-

тельные черты: там пребывают птицы или, точнее, некая особая птица; там пролегает путь движения солнца-Сурьи; там «пуп» — центр мира, где «Семиглавый»; там место веселья, или наслаждения, богов. Каждую из этих деталей можно сопоставить и со сведениями последующей индийской традиции, и с данными «Авесты».

Прежде всего обращает внимание содержащееся в тексте сообщение о пути движения солнца, что находит прямые аналогии в индоиранском представлении о движении солнца вокруг священных гор; согласно «Авесте», их постоянно обходит солнце «по пути, созданном Ахурамаздой»; в индийском эпосе рассказывается, что солнце-Сурья никогда не покидает мифическую гору, «беспрепятственно вращается по этой дороге», которая была проложена при сотворении мира.

Можно полагать, что и в разбираемом тексте говорится о том же предначертанном богами «пути Сурьи» вокруг горной «вершины», т. е. в «Ригведе», очевидно, отражен прообраз представлений «Махабхараты» и последующих индийских сочинений.

Сообщение гимна «Ригведы» о «месте увеселения богов», по-видимому, соответствует традиции о радостной обители богов, помещавшейся на горах Меру и Хара Березайти в последующей индийской и, независимо от нее, иранской зороастрийской традициях. Древние индийцы и иранцы считали эти священные горы опорой земли, основой мироздания. «Авеста» сохранила представление, что при сотворении мира первой была создана Высокая Хара. Сходные сведения о Меру содержатся в «Махабхарате» и в Пуранах. Как индуистские, так и буддийские сочинения называют Меру «центром земли». Тот же «центр мира», очевидно, имеется в виду и в разбираемом тексте «Ригведы», где мифические горы (или «вершина земли») названы «пупом».

Известно, что Меру считалась также центром семи материков (или «островов» — «двип»), на которые будто бы подразделяется весь существующий мир. Иногда хребты Меру описываются как имеющие семь вершин или «семь узлов» — больших гор. Эта традиция отражена во многих Пуранах и передана позднее Бируни. Трудно сказать, связаны ли непосредственно такие представления с сообщением «Ригведы» — «в центре (на «пупе») бог Агни охраняет Семиглавого», — но можно предположить, что и в данном случае позднейшие сведения индийской традиции восходят к древним преданиям, отраженным в гимнах «Ригведы».

И наконец, последний мотив — на вершине обитают птицы. В индийских и иранских источниках специально подчеркивается, что на вершинах Хары Березайти и Меру постоянно пребывают птицы. «Стаями дивных птиц Священная гора сияла», — повествует «Махабхарата» о Меру (кстати, и на Рипейских горах, по рассказам античных авторов, «необозримые тучи» птиц). Но упоминание о птицах на священной горе не является лишь деталью красочного описания; этот мотив составляет неотъемлемую часть индоиранского мифа о похищении птицей с великих гор священного растения сомы (подробнее см. ниже).

Все перечисленные детали в рассматриваемом отрывке «Ригведы» непосредственно связываются с «деятельностью» бога Агни. Согласно

эпической традиции, Агни—один из богов, пребывающих в далекой северной стране, где находится Меру. «Махабхарата» рассказывает об этой стране:

Здесь постоянно блещет асура Агни, пожирая воды;
Кто здесь выпьет амриту ...
Тому будут явлены убыль и возрастание Сомы
Здесь по полугодиям встает златокудрое солнце ...

Данный текст, как справедливо указал крупный исследователь «Махабхараты» и ее переводчик Б. Л. Смирнов, отражает очень древнюю традицию. Об этом свидетельствует и архаичное для «Махабхараты» обозначение бога Агни как «асура»—так древние индийцы называли своих великих богов лишь в период «Ригведы».

Современные исследователи, переводя слово «рип» как «земля», принимают толкование поздних индийских комментаторов. Однако ко времени, когда составлялись эти комментарии, реальное значение слова «рип» было, очевидно, утрачено,—само оно уже давно не употреблялось и встречается лишь в «Ригведе». Тексты же этого памятника не дают веских оснований для перевода «Рип» как «земля». Подобно авестийскому «вершина Хары» и индийскому эпическому «вершина Меру» вполне логично переводить не «вершина земли», а «вершина Рипы».

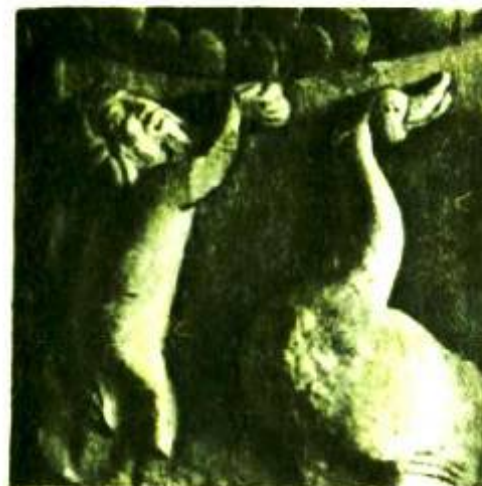
Поскольку представления древних иранцев, скифов и индийцев о великих священных горах восходят к единой общеарийской традиции, можно полагать, что зафиксированное в античной литературе название «Рипы», «Рипейские горы» связано по происхождению с названием «Рип», представленным в тексте «Ригведы».

Не исключено, однако, что в «Ригведе» это слово могло вместе с тем иметь нарицательное значение—«гора», «горы». Так, возможно было и в скифском мире—тогда название гор в скифском эпосе («Рип», «Рипейских гор») восходило к первоначальному «рип», «рипа»—«гора» вообще. Примечательно, что слово «реп» в значении «гора» имеется в языке хантов—одного из народов угорской ветви финно-угорской языковой семьи. В языках этой группы учеными отмечены многочисленные заимствования из индоиранских языков; имело место и обратное влияние. Подобные факты—результат многовековых контактов индоиранских племен с финно-угорскими, связей, которые продолжались и в скифскую эпоху. Формирование же угорских племен проходило примерно в том ареале, где в скифское время обитали племена, которые скифская традиция связывала с областями у «Рипейских гор» и у которых бытовали представления об этих горах, подобные скифским.

ЛЕТАЮЩИЕ РИШИ

С кругом представлений о великих горах на Севере неразрывно связаны и сведения о «полярных» явлениях. Поэтому «арктический» сюжет должен был составлять часть общего северного цикла, знакомого арийским племенам уже в общеарийский период.

Этот вывод является и ответом на вопрос, который был поставлен в самом начале работы: не вымышлены ли, не являются ли плодом

Летающий риши и священная птица

Риши, парящие в облаках. Рельеф VII в. н. э. Южная Индия

фантазии «арктические» детали древнеиндийской литературы? Теперь можно с уверенностью утверждать: нет, не являются. Но откуда же появились у предков индийцев знания о далеких «полярных» странах? Быть может, действительно справедлива теория Тилака о том, что предки арийских народов некогда жили в Арктике?

Скифы ясно представляли себе, что «полярные» области располагались далеко к северу от Скифии и территорий их ближайших соседей. Аналогичные представления о далеких северных районах бытовали также в эпосе древней Индии и Ирана: авторы этих сказаний помещали северные области далеко за пределами собственных стран и считали их недоступными. Установление общеарийского происхождения «полярного цикла» позволяет и эту важную деталь (отдаленность и недоступность северных районов) также рассматривать как составную часть древнейшего общеарийского представления о северных странах. Чтобы знать о полярных областях и арктических феноменах, другим арийским племенам, как и скифам, не обязательно было жить в этих районах.

Таким образом, уже само содержание «полярного» эпического цикла скифов, древних индийцев и иранцев свидетельствует против теории об арктической родине древних ариев. Она опровергается также и материалами современных наук—лингвистики, археологии, истории. Данные сравнительного языкознания позволяют судить о том, как жили предки различных индоевропейских народов (включая индоиранские) в эпоху их совместного обитания. В тот период у индоевропейских племен уже существовало общество, весьма развитое в социальном и хозяйственном отношении. Они имели длительные традиции земледелия, пользовались колесным транспортом, изготавливали из металлов некоторые орудия труда и оружие. Материалы археологии показывают, что племена, достигшие такого уровня развития, никак не могли обитать в заполярных и примы-

Летящая апсара. Гималайское искусство. XI—XII вв. н. э.

кающих районах, где век металла наступил много позднее даже того времени, когда индоиранские племена достигли Передней Азии и Индии.

Но каким же все-таки образом древние арии получали конкретные сведения о далеких северных странах и арктических феноменах? Посмотрим прежде всего, как рисуют «контакты» с Севером сами эпические сказания индоиранцев. Сохранилось немало легенд, рассказывающих о пути к мифическим северным странам, которые и древним индийцам, и древним иранцам казались недоступными. Если кому-то и удавалось попасть туда, то он добирался, как сообщают предания, лишь особым, чудесным образом. Этими «счастливицами» обычно оказывались не цари и князья, а святые мужи, овладевшие магическими тайнами жрецы, прославленные священнослужители, высокочтимые мудрецы. В «Махабхарате» не раз повествуется о таких «путешествиях».

В далекие страны решил отправиться отшельник-мудрец Галава, и, узнав о его намерении, явилась к нему священная птица Гаруда: «Мы с тобой отправимся, почтенный, я понесу тебя, куда хочешь, хотя бы на тот край земли, — идем же, Галава, немедля ... взойди же на меня, дваждырожденный, взбирайся». И поднялся Галава на священную птицу,

летел он, восторгаясь всем, что видел с высоты небес. — «О, летучий, я вижу, что на пути как бы стремятся навстречу стоящие впереди деревья, земля вместе с морями, лесами, борами, горами, как бы взмывается вихрем твоих крыльев... Я вижу многообразных рыб, чудовищ, нагов (змей) и лица людей...»

Много старинных преданий поведал почтенный мудрец Бхишма царю Юдхиштхире. Одно из них, как риши Нарада путешествовал на Белый остров, где посреди Северного океана жили преданные богу «блаженные» мужи. Особую силу за верность даровал Нараде великий бог Нараяна-Вишну. «Являсь к Нараде, он молвил слово: «Иди, Нарада, не мешкай...» Нарада же, получив желанный дар, поспешил, многосильный». И поднялся ввысь, затем «с поднебесья спустился к раскинувшемуся Молочному морю, вместилищу амриты, совершил поклонение владыке богов и снова отправился в свою обитель».

А вот предание, рассказанное Бхишмой. Сын легендарного мудреца Вьясы премудрый и искусный в йоге Шука утвердился в желании достичь «вечную обитель, где ничтожны страдания, где велика удача».

Вознесся он в воздух ... поднялся в небо.
 Став ходящим по небу, святой двигался уверенно, как ветер,
 Превосходного брахмана, величием подобного сыну Винаты (т. е. Гаруде).
 Все существа увидали возносящегося со скоростью ветра иль мысли...
 Ликующими возгласами как бы наполнили отовсюду пространство;
 Взирая на его быстрый полет, апсар вереницы.

На северной стороне появилась сияющая золотом гора Меру. Когда же приблизился к ней Шука, рассказывает далее Бхишма, раздвоились вершины гор, чтобы не преградить дороги небесному страннику; и приветствовали его небожители, «Шуку, парящего между раздавленных гор, увидев» ... Отправился в долгий путь Шука, «шел по земле пешком, способный по воздуху переноситься». Преодолевал он могучие реки и озера, пробираясь через горы, дошел и до Меру, «разные страны видел, и в страну Арьяварту пришел тот великий муни... Он завершил свой путь, странствуя в небе, как птица».

Гаруда. Миниатюра к «Махабхарате».

«Как ты просил,—говорит Бхишма царю Юдхистхире.—я поведал тебе подробно; некогда мне то рассказывал божественный риши Нарادا, о раджа, также в беседах великий йогин Вьяса, от слова до слова, эту чистую бль».

ПОЛЕТ АРИСТЕЯ

К сожалению, до нас не дошел собственно скифский эпос и наши знания о скифской духовной культуре основываются преимущественно на разрозненных сведениях античных авторов. Но даже в этих «чужеземных» описаниях встречается исключительно любопытный эпизод о «полете» в страну за великими северными горами грека Аристея, автора эпической поэмы «Аримаспея».

Современные ученые располагают лишь отдельными фрагментами этого сочинения, но оно широко использовалось различными античными писателями начиная с VI—V вв. до н.э., что позволяет представить в общих чертах содержание Аристеевой поэмы. В ней рассказывалось о путешествии ее автора по областям скифского мира вплоть до страны исседонов и об обратном пути. «Аримаспея» содержала описания обычаев различных народов, их облика и быта, отдельные мотивы эпических преданий скифов и их соседей, повествования о различных фантастических существах, якобы обитавших за страной исседонов, далеко на Севере.

Традиция сохранила вполне реальные сведения об Аристее. Он родился в семье знатного гражданина греческой колонии Проконнеса на острове в Мраморном море. Аристей был посвящен в таинства культа Аполлона. Аполлон—бог небесного света, Феб, считался одним из главных божеств как в самой Греции, так и в греческих колониях от Южной Италии до Северо-Восточного Причерноморья. Особенно почитались во всем эллинском мире святилища Аполлона на острове Делос и в Дельфах. Широкую славу приобрела знаменитая дельфийская жрица—пифия. В экстатическом состоянии, вдыхая одурманивающие испарения и принимая снадобья из лавровых листьев, она прорицала будущее. С культом Аполлона была связана легенда о гиперборейцах и их дарах, которые они якобы посылали в главные святилища этого бога.

Представление о том, что страна гиперборейцев находилась далеко к северу от Скифии возникло в греческом мире еще до времени Аристея. Можно полагать, что легенды о заскифских гиперборейцах были известны и в его родном городе, лежащем на морском пути из Греции в северное Причерноморье. Вероятно, именно предания об этом загадочном народе и увлекли Аристея в нелегкий путь в северные страны. «Одержимый Фебом», как рассказывает Геродот, он отправился в Скифию, а затем добрался и до исседонов. В античной традиции сохранилось упоминание о том, что Аристей будто бы достиг и страны гиперборейцев, считавшейся недоступной.

Много странных и удивительных историй рассказывалось об Аристее в античном мире. Некоторые из них передал и Геродот, однажды Аристей вошел в сукновальную мастерскую и там умер; хозяин сукновальни,

увидев безжизненное тело Аристея, сообщил родственникам о его смерти, а когда те пришли, чтобы с почестями похоронить Аристея, то «не нашли в ней Аристея ни мертвого, ни живого». При этом Геродот ссылается на свидетельство одного из граждан Кизика (город и остров рядом с Проконнесом), который уверял, что видел Аристея и беседовал с ним в то время, когда в Проконнесе считали будто Аристей мертв.

В более поздней традиции сохранилось сообщение о том, что Аристей по собственной воле мог якобы отделять свою душу от тела, а затем призывать ее обратно. Плиний знал много рассказов о том, как душа Аристея «вылетала» из его уст в виде ворона. Сходное предание было известно уже и Геродоту: Аристей явился в Метапонт (греческая колония на юге Италии), «повелел соорудить алтарь в честь Аполлона и поставить возле него статую с именем Аристея». Геродот передает и рассказ метапонтян о том, как раньше Аристей, следуя за Аполлоном, якобы принимал образ ворона.

В Метапонт Аристей попал, согласно сообщению греческого грамматика III в. н.э. Афиней (следовавшего здесь более древнему источнику), якобы от гиперборейцев. А вот как описывает «полет» Аристея к гиперборейцам философ-стоик Максим Тирский (II в. н.э.): «Он (Аристей) рассказывал, как его душа покидала тело и, паря в небе, пересекала страны, и греческие и чужеземные, все острова, реки, горы; что пределом его путешествия была страна гиперборейцев—таким путем он получил обильные знания о всех обычаях, о различных ландшафтах и климатах, о морских приливах и разливах рек...»

Тот же Максим Тирский сообщает об Аристее: «Был человек из Проконнеса, чье тело лежало с едва заметными признаками жизни, в состоянии, очень близком к смерти, в то время как его душа выходила из тела и странствовала по небу подобно птице, обозревая все внизу—землю, море, реки, города, народы... затем душа, вернувшись, оживляла тело, и оно рассказывало о разных вещах, которые душа видела и слышала».

Эти необычные легенды об Аристее получили особенно большую известность среди последователей культа Аполлона, в частности среди пифагорейцев, которые ввели эти предания в круг своих представлений о «путешествиях» души. Среди современных ученых нет единодушия в трактовке легенд об Аристее: некоторые считают, что в «Аримаспее» наряду с конкретными представлениями о Скифии отражены и «путешествия» души в состоянии транса—представления, заимствованные из шаманских культов, которые, по мнению этих ученых, были распространены в скифском мире; другие исследователи полагают, что Аристей совершил реальное путешествие в Скифию и далее до исседонов, а рассказы о «странствиях» его души появились много позднее, в собственно греческой среде и были затем увязаны с учением пифагорейцев.

Однако можно согласовать обе точки зрения. Данные источников не дают основания для сомнений в том, что автор «Аримаспеи» бывал в Скифии и достиг страны исседонов. Вместе с тем «шаманские» элементы в традиции об Аристее определенно существовали еще до и независимо от

влияния на нее пифагорейской школы, о чем ясно свидетельствуют, например, сообщения Геродота. Ему были известны легенды не только об Аристее, но и о некоем Абарисе — «гиперборее». Подробнее эти предания сохранились у более поздних античных писателей: «Из страны гипербореев прибыл скиф Абарис... весьма опытный в священнослужении... На подаренной ему стреле Аполлона Гиперборейского он переправлялся через реки, моря и непроходимые места, как бы путешествуя по воздуху... Во время путешествий, как гласит молва, он совершал очищения и изгонял моровые болезни и поветрия... делал достоверные предсказания о землетрясениях... успокаивал буйные ветры... и умирал речные и морские волнения». Конечно, в этих легендах об Аристее видны черты последующей греческой (в частности, и пифагорейской) обработки древнего сюжета, на который, однако, оказали влияние и религиозные представления скифского мира.

Во всяком случае уже сама древнейшая традиция об Аристее независимо от позднейших редакций позволяет выделить в ней некоторые «шаманские» черты: «путешествие» души отдельно от безжизненно лежащего тела, «переволочение» в птицу (ворона), рассказы об отдаленных странах и народах, якобы посещенных душой или увиденных ею во время «полета» — и все это в состоянии особого культового возбуждения, одержимости.

Нельзя, конечно, отрицать, что в греческой религии, в частности в культе Аполлона, имелись некоторые особенности, близкие к шаманскому кругу, но «шаманские черты» в античных рассказах об Аристее не являлись отражением религиозных и мифологических воззрений самих греков. Как и многие другие эпические сюжеты и мифологические мотивы, заимствованные греками из скифского мира, «шаманизм Аристея» был непосредственно связан с религиозными представлениями скифов и их северных соседей, особенно если учесть данные о пребывании Аристея в Скифии и в далеких заскифских областях — у исседонов. «Посещение» Аристеем гипербореев, «живших» за недоступными северными горами, можно толковать как шаманский «полет», как галлюцинозные образы шамана, к которым он прибегает во время камлания (ритуальных действий, совершаемых шаманом в состоянии экстаза).

Шаманизм как специфическая форма религии особенно широко был распространен у народов Сибири, Северной Азии и севера Восточной Европы. Религии же древних индийских и иранских народов (в том числе и скифов) в целом принадлежат к совершенно иному типу. Правда, в мифических и эпических представлениях скифов прослеживается много общего с мифологическими образами народов Севера. Более того, некоторые современные исследователи (например, немецкий ученый К. Мейли), основываясь на данных античной литературы о Скифии, выявляют элементы северного шаманизма в религиозной практике самих скифов. К. Мейли особенно подчеркивал сходство «скифского шаманизма» с религиозными воззрениями финно-угорских народов Урала и Зауралья.

На основании таких материалов, говорящих о близости ряда религиозных представлений степных племен и населения более северных областей

в скифскую эпоху, можно было бы думать, что лишь в этот период племена Скифии заимствовали от своих северных соседей черты шаманизма. Но вполне допустимо и иное заключение: «шаманский пласт» существовал уже в религии предков скифов, а поскольку элементы шаманизма прослеживаются и в самых древних религиозных сочинениях Индии и Ирана, то их возникновение тоже позволительно относить к общеарийской эпохе. Это предположение подкрепляется анализом данных, свидетельствующих о связях древних ариев с северными племенами лесной зоны — с предками народов финно-угорской языковой группы.

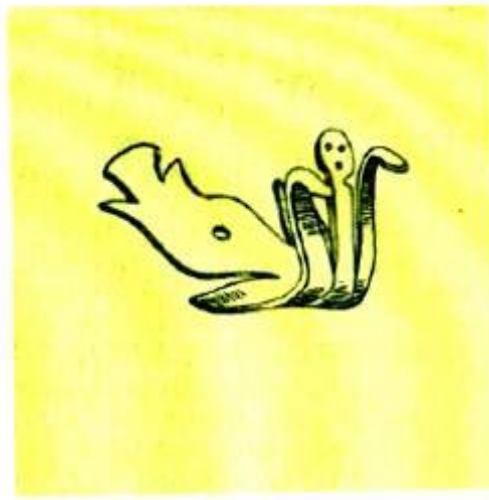

АРИИ И ФИННО-УГРЫ

К этой группе народов в настоящее время принадлежат саами, финны, эстонцы, карелы, мордовцы, марийцы, удмурты, коми, манси, ханты, венгры и др. Предки их обитали в лесных районах Северо-Восточной Европы и Урала (в русских летописях они известны под именами чудь, весь, меря, мурома, югра, и др.). Из современных финно-угорских языков лишь венгерский распространен далеко от указанных территорий, но он был принесен в Центральную Европу в IX в. н.э. уже после продвижения из районов Приуралья и Поволжья племен, которые в русских летописях именуется уграми. Среди других финно-угорских языков венгерский наиболее близок к языкам народов Зауралья — хантов и манси. Венгерский, мансийский и хантский составляют «угорскую» ветвь финно-угорских языков, остальные же относятся к «финской» ветви. Область формирования финно-угорских племен включала, как считают ученые, лесные районы Поволжья и Прикамья до Урала, а продвижение к Западу западнофинских племен (предков финнов, эстонцев, карелов) относится к более позднему периоду.

По своему происхождению финно-угорские языки не связаны с арийскими, принадлежащими к совершенно иной языковой семье — индоевропейской. Поэтому многочисленные лексические сходства между финно-угорскими и индоиранскими языками свидетельствуют не об их генетическом родстве, а о глубоких, многообразных и длительных контактах финно-угорских и арийских племен. Эти связи начались еще в прарийский период и продолжались в общеарийскую эпоху, а затем, после разделения ариев на «индийскую» и «иранскую» ветви, контакты осуществлялись между финно-угорскими и ираноязычными племенами.

Круг слов, заимствованных финно-угорскими языками из индоиранских, весьма разнообразен. Сюда относятся числительные, термины родства, названия животных и т. д. Особенно характерны слова и термины, связанные с хозяйством, названия орудий труда, металлов (например, «золото»: удмуртск. и коми — «зарни», хантск. и манси — «сорни», мордовск. — «сирне», иран. — «заранья», совр. осетинск. — «зэрин»). Отмечен ряд соответствий в области земледельческой терминологии («терно», «ячмень» и пр.); из индоиранских языков заимствованы бытующие в различных финно-угорских языках слова для обозначения коровы, телки,

Человек-птица. Детали сибирского шаманского костюма

козы, овцы, ягненка, овечьей шкуры, шерсти, войлока, молока и ряда других.

Такие соответствия указывают, как правило, на влияние более развитых в экономическом отношении степных племен на население северных лесных районов. Показательны и примеры заимствования в финно-угорские из индоиранских языков терминов, связанных с коневодством («жеребенок», «седло» и пр.). Финно-угры познакомились с домашней лошастью, очевидно, в результате связей с населением степного Юга. Длительные контакты с степными коневодческими племенами получили отражение в языке, эпосе, религиозных представлениях лесных племен, в том числе угорских, в течение многих столетий обитавших в тайге.

По данным средневековых источников известно, что еще в то время угорские племена были широко распространены и в областях к западу от Северного Урала. Формирование же этих племен, видимо, проходило в значительной мере и в более южных районах, у границы степи. В угорских языках, включая венгерский, имеются коневодческие термины единого происхождения. Среди них есть и восходящие к иранскому источнику. Судя по материалам, собранным этнографами XVIII—начала XX в., в религиозных верованиях и мифологии угров Зауралья были отражены пережитки древнего культа коня. В эпических песнях хантов рассказывается о богатырях-всадниках, отряды которых поднимают огромные тучи пыли. В легендах манси бог — хозяин земли и покровитель людей — Мир-сусне-хум рисуется как всадник, объезжающий мир на белом крылатом коне. Главным жертвенным животным обычно являлся олень, но самой почитаемой жертвой считалась лошадь, особенно белая. Заклание лошади как наиболее желанной и ценной жертвы было характерно для древней религиозной практики арийских племен; особое предпочтение отдавалось белым лошадям.

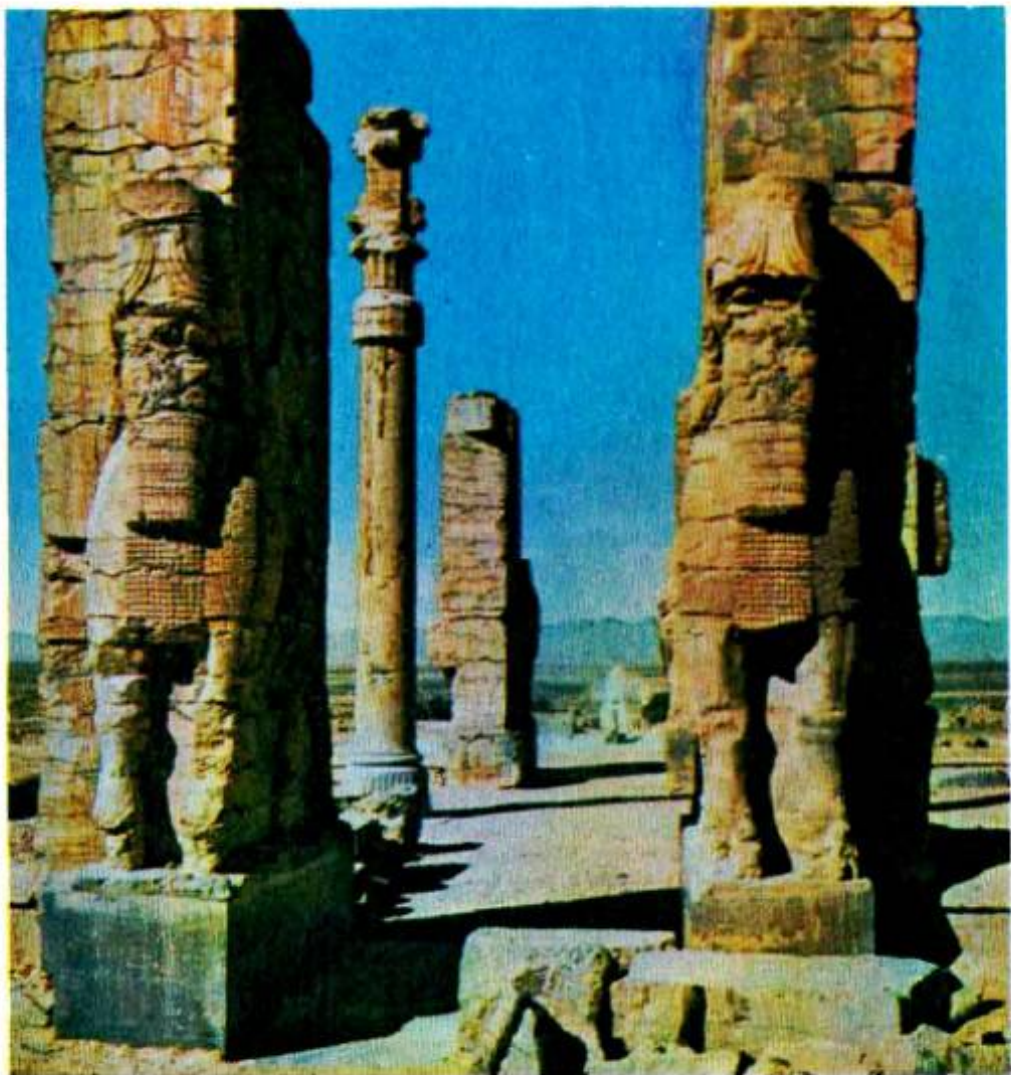
Таковы лишь некоторые, но весьма показательные примеры древних связей финно-угорских и арийских племен. Отзвуки этих контактов прослеживаются и в традиции древней Индии и Ирана, относящейся к значительно более позднему периоду, когда племена и народности этих стран уже создали великие государства древности, а уровень их духовной культуры, социальный строй и политические отношения весьма отличались от тех, каковыми они являлись в арийскую и общеиранскую эпоху — эпоху возможных связей предков индийских ариев и персидских племен Ирана с предками современных финно-угорских народов.

ЦАРЬ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ И БОГ ТАЕЖНОГО НАРОДА

Драматические и загадочные обстоятельства предшествовали вступлению на престол Дария I — царя державы Ахеменидов, созданной в середине VI в. до н.э. персидскими племенами Юго-Западного Ирана. Под властью могущественной империи оказались многие страны Ближнего Востока, от Египта и берегов Эгейского моря до Средней Азии и долины Инда. В 530 г. до н.э. в войне с среднеазиатскими кочевниками погиб основатель державы Кир Великий. На престол вступил старший из двух его сыновей Камбис, младший же, Бардия, стал наместником ряда важных провинций. Дарий в своей Бехистунской надписи и античные писатели, повествуя о тех же событиях, сообщают о том, что Камбис приказал убить Бардию, видя в брате опасного соперника. Об убийстве царевича знало лишь несколько очень близких к царю лиц. Уверенный в надежности своего престола, Камбис отправился в поход на Египет и пробыл там около трех лет. Но царь просчитался: в Иране начались волнения и произошел государственный переворот. 11 марта 522 г. власть захватил человек, называвший себя Бардией. Источники рассказывают, что новый правитель по внешности удивительно походил на подлинного царевича.

Узнав о перевороте, Камбис поспешил в Иран, но по дороге, в Сирии, умер при загадочных обстоятельствах: по одним сведениям, от раны, которую будто бы случайно нанес себе, садясь на коня; другие данные позволяют предполагать, что на царя было совершено покушение. Теперь «Бардия» был признан царем по всей державе. За семь месяцев своего недолгого правления он успел провести важные социальные и религиозные реформы. Но тем временем семь знатных персов, и в том числе Дарий, составили заговор против самозванца. 29 сентября 522 г. они проникли в царскую резиденцию, убили царя и его ближайших сподвижников. Правителем стал Дарий. Реформы «Лжебардии» были отменены.

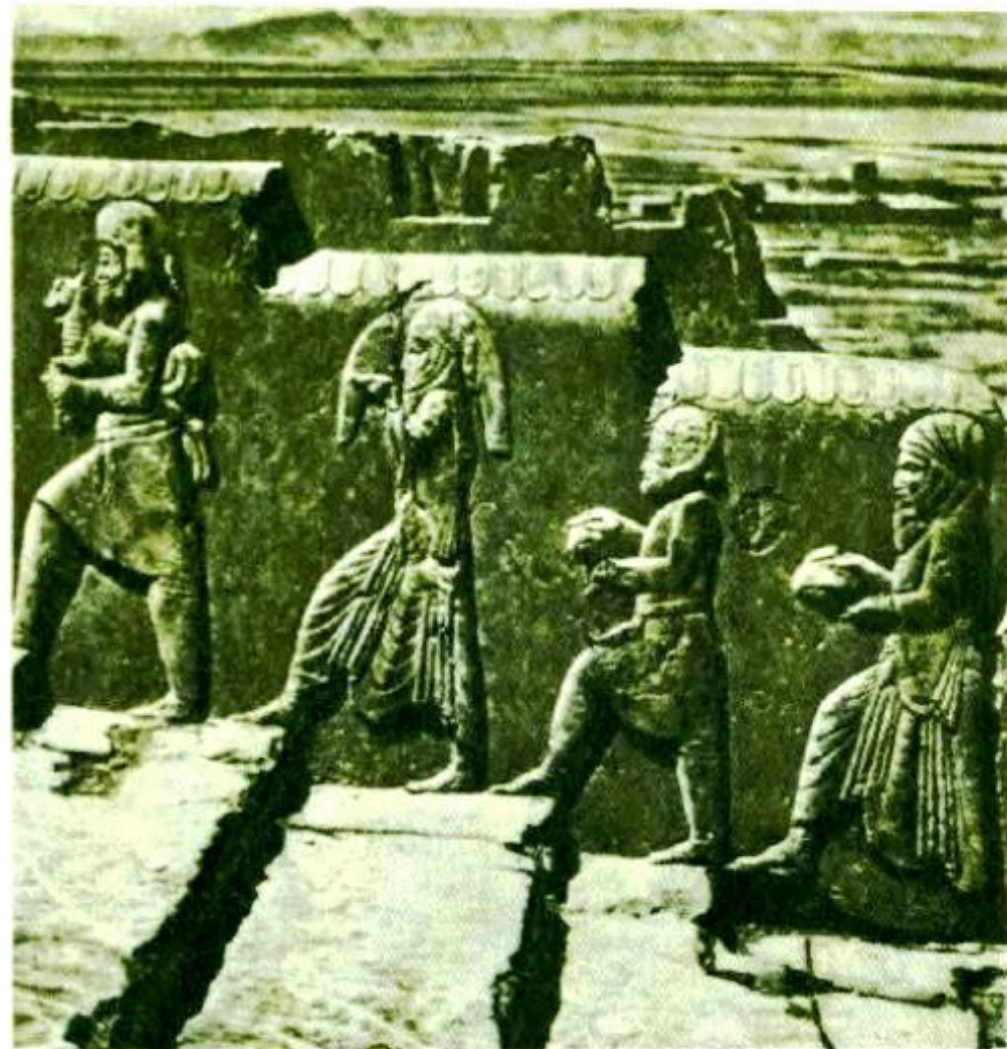
Такова версия официальной персидской традиции и некоторых античных авторов. Она принимается и многими современными учеными. Но можно ли полностью полагаться на эти рассказы? Не была ли официальная версия сфабрикована самим Дарием и его сторонниками, которые устранили неудобного им царя? Ведь трудно, например, поверить, что в течение ряда лет убийство сына Кира, фактического наследника престола, сохранялось в тайне, а самозванец еще до захвата им престола,

Развалины Персеполья — священного города Ахеменидов, основанного при Дарии I

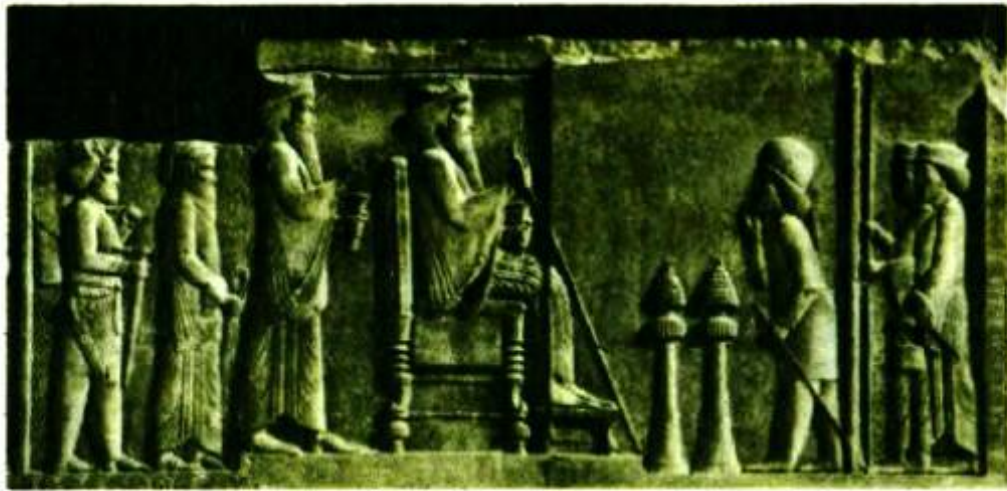
оставаясь неизвестным, исполнял роль наместника. Существенно также, что по древнейшему из дошедших античных свидетельств об этих событиях — в трагедии Эсхила «Персы» — убитый заговорщиками царь вовсе не рассматривается как самозванец. И может быть, на престоле Ахеменидской державы в течение семи месяцев правил настоящий Бардия — сын Кира, а не принявший его имя узурпатор (эта точка зрения подробно аргументирована советским востоковедом М. А. Дандамаевым).

Загадки, связанные с обстоятельствами вступления на престол Дария, на этом не заканчиваются. Почему, например, из семи заговорщиков царем стал именно Дарий? Может быть, он имел среди них особые права

Рельефное изображение на парадной лестнице в Персеполье

на престол и при организации заговора уже предполагалось, что в случае успеха царем будет именно Дарий? В своей Бехистунской надписи Дарий действительно приписывает себе основную роль в свержении самозванца, изображает себя организатором заговора. Но античные источники описывают события иначе, отводят в заговоре главную роль не Дарию, а другим заговорщикам. Дарий не являлся вместе с тем и ближайшим родственником или прямым наследником Кира и Камбиса; не только он, но и некоторые другие заговорщики принадлежали к роду Ахеменидов, а когда встал вопрос о будущем царе после устранения «Лжебардии», еще были живы отец и даже дед Дария.

Ауденция у царя Дария. Рельеф из Персеполя

У античных авторов сохранился интереснейший рассказ о том, каким образом именно Дарий получил права на престол. После убийства самозванца заговорщики стали решать, кто из них должен стать царем. Ни один не хотел уступить другому. Наконец все же договорились разрешить спор: на заре следующего дня претенденты должны были верхом выехать в условленное место (как указывает Помпей Трог — у царского дворца), и тот, чей конь первым заржет при восходе солнца, получит верховную власть.

Успех сопутствовал Дарию, он стал царем Ахеменидской державы. «Милостью» верховного бога называет свое вступление на престол сам Дарий: Ахурамазда — бог небесного свода — вручил ему царство, сделал его повелителем и законодателем, передав ему обширную землю, когда на ней господствовали вражда и волнения, чтобы именно он установил порядок на земле и благоденствие для людей. Так заявляет в своих надписях царь Дарий.

... На далеком небе живет высший бог Нуми-торум, хозяин неба. Далеко он от земного мира и обычно не вмешивается в дела людей. Некогда царили на земле смута, вражда и убийства. В них приняли участие и семь сыновей Нуми-торума, отправленные отцом на землю. Решил бог прекратить усобицы, навести на земле порядок и установить на ней единого повелителя. Спустился Нуми-торум с неба и сказал сыновьям: тот из вас будет старшим над людьми и своими братьями, кто завтра на рассвете первым придет к моему дворцу и привяжет своего коня к серебряному столбу. Раньше всех приехал Мир-сусне-хум, младший из семи братьев, и с восходом солнца привязал коня к серебряному столбу. Так стал он повелителем земли. Велел Нуми-торум другим братьям почитать Мир-сусне-хума за старшего, а людям — «за главного руководителя и судьбу», молодому правителю «приказал он заботиться о

людях». И стали жить люди в благополучии и богатстве под покровительством Мир-сусне-хума — «за людьми смотрящего человека».

Эта легенда была записана у манси в XIX в. путешественником и этнографом Н. Л. Гондатти. Невольно возникают аналогии с преданием о вступлении на престол царя персов Дария I. В основе обоих рассказов отражена традиция гиппомансии — избрания царя с помощью коня. Совпадает в обеих легендах и ряд характерных деталей: решающий эпизод происходит на заре следующего дня, связан с восходом солнца; к серебряному столбу у дворца верховного повелителя должны были привязать коня братья-соперники в угорской легенде, спор знатных персов также решался у царского дворца (более того, в рассказе Геродота упоминается и о конской привязи на месте состязания); в обоих преданиях совпадает и число претендентов на власть.

Нет сомнений, что обе легенды связаны друг с другом. Если обычай избрания царя с помощью коня хорошо известен по религиозной и эпической традиции древних индоиранцев (засвидетельствован он и у некоторых других индоевропейских племен), то у предков манси вряд ли могли самостоятельно возникнуть такие представления и особенно подобная практика избрания на царство.

Поэтому есть все основания полагать, что мансийская версия легенды обязана своим происхождением представлениям тех ираноязычных племен, которые некогда жили в соседстве с предками финно-угров. И вместе с тем, легенда о боге тасжного народа Мир-сусне-хуме позволяет уточнить и некоторые сведения собственно иранской традиции о воцарении Ахеменида Дария I.

Независимо от того, происходило ли на самом деле избрание Дария путем гиппомансии или сам Дарий, не имея бесспорных прав на престол, заручился «поддержкой» древнего обычая, существенно само бытование подобной традиции в древнем Иране даже в эпоху великой империи Ахеменидов.

ПЛАМЯ И ОДНОУШЕНЫЙ ЗВЕРЬ ШАРАБХА

Еще один любопытный пример древних связей предков индоиранцев с предками финно-угорских племен — индийские рассказы о фантастическом звере шарабха. Шарабха обычно описывается как дикое могучее животное, превосходящее по силе даже льва. Древние индийцы называли шарабху аштападой («восьминогим») и считали «жителем» снежных гор. Правда, представления о внешнем облике шарабхи были различны и даже противоречивы. Древнейшие индийцы не могли объяснить точно, что же это за зверь: его даже сравнивали с верблюдом, иногда с козлом, но чаще всего относили к «семейству» оленей

Образ шарабхи был популярен и в буддийской литературе. Он — главный персонаж двух буддийских джатак, — поучительных сказаний о прошлых рождениях Будды: по представлениям буддистов, Будда некогда принимал образы различных людей, животных и божеств. Джатаки, хотя являлись религиозными сочинениями, но содержат популярные легенды и

Ахеменидские воины. Дворец в Сузах. V в. до н. э.

Лев-грифон. Дворец в Сузах. V в. до н. э.

басни, различные фольклорные сюжеты, связанные с очень древними мифологическими представлениями.

«В некоей отдаленной местности, где не встретишь человека и не услышишь человеческого голоса, где не проезжало колесо колесницы или повозки, не ступала нога путника... жил Будда в облике шарабхи, одаренный силой, быстротой, большим и очень крепким телом...» Однажды царь, преследуя диких животных, заблудился и оказался в той далекой лесной местности. Увидев шарабху, он уже было направил на него свой лук, но стремительный зверь бросился бежать. Шарабха «встретил на пути большую расщелину и, быстро перепрыгнув ее, словно лужицу, побежал дальше». В этой, как и в другой джатаке, специально подчеркивается особая сила шарабхи, его исключительная ловкость, помогающая избежать смертельной стрелы даже самого опытного охотника. Как-то шарабха, рассказывает джатака, был окружен опытными охотниками, которые похвалялись быстро расправиться со зверем. Но он был ловок, так искусно избегал стрел, что охотники не могли его застрелить, и шарабхе подобно быстрому ветру удалось ускользнуть.

Итак, что же это за фантастическое животное индийских легенд — восьминогий лесной житель шарабха, обладающий огромной силой и быстротой, неуязвимый даже для смертоносных стрел искусных земных охотников? Может быть, это чисто сказочное животное, обязанное своим бытованием в индийских сказаниях исключительно вымыслу? Нет, лесной зверь шарабха не выдумка древних индийцев. Это животное северных лесов — лось, с которым некогда были, очевидно, знакомы далекие предки индийцев на своей прародине.

Древнеиндийское слово «шарабха», как показал еще в начале XX в. венгерский ученый Б. Мункачи, соответствует названию лося у угорских

Лось в когтях грифа. Украшение из кожи. Пазырыкские курганы

Сибирский шаман в костюме «птичьего типа». Рисунок нач. XX в.

народов Зауралья — хантов и манси: «сарп», «шорп». Непосредственная связь этих слов подтверждается и сравнением древнеиндийских сказаний о многоногом шарабхе с угорскими преданиями о лосе. Вот, например, одна из легенд, записанная у обских угров в XIX в. Н. Л. Гондатти. Сначала лось обитал на небе и было у него шесть ног. Никто не мог догнать его, стремительно бегущего. Но возгордился лось и стал хвастаться силой и быстротой. Узнал об этом бог верхнего мира Нуми-торум и послал небесного богатыря наказать лося. Долго гнался по всему небу чудесный богатырь за лосем, наконец настиг его, отрубил две задние ноги и бросил их на землю. Осталось у лося четыре ноги, и сделался он частой добычей человека. Воспоминание же о шестиногом лосе, гласит предание, осталось на небе в виде созвездия Большой Медведицы, а путь, по которому небесный охотник преследовал лося, не что иное, как Млечный путь. По другой версии этой легенды, бог Тунк-пох охотился на шестиногого лося, долго гоняясь за ним по небу на лыжах из священного дерева. Лишь когда лось спустился на каменный мыс, охотник настиг его и отсек у зверя две ноги. Небесный лось стал обычным земным зверем, живущим в таежных лесах Севера.

Подобный сюжет об охоте на священного лося, связанный с особыми космологическими представлениями, хорошо известен и по этнографическим материалам, собранным у эвенков. Советский этнограф Г. М. Василевич записала несколько вариантов этого сказания. Три охотника направились на промысел за лосем, но когда они увидели небесного зверя, то главный стрелок, обещавший легко расправиться с лосем, испугался и побегал прочь; поэтому до сих пор продолжается охота на небесного лося: четыре звезды Большой Медведицы — это будто бы лось, три — охотники.

В связи с представлениями индийцев о шарабхе особого внимания заслуживают и некоторые детали сибирских легенд о лосе. Небесный лось живет в тайге Верхнего мира: днем скрывается он в ее чаще и невидим для земных существ, а ночью взбирается на горные вершины и в образе Большой Медведицы появляется среди других небожителей. По сказаниям эвенков, с ним связывается смена дня и ночи; лось якобы выбегает из тайги и взбирается на горную вершину, с которой может достать солнце.

Сходные предания о священном лосе зафиксированы и у многих других народов Севера — от бассейна Енисея до Финляндии. Столь же широко распространено связанное с этой легендой название созвездия Большой Медведицы — «Лось» (интересно, что оно называлось так и на Руси, по-видимому после знакомства с мифологическими представлениями лесных народов севера Европы). На основе археологических материалов и наскальных изображений академик А. П. Окладников показал, что образ лося и его связь с солнцем — один из древнейших мотивов общих космологических воззрений многих народов Севера.

Древнеиндийский сюжет о шарабхе — многоногом, стремительном лесном звере, являлся, очевидно, отражением очень ранних представлений о лосе, бытовавших у

народов лесной зоны Севера. Более того, происхождение индийской традиции о шарабхе можно непосредственно увязать с мифологией угорских народов — именно там мы находим совпадение такой необычной детали, как многоноготь (шесть или восемь ног) и соответствие названий: шарабха — шарп, сорп (в эвенкийском и других языках Сибири для обозначения лося употребляются иные слова).

Рассказы о фантастическом звере шарабхе наиболее подробно излагаются в сочинениях классического периода древнеиндийской религиозной и светской литературы, когда этот некогда заимствованный мотив дополнился совсем иными сюжетами и вошел в общую фольклорную традицию народов Индостана. Но имеются данные, позволяющие утверждать, что о шарабхе было известно уже создателям ранневедийской литературы и даже «Ригведы». В ранневедийском памятнике «Атхарваведа» шарабхе посвящено одно из заклинаний: «Ты, о изгнанный шарабха, похожий на козла, сможешь преодолевать труднодоступные места». В «Ригведе» о шарабхе говорится в гимне Индре в связи с таким важным сюжетом мифологии ведийских ариев, как похищение сомы; примечательно, что шарабха выступает здесь как некий мифический персонаж, связанный с небесной сферой, его причисляют к разряду божественных риши.

Так зверь северных лесов лось — «шарабха» вошел в народную традицию жаркой Индии, подобно тому как сказания о полярных областях и феноменах остались неотъемлемой частью священной литературы и эпоса народов этой южноазиатской страны.

СЕВЕРНЫЙ ШАМАНИЗМ И ДРЕВНЕЙШАЯ РЕЛИГИЯ АРИЕВ

В недоступные страны далекого севера направлялись, «летая» на птицах, священные мудрецы индийского эпоса. На далекий север за Скифией совершал свой «полет» и Аристей. Эти воздушные странствия можно рассматривать как часть шаманского камлания. В пользу такой трактовки говорят многочисленные исследования по этнографии и истории религии, прежде всего народов Севера.

«Шаман во время камлания, — пишет крупный советский этнограф профессор С. А. Токарев, — часто падает без сознания; это невольно должно наводить зрителей на мысль об отлете его «души»: бред и галлюцинации шамана нередко состоят в том, что он видит далекие страны и громко рассказывает о своих странствиях».

Путешественники и этнографы XIX — начала XX в. оставили подробные описания шаманских камланий у различных народов Сибири. Вот как, например, описывал в начале XX в. шаманский ритуал В. И. Анучин: шаман, одетый в особые облачения, искусственно приводит себя в возбужденное состояние, затем начинает петь и ударять в бубен, как бы призывая духов. «Когда духи соберутся все, шаман возвещает об этом особо резким выкриком и одновременно делает несколько прыжков — ... духи собираются поднять шамана». Наконец, духи как бы «возносят» шамана вверх, под облака, для осмотра горизонта. В песне шаман повествует, что именно он видит: «Я уже высоко. Енисей вижу на сто верст вверх и на сто верст вниз. Вот чум. Кто там? Ага, это старый Сиктип сидит... Эй, духи, поднимай выше. Буду смотреть дальше...» Шаман, постепенно повествуя о последующем в пении, поднимается в небо, спускается в подземелье, летает во все страны света, делает много превращений; обыкновенно он превращается сам в птицу или пользуется услугами духа-птицы».

По рассказу иганасанского шамана (записано А. А. Поцовым), он будто бы назывался птицей и долго летал по берегу моря, добираясь до высокой горы, где жила хозяйка вод. Шаман должен был пройти дороги всех миров: он «путешествовал» в нижний мир, к морю без конца и края и наконец «возвращался» на землю, «постигнув» тайны всенедения и всеслышания, даже шептание трав.

По религиозным представлениям, бытовавшим у ряда народов Севера, шаман мог предсказывать будущее, сообщать о приближающихся несчастьях, отсылать свою душу в отдаленные области «узнать, где что происходит»; лишь после «возвращения» души шаман определял судьбу страждущего. Шаман считался исцелителем болезней, способным изгнать злых духов. Он гоняется за «виновником» болезни, принимая облик птицы. — «Превратившись в ворона, понесемся плавно... превратившись в ястреба, наблюдаем сверху... превратившись в орла, наблюдаем со всех сторон» (из песни тувинского шамана; по материалам С. И. Вайнштейна).

Сходные представления были отмечены в начале XIX в. и у лапландцев (саами) на севере Скандинавии: душа шамана отделяется от его тела и принимает образы различных животных: как олень она проносится по

земле, как птица парит в воздухе, как рыба уходит в глубь моря — так шаман, хотя и лежит в состоянии полного транса, «путешествует» в различные миры, затем его душа «возвращается», и шаман вновь «оживает». Лапландцы верили, что шаман может раз узнавать все, что случилось с их родственниками, живущими в далеких селениях. Находясь в экзотическом состоянии, шаман громко пел и ударял в бубен, затем, как бы умирая, падал на землю. Душа в это время «улетала» туда, куда посылал ее шаман. Верующие с нетерпением ждали возвращения души, которая «оживляла» шамана. По представлениям лапландцев, шаман должен был иметь специальную помощницу, которая оберегала тело шамана во время «путешествия» души и в необходимых случаях «отыскивала» душу шамана, если та долго «не возвращалась».

Особую роль в северном шаманизме играл культ птиц: в образе птицы шаман или его душа «отправлялись» в дальние странствия, «пролетая» по знакомым и мифическим странам. Птица считалась покровителем шамана, атрибуты его костюма уподоблялись частям тела птицы и ее оперению. Согласно финской мифологии, шаманы сыновья небесного бога — орла.

По религиозным представлениям, бытовавшим у обских угров, душа принимает образ птицы и отправляется в загробный мир. По эвенкийской легенде, некий человек захотел жить на верхней земле. Отыскал он большую птицу, которая сказала ему: «Запаси на три года еды, одежды, воды, дров». Положил он все это на птицу, и поднялись они в воздух. Долго летели, наконец увидел он лестницу, ведущую в верхний мир, поднялся по ней, но прогнал его шаман из небесной обители: «Иди на свою землю». Сел опять человек на птицу и улетел обратно домой, где рассказал сородичам о полете в верхний мир. По представлениям эвенкийских шаманов, лишь шаман во время особых камланий мог попасть в верхний (или утренний) мир. Обычным же людям туда проникнуть не удавалось. Особым почитанием пользовался ворон, ему приносили

Летящий Шива. Бронза. XII в. н. э.

жертвы, он — один из главных персонажей шаманских ритуальных танцев.

Шаманское камлание ученые сравнивают с состоянием нервно-истерического припадка. Шаманы нередко прибегали к помощи искусственных возбудителей, принимали различные наркотические средства, приводящие их в особое возбуждение, экстаз. Об этом имеются многочисленные свидетельства этнографов и путешественников.

Приведенные материалы о шаманском культе и религиозных представлениях, бытовавших некогда у народов Севера, находят много любопытных и часто прямых аналогий в эпической и религиозной традиции древней Индии, Ирана, Скифии. Вспомним об Аристее: принимаемый им облик ворона, состояние особой одержимости, в котором он совершал «путешествие» в далекие края, «полет» души, оставлявшей безжизненно лежащее тело, рассказы о «странствиях» души в недоступную страну Севера. Или об Абарисе — он «путешествовал» по воздуху, переправляясь через моря и горы, мог во время «странствий» изгонять болезни, делать предсказания и даже усмирять ветры и морские бури.

Выше приводились и некоторые предания из «Махабхараты»: о «полетах» божественных риши, о «путешествиях» почтенных мудрецов на птицах в различные страны света и особенно в северную обитель «блаженного» народа; к вершинам Меру «летал» на птице Гаруде мунни Галава, осматривая знакомые и незнакомые страны, летал, «не чувствуя своего тела»; «парил» подобно ветру мудрец Нарادا; «странствовал» по небу, как птица, йогин Шука.

«Невкушающие, вкушающие (лишь) воздух, реющие в воздухе, как птицы, великие риши в лунные четверти посещают превосходную гору (Меру)». Пройти туда никто из смертных не может, об этом нельзя даже помыслить, но «слетаются» туда риши, и «в дни смены (четвертей) луны в этой горной округе слышатся звуки бубнов, барабанов, раковин, свирелей». С божественной помощью, рассказывает эпическое сказание, отправились на северный склон Меру на побережье Молочного моря три великих риши и достигли Великого острова. Однако они не могли ничего увидеть из-за сияния, и голос с неба сказал им: «Вы, мунни, туда, откуда вы все пришли, немедленно уходите!»

Определенные черты шаманизма можно найти и в описании одного из главных богов индуизма — Шивы (именуемого также и Рудрой). Религиозные тексты рисуют необычный облик этого «божества могучей силы и экстаза»: с распущенными спутанными волосами танцует он в небе, испуская громкие крики, подобно лунатику предводительствует он безумными, после танца впадает в экстаз, опьяняется священными напитками; он пребывает на вершине Меру и наводит ужас на всех, кто видит его.

Показательно, что греческие писатели — участники похода Александра Македонского в Индию называли этого индийского бога Дионисом и сообщали, что почитатели Диониса в Индии совершали вакхические обряды, танцевали, впадая в экстаз, играли на пимбалах, били в барабан и колокольчики. Следуя, очевидно, за индийской традицией, эллины, побывавшие в Индии, связывали Диониса-Шиву и со священной горой Меру.

Интереснейшие сведения о шаманских чертах в древнейших религиозных представлениях индийцев сохранила «Ригведа». В одном из ее гимнов рассказывается о Длинноволосом («Кешине») и мудрецах-муни, одетых в бурые, запачканные одеяния и опоясанных ветром, которые, находясь в экстазе, следуют за полетом ветра. «Возбужденные, мы поднимаемся на ветрах, как на наших конях, а вы, смертные, можете видеть лишь наши тела». Парит по воздуху, созерцая сверху все вокруг, Длинноволосый — верный друг богов во всех их начинаниях, поется в гимне, двигается он по следу апсар, гандхарвов и крылатых небесных зверей-птиц; бог ветра Вайю разводит ему хмельной напиток, когда вместе с богом Рудрой он пьет из чаши опьяняющий сок: подобно Длинноволосому в исступлении парит в небе мудрецы-муни, и видят смертные лишь их тела, оставленные на земле.

«Буйные ветры понесли меня вверх — ведь я наполнил сомы; понесли меня вверх соки сомы, и пять народов показались мне пылинкой... одно мое крыло на небе, другое опустил я вниз — ведь я наполнил сомы! Я вознесся до облаков — ведь я наполнил сомы». Этот текст «Ригведы» обычно трактуется как хвастливый рассказ бога, захмелевшего от священной опьяняющей сомы. По мнению же известного филолога Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1853 — 1920), в гимне передается не опьянение бога, а состояние человека, который впал в экстаз, испив возбуждающей сомы. Очевидно, это экстатическое возбуждение жреца, познавшего таинства опьяняющего напитка. Напившись сомы, он «поднимается» к небу, «парит» в облике птицы и сверху как бы «взирает» на земные народы, кажущиеся ему соринкой в глазу.

НАПИТОК БЕССМЕРТИЯ

Ритуал сомы занимал большое место в религии древних ариев. Соме целиком посвящены одна из десяти книг «Ригведы» и некоторые гимны других книг. Слово «сома» — иранское «хаума» — образовано от глагола «су» («ху») — «выжимать, готовить сок». Сомой-хаумой называли растение и сок, который из него получали, а также божество (Сома). Представление об этом священном растении восходит к общесарийскому периоду. «Ригведа» и «Авеста» дают схожие описания способа приготовления опьяняющего напитка — сомы: выжатый из растения сок процеживали сквозь сито и наполняли им сосуды, в которых он смешивался с водой, молоком, ячменными зернами, кислым молоком. Полученная смесь бродила, приобретая особый вкус и способность оказывать возбуждающее действие.

Сому пили жрецы во время ритуальных церемоний и жертвоприношений, возливали в жертвенный огонь, приносили в жертву различным богам. Сома считалась напитком бессмертия («амритой») богов; «дарующей бессмертия» называлась и хаума. Древние индийцы и иранцы верили, что этот напиток давал богам необъятную силу и могущество; человеку, выжимающему и возливающему сому, пьющему ее, сома будто бы дарит продолжение жизни, исцеление от болезней, приток энергии и жизненной силы.

Как в зороастризме, так и в ведийской религии и индуизме жертвоприношение хаумы-сомы — одна из основных частей священного ритуала, акт приобщения к богам. Такое значение ритуал сомы имел уже в ошсеарийский период. В древних ведийских и авестийских книгах опьянение сомой и хаумой рассматривается как божественное, священнодейственное и противопоставляется иным видам опьянения, которые порицаются. В одном из ведийских сочинений «Шагашатхе-Брахмане» говорится: «Сома — это процветание и свет, сура — несчастье и темнота» (сура — название обычного «светского» хмельного напитка). Аналогичное утверждение встречается в «Авесте»: все другие хмельные напитки приводят к демону гнева и неистовства, и только он, напиток хаумы, ведет к священной истине.

Древние черты культа сомы наиболее отчетливо выражены в Ведах. Сома — напиток и божество экстаза, это и само состояние экстаза, но возбуждение особого свойства, как бы приоткрывающее тайны божественной силы: «клокочет страсть и неистовство, о капля сомы». «Мы выпили сомы, мы стали бессмертными, мы достигли света, мы нашли богов», — поется в одном из гимнов «Ригведы».

Культ сомы был тесно связан с магическим песнопением. Священные заклинания — мантры приносили жрецы при приготовлении и возлиянии сомы: в состоянии экстаза пелись гимны о соме. «Как ездок погоняет коня, так и пение возбуждает сому». И вместе с тем сама сома, верили авторы

священных текстов, рождает гимны, она отец гимнов, владыка песни, опьяненный сомой подобен певцу: пребывая в экстазе, он одновременно и чародей, знающий силу божественных заклинаний.

Прозорливца приветствовали сому криками,
Певцы по главе жертвы,
Имея любимого перед глазами.

Авторы гимнов считали, что сома подобно ветрам ввысь несет каждого, кто приобщается к ее тайнствам, способна доставить верующего в бессмертную, нерушимую обитель богов, туда, где «светящиеся миры... где высшее место солнца... где пребывают радость и веселье».

С конца XVIII в. вплоть до настоящего времени ученые ведут жаркие споры о том, какое же растение «скрывается» под сомой (хаумой). В соме видели вереск, разновидность горной руты, грибы, эфедру, молочай, коноплю и т. д. Дело в том, что, когда ученые заинтересовались этим вопросом, у последователей индуизма и зороастризма для приготовления ритуального напитка употреблялись различные растения.

Попытки точно определить, какое же именно растение предки индоиранцев называли сомой, вряд ли увенчаются успехом. На протяжении своей многовековой истории предки индоевропейских иранцев и индийских ариев расселялись по обширным территориям с различными географическими условиями, климатом, растительностью. Следуя своим культовым традициям, они изготовляли ритуальные напитки, находя пригодные для этого растения: в разных географических зонах ими являлись, очевидно, различные «плоды земли», дававшие необходимый культовый эффект. Уже в ранних индийских сочинениях зафиксировано положение, по которому разрешалось заменять традиционный вид сомы некоторыми другими растениями — травами, злаками, кустарниками. Но все они должны были обладать сходными свойствами, оказывать эйфорическое воздействие. Уже ранний комментатор «Ригведы» Саяна писал, что если невозможно добыть точно ту сому, о которой говорит Священное писание, то следует взять «путику» — определенный вид вьющегося растения, если нет и ее, то темную траву «арджунани». Ритуальные тексты разрешают в качестве «заменителей» сомы применять зерна ячменя, некоторые сорта пахучих трав и т. д.

Современные зороастрийцы — парсы для изготовления хаумы обычно употребляют эфедру. Еще в работах XIX в. было высказано предположение (ему следуют и многие современные ученые), что именно эфедра и являлась тем растением, которое предки индийских ариев называли сомой.

КОНОПЛЯ, БЕЛЕНА, МУХОМОРЫ

Еще одно любопытное отождествление сомы — конопля. Некоторые ученые полагают, что получаемые из индийской конопли наркотические средства по своему эффекту более всего соответствуют тому действию, которое приписывается соме в «Ригведе». Во многих древнеиндийских сочинениях начиная с «Атхарваведы» упоминается «бханга» — конопля и получаемый из нее возбуждающий напиток. То же слово в современных индийских яна-

Остатки шапаша и медные сосуды для курения конопли. Пазырыкские курганы

ках — «бханг», или «банг», означает сильнодействующий наркотик, применяемый к возбуждающему снадобью или вдыхаемый при курении.

Об этих свойствах конопли в глубокой древности было известно и иранским племенам, в том числе скифам, которые использовали коноплю в культовых обрядах. Интересное свидетельство об этом сохранил Геродот: скифы «ставят три шеста, наклоненные один к другому, натягивают на них шерстяные войлоки и как можно плотнее стягивают их между собой, затем бросают раскаленные докрасна камни в сосуд, стоящий между этими шестами и войлоками. В их земле растет конопля — растение, весьма похожее на лен, но гораздо толще и выше его; она там растет и в диком состоянии, и засеивается... Скифы берут семена конопли, подлезая под войлоки и бросают семена на раскаленные камни; от этих семян поднимается такой дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не превзойдет этой. Скифы наслаждаются ею и громко воют...»

Геродот толковал этот скифский обычай как особый ритуал очищения после похорон. Но его описания отражают, по всей вероятности, обряд шаманского типа (такое мнение на основе большого этнографического и исторического материала было высказано в 1935 г. К. Мэйли). В этом случае «вой» находящегося в войлочной «юрте» — пение служителя культа, «шамана», пребывающего в состоянии экстаза, которого он достиг под воздействием одурманивающего дыма курящихся семян конопли. Сообщение Геродота и принадлежность описанного обычая к скифскому религиозному ритуалу непосредственно подтверждается современными археологическими материалами — находками в скифских курганах Алтая V—IV вв. до н.э. (раскопки С. И. Руденко). В слое вечной мерзлоты сохранились небольшие шалаши, состоящие из связанных поверху шестов (два шалаша были с покрывалами — войлочным и кожаным). В одном из курганов под таким сооружением нашли медные сосуды и в них — побывавшие некогда в огне камни и частично обуглившиеся семена конопли; к шесту одного из «шалашей» была привязана кожаная сумка с семенами конопли. Схожий шаманский обряд, совершаемый в юрте или

«Солнечным растением» без листьев и корней называют сому гимны «Ригведы». Фото из книги Г. Уоссона «Сома — священный мухомор бессмертия»

«Днем блестяшь ты, о сома, ночью становишься серебристой». Мухомор при лунном свете. Фото из книги Г. Уоссона

«Золотистый сок дашь ты, о сома». Фото из книги Г. Уоссона

чуме, описан в этнографической литературе. Тувинский шаман, например, устанавливал на маленький столик сосуд с дымящимся можжевельником, брызгал в него молоком и начинал камлание, сопровождаемое шаманскими песнями.

Геродот сохранил еще одно интересное свидетельство подобного рода — на этот раз о родственных скифам племенах запада Средней Азии: «нашли деревья, приносящие такие плоды, которые они, собравшись группами в одном месте, разжегши костер и усевшись вокруг него, бросают в огонь; вдыхая запах брошенных в огонь и горящих плодов, они пьянеют от этого так же, как эллины от вина, пьянеют все сильнее и сильнее по мере того как бросают все больше плодов, и наконец пускаются в пляску и начинают петь». Можно полагать, что и в данном случае описано радение шаманского типа.

Греческий лексикограф Гезихий сообщал, что «конопля» — это «скифское курение», обладающее такой силой, что приводит в пот всякого, кто совершает этот ритуал. Соседи скифов — фракийцы изготовляли из конопли священный напиток.

Приведенные материалы о культовой роли конопли в религиозных обрядах древних индийцев, древних иранцев и скифов позволяют предполагать, что предки индоиранцев также знали о наркотических свойствах конопли и изготовляли из нее «священный» ритуальный напиток. Показательно, что древнеиндийское название конопли и экстракта из нее — «бханга» — восходит к общеарийскому периоду: то же слово известно в «Авесте» («бангха», «банха» — название растения и получаемого из него продукта). Возможно, однако, что в «Авесте» это не обязательно конопля, но и белена — позже слово «банг» в Иране, в том числе в зороастрийской традиции, означало именно белену и изготовляемые из нее наркотические средства. Имеются различные данные об употреблении в древности и раннем средневековье белены с целью достичь состояния экстаза.

В «Авесте» бангха непосредственно связывается с культом божества экстаза, магии и прорицания; вместе с тем авестийское «бангха» не

только растение и его продукт, но и состояние культового экстаза. Как и в случае с сомой-хаумой трудно определить, что же «скрывалось» под названием «бханга». В исторический период так называли различные растения, обладающие наркотическими свойствами.

Имеется интереснейшее свидетельство о знакомстве с «бангом» и предков финно-угорских народов — факт, указывающий на связи религиозных представлений индоиранцев с племенами северной зоны. В угорских языках — хантском и манси слово «пангх», «панх», связанное по происхождению с «бангха», означает «мухомор», настой из мухоморов и «хмель» (опьянение). В мордовском и марийском языках «панга» значит просто «гриб». Путешественники и этнографы XIX в. обратили внимание на особую роль мухоморов в культуре шаманов у угров Зауралья. Перед камланием шаманы ели мухоморы или пили настой из них, приводя себя тем самым в состояние сильнейшего возбуждения. Считалось, что шаманы опьянялись мухоморами, чтобы общаться с богами, понимать язык духов, узнавать от них о сокровенном. Сходные данные можно почерпнуть и из фольклора хантов и манси. В их преданиях шаман назывался «мухомороедющим человеком»: «Где бы шамана найти, мухомороедющего человека найти?» В одном из эпических сказаний манси, записанном известным советским этнографом и археологом В. Н. Чернецовым, повествуется о том, как искали шамана: «Бог пошел, шамана привел. Большой котел с мухоморами на огонь повесили. Шаман ворожить стал, мухоморы ест, в бубен бьет, ворожит».

Недавно американский ученый Г. Уоссон высказал мнение о том, что сома «Ригведы» не что иное, как мухомор. Г. Уоссон исходил прежде всего из описаний сомы в гимнах «Ригведы», но учитывал и данные о наркотических свойствах мухомора и его применении в культовой практике. Эта точка зрения пока не нашла широкого признания в индологической литературе, но многие ведийские гимны действительно нередко наделяют сому эпитетами, сходными с «обликом» мухомора: сома обычно описывается как растение без листьев, цветов, плодов и корней, но имеющее стебель и «шанку» (дословно «голову») подобно одному глазу. Сомы рисуются красной и солнцеподобной, блистающей днем в лучах солнца и становящейся ночью серебристой и луноподобной; выжатые соки сомы называются золотистыми.

В религиозной практике не только угорских, но и других народов Севера сохранялись представления о связи шаманского культа с мухомором и другими наркотическими средствами. Чтобы привести себя в экстаз, шаманы применяли различные стимуляторы.

Приведенные материалы о культуре сомы в традициях Индии, Ирана и Скифии существенно дополняют общую картину «шаманских черт» в древних религиозных системах племен и народов этих стран. Указанные черты шаманизма можно, конечно, рассматривать как отражение архаичной формы религиозного сознания, зафиксированной у многих народов мира на определенной стадии их развития. В религии ариев периода индоиранского единства и в ближайшую за ним эпоху имелись, по видимому, элементы шаманизма. Они могли затем дополняться в резуль-

тате контактов индоариев и иранцев с неарийскими племенами Индии и Ирана, в религии которых также могли существовать черты шаманизма. Однако изучение религиозных и мифологических представлений древних индийцев, иранцев и скифов в сравнении с религиозными воззрениями, засвидетельствованными этнографами XVIII — начала XX в. у ряда народов Сибири и Севера Европы, позволяет говорить о другом — о сохранении в религиозной традиции индоиранских народов не только отдельных шаманских верований, а и совокупности целого ряда существенных особенностей именно северного шаманизма. Конечно, религии авестийских и ведийских племен ни в коей мере не сводились к шаманизму и представляли собой более развитые религиозные системы, но весьма показательны, что даже в более поздние эпохи в мифологических представлениях и религиозной практике индоариев и иранцев продолжали бытовать элементы северного шаманизма.

ПОХИЩЕНИЕ СОМЫ

Много преданий сохранилось о соме в индийской и о хауме в иранской традициях, но, пожалуй, центральное место в этих легендах занимал миф о похищении священного растения. Раньше, рассказывает традиция Индии, не было у людей сомы. Ее создали боги, и находилась она на высочайшей вершине, там, где само небо. Но с недоступной высоты унесла это растение стремительная птица, устремившись подобно несущимся ветрам. Ведийские жрецы воспевают птицу, принесшую живительный напиток, источник их священного и поэтического вдохновения. Похищению сомы в «Ригведе» посвящен специальный гимн: «Распластавшись в полете, с шумом ринулась с небес Птица, взяв сому, и понесла над высокой вершиной к сторонникам Индры»; тут «отпустил тетиву стрелок Кришану, быстрый мыслью...», хотел помешать птице похитить сому, но лишь «отлетело маховое крыло у этой Птицы, промчавшейся своим путем».

В более подробной форме та же легенда сохранена в поздневедийских сочинениях — Брахманах: высоко, в далеком мире находилась сома, и пожелали боги и мудрецы получить это священное растение, чтобы насладиться напитком бессмертия; послали они птиц. Схватив сому клювом и когтями, похитили ее прекраснокрылые. В легенде упоминается и охранявший сому стрелок Кришан, пустивший стрелу в священную птицу. Позднее, в эпосе, сюжет похищения сомы дополнился новыми деталями и более подробными описаниями. Образ священной птицы стал еще красочнее.

Небесной называют сому гимны «Ригведы», принесенной с небес, но вместе с тем рожденной на горе и похищенной с горной вершины. «Как Агни был принесен с неба, так сому похитила Птица с горы» (из гимна в честь Агни и Сомы). Великой, «доходящей до небес» рисовалась эта гора. Эпос помешал сому и бога Сому на Меру: в том северном краю, где на полудне встает солнце, находится сома-амрита, «которую пьют боги».

... На священных горах Хара Берзайти бог-создатель посадил «украшенную звездами» хауму, на высочайшей вершине Хары определил он

Гаруда. Гималайское искусство.
XVI—XVII вв. н. э.

место для бога Хаумы, рассказывает «Авеста». Отсюда была унесена хаума в земной мир: «Тебя, Хауму, творцом созданного героя, поставил бог на горы Харайти. Но затем унесли тебя оттуда святые птицы по всем направлениям... (далее в тексте упоминаются реальные географические области, знакомые авторам гимнов), и там с тех пор растешь ты, многообразный, сочный, золотистый Хаума».

Нет сомнений, что оба мифа — «Авесты» и «Ригведы» — передают единую древнейшую традицию, восходящую к общеарийскому периоду: священное ритуальное растение было некогда помещено на великих мифических горах, а оттуда унесено Птицей (птицами) в земной мир. (В обеих легендах совпадают и ряд конкретных деталей: в «Авесте» упоминается, например, враг Хаумы — Крисани, соответствующий ведийскому стрелку Кришану.)

Этот вывод позволяет вновь вернуться к тому отрывку «Ригведы», который был разобран в разделе «Рипейские горы в «Ригведе»»: вершины Рипы — место обитания Птицы, путь солнца, обитель «веселья» богов, «пуп» — центр земли. Сходные мотивы связываются с сомой в посвященных ей гимнах: «На пупе земли находится сома — столб неба»; «сома там, где помещено солнце... в нерушимом мире бессмертия»; «где высшее

место солнца... где пребывают радость и веселье». В этих текстах, как и в отрывке о Рипе, «веселье» не просто удовольствие и радость, а состояние экстатического возбуждения (такое буквальное значение употребленных в текстах терминов). «Птица» на вершине «Рипы», видимо, та же «птица» Шьена других гимнов «Ригведы».

Сопоставление разобранных текстов показывает, что они отразили единый круг представлений. Впоследствии в период оформления эпоса миф о великих горах и похищении сомы претерпел значительные модификации. В эпосе, однако, сохранилась древняя основа, хотя горы уже называются Меру, а птица — Гарудой.

Комментаторы и современные исследователи «Ригведы» пишут о Шьене как об орле или соколе. Но авторы ведийских гимнов, видимо, не имели в виду реальную птицу. Равным образом в «Авесте» птица Саена (соответствие индийскому «Шьена») выступает как некая мифическая птица или могучее птицеподобное существо. Много легенд рассказывали в древней Индии о птице Гаруде. Одна из основных — о похищении сомы-амриты — напитка бессмертия. Эпос рисует красочный облик Гаруды — «царя пернатых»: тело из золота, крылья ослепительно красного цвета, голова человека, но с клювом; Гаруда умел говорить по-человечьи, обладал силой магического слова и мог по желанию изменять свой облик.

Гаруда был наделен такой великой мощью, что сотрясал горы, мог поднять в воздух огромного слона, подобно облаку накрыть громадной тенью землю. Когда садился Гаруда на священные деревья, сгибались и даже ломались их гигантские ветви и стволы, где гнездились тысячи обычных птиц. Грозен он был для всех, кто вставал на его пути. Вот как описывает эпос борьбу Гаруды за сому-амриту: зная, что «птица неизмеримой силы» намеревается похитить сому, боги и божественные хранители амриты стояли, окружив амриту, и вместе с ними громовержец Индра. Решительные, они облачились в дорогие панцири, сделанные из золота. И вот началась битва. Громко закричала птица «криком, напоминающим гром громадного облака, устрашая все существа. И взлетел тогда в воздух царь пернатых, убивающий врагов-героев... Израненные когтями и клювом, они пролили много крови. Теснимые и терзаемые Гарудой, боги отступили... Лучший из пернатых направился к амрите».

В эпосе и буддийской литературе Гаруда нередко называется «пожирателем змей», он постоянный соперник нагов (змиев) и их могущественных предводителей. На великих горах и священных деревьях обычно жил Гаруда. Взмывая в небо, он нередко нес на себе богов или иных «небесных путешественников», он мог доставить святых мудрецов в далекие недоступные края, даже к горе Меру.

Как и в предании о похищении сомы, в образе Гаруды-Шьены отражены древние мифологические представления индоиранских племен. Иранская «птица Саена» наделена в авестийской традиции многими из тех черт, что и священная птица индийской мифологии. Как и Шьена-Гаруда, она связана в иранских легендах с чудесным растением бессмертия.

Над высокими горами парит огромная «птица Саена» и закрывает их подобно облаку, говорится в «Авесте». Часто прилетает Саена к «всесие-

Симург несет Залю с горы Альбурз.
Миниатюра к «Шах-наме»

ляющему» дереву и каждый раз, когда садится на него, 1000 веток ломаются и падают со священного дерева. Велика и могуча она, больше всех птиц, и первой из пернатых была сотворена (и в «Ригведе» Гарутмат-Гаруда называется «рожденным первым»). Зороастрийские тексты причисляют Саену к птицам, но описывают ее как имеющую зубы хищника и некоторые другие черты зверя. Вообще же Саена не единой природы, а «о трех естествах», «трех образов». Эта легендарная птица под именем Симург появляется и в «Шах-наме» Фирдоуси. «Симург — новоперсидская форма древнеиранского «Сайна-птица» — буквально «Сайна-птица».

Многие мифологические мотивы древних преданий в «Шах-наме» уже подверглись обработке, приобрели более реальную, «земную» окраску, но и даже в этой поэме при описании Симурга нетрудно обнаружить характерные черты священной птицы древнеиранской мифологии. Симург обитает на горе Альбурз (от более раннего персидского «Хар-бурз», Хара Березайти «Авесты»). «Была одна гора, и имя ее было Альбурз, близко к солнцу и далеко от людей, и там — жилище Симурга...» Эта гора поднялась от земли до звезд, недоступны ее вершины, безлюдны и пусты подходы к ней, никто не в силах пробраться туда, ни человек, ни зверь. Но над этой непроходимой местностью Симург может пронести того, кто снискал его расположение. Так вознес он на Альбурз младенца Залю, взрастил его, а затем богатыря со «слоноподобным телом» принес на себе обратно на землю.

Симург. Изображение на сасанидском серебряном кувшине

Но и другой образ Симурга рисует «Шах-намэ» — грозного, несущего гибель, преграждающего запретный путь. «В пути нападение Симурга грозит — и снежная буря, что кедры крушит»:

Увидишь ты гору главою до туч,
Там птицу, чей облик суров и могуч,
Симургом зовут ее: позного сил,
Его ты с крылатой горой бы сравнил,
В когтях унести в поднебесье слона
И чудине моря с глубокого дна
Поднять нипочем ему.

Подобно Гаруде с целым войском готов был сразиться Симург: «Как туча спустился и взмахами крыл сиянье небесных светил погасил».

Образ благодетельного Симурга в «Шах-намэ» связан с Залем. Заль считался колдуном, «седым волшебником». Тайны чародейства он постиг от Симурга. Вещей слыла священная птица, ей было «открыто» будущее. Симург умел говорить по-человечьи, научил Заль языку людей. «Царем птиц» называется Симург в «Шах-намэ», но как конкретно мыслился тогда образ чудесной птицы, остается неясным. Во всяком случае, Симург в описании Фирдоуси не реальная птица. Раннесредневековые зороастрийские сочинения, обычно передающие традицию сасанидской эпохи (III—VII вв. н. э.), называют Симурга «собакой-птицей». И действительно, на памятниках сасанидского искусства (серебряных блюдах, кувшинах, каменных рельефах, тканях) Симург рисуется крылатым существом с чертами фантастической птицы и хищника собачьей породы.

Иконографический образ Симурга в сасанидском искусстве был детально изучен членом-корреспондентом АН СССР К. В. Тревер. Согласно ее выводам, наиболее близкий к «сасанидскому» образ этой птицы-зверя запечатлен уже на некоторых изделиях из скифских курганов Причерноморья VI—V вв. до н. э. На золотой пластинке из кургана V в. в изображении этого крылатого существа, пишет К. В. Тревер, «собака четко показана полной протомой животного с яростно оскаленными зубами». На золотой чеканной обкладке ножен из кургана VI в. до н. э. летящий полуживер-полуптица держит в хищном клюве голову большой змеи, которая как бы обвилась вокруг его тела. Эти памятники скифского искусства позволяют предполагать, что в Скифии бытовали легенды о фантастической птице, подобные тем, которые рассказывали в древней Индии и Иране о Шьене-Гаруде и Саене-Симурге.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СЕВЕРНЫХ ЛЕГЕНД

МСходные предания были известны и финно-угорским народам Северо-Восточной Европы и Зауралья, далекие предки которых являлись соседями скифов (а ранее, как отмечалось, и арийских племен уже в индоиранский период).

«Крылатым» или «Небесным Карсом» называется фантастическая птица в легендах хантов и манси. Вот как описывает ее С. Патканов, изучавший в конце XIX в. фольклор зауральских хантов: гигантской величины (птица) с человекоподобной головой и большим клювом, позади рук, снабженных длинными и острыми когтями, вырастают два мощных

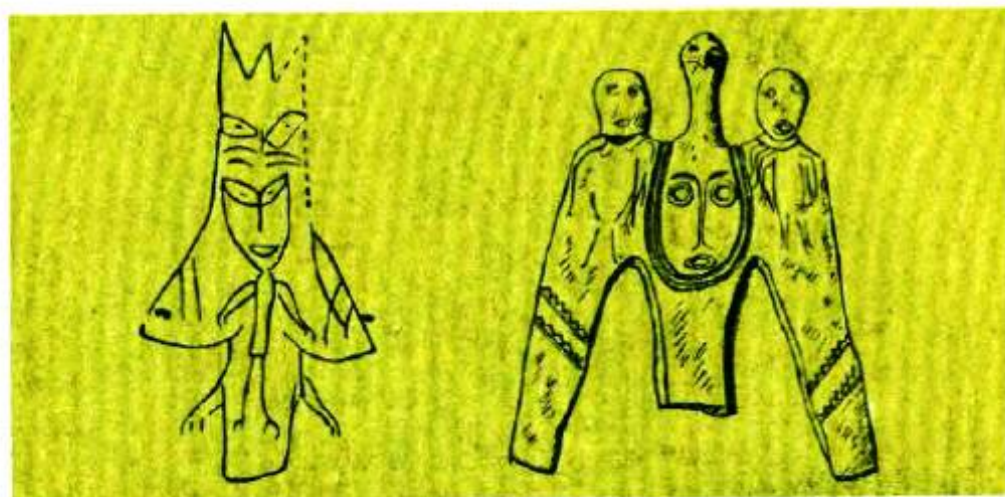

Фантастический зверь-птица. Золотая обкладка ножен из скифского кургана Причерноморья. VI в. до н. э.

крыла; «Крылатый Карс» умеет говорить по-человечьи; обладая огромной силой, он может унести на спине человека. В сказаниях манси Карс выступает иногда как чудовище, которое разрушает дома и селения или, напротив, оказывает помощь герою, может перевезти его на себе в далекие страны, даже к Северному океану: «... между лопатками ко мне садись... — Взлетел. Несет. К Ледовитому морю прилетели. Опустились» (из преданий манси, записанных В. Н. Чернецовым).

Образ фантастической птицы мифологии уральских народов вполне соответствует иранскому Симургу и индийскому Гаруде. Нельзя, конечно, утверждать, что именно такой образ уже существовал в мифологии индоиранских племен и их соседей в общесарийскую эпоху. Представление об особом облике этой легендарной птицы, какой она описана в традициях Индии, Ирана и Зауралья, могло сложиться и в результате независимого развития, появиться в связи с более поздними контактами, быть элементами широко распространенных «бродячих сюжетов». Ведь сходные черты фантастической птицы можно найти в легендах различных народов, например в арабских (птица Рух) и русских (Жар-птица) сказках. И тем не менее можно предполагать, что образы Гаруды, Симурга и чудесной гигантской птицы уральской мифологии в своей основе восходят к единому и очень древнему источнику.

Археологические и этнографические материалы показывают, что «огромная чудо-птица» входила в круг мифологических образов, бытовавших у далеких предков финно-угорских народов Северо-Восточной Европы и Урала. Уже в XIX в. ученые обратили внимание на большое число встречающихся в этих областях металлических изображений реальных и особенно фантастических животных, птиц и птицеподобных существ — популярных образов мифов и легенд пермских и угорских наро-

дов. Один из частых сюжетов — «птица», имеющая на груди изображение человеческого лица; нередко на теле птицы фигура стоящего в рост человека. Сходные предметы были обнаружены в Прикамье и Зауралье при раскопках памятников археологических культур. Это дало ученым материал для датировки таких находок (работы А. В. Зброуевой, А. П. Смирнова, В. Н. Чернецова). Металлические фигуры, в том числе изображающие птиц с человеческими лицами на груди и человека в рост на теле птицы, засвидетельствованы на этих территориях для археологических культур начиная со второй половины I тысячелетия до н. э.

Наряду с фигурами мифических крылатых чудищ у древних племен Прикамья и Зауралья были широко распространены ритуальные изображения реальных птиц — ястреба, ворона, сокола и др.

В легендах эвенков рассказывается о птице, способной нести на себе человека в далекую обитель — страну «вечного дня». В одном из преданий, записанных С. Паткановым у хантов, «Крылатый Карс» переносит героя из нижнего мира в верхний. Сходные представления, как уже отмечалось, существовали в индийской и иранской традициях. Однако в религиозных верованиях северного шаманизма по сравнению с религиями индоиранцев подобные черты гораздо органичнее вписывались в систему общих мифологических воззрений и религиозных обрядов. Обширнее и сам «репертуар» животных — реальных и сверхъестественных, непосредственно связанных с шаманскими верованиями: звери смешанной породы, птицеподобные существа, птицы.

Среди культовых изображений из Прикамья часто встречаются фигуры фантастических существ с чертами птицы и хищного зверя — обычно это птица с головой волка или собаки. Образы звереподобных птиц и фантастических крылатых хищников — «грифов» в Приуралье археологически засвидетельствованы по материалам ананьинской культуры (VII—III вв. до н. э.). Население Прикамья в ту эпоху поддерживало оживленные контакты с племенами скифского мира, о чем свидетельствуют многочисленные находки собственно скифских изделий, а также предметов ближ-

«Крылатый Карс». Культовые предметы. Усть-Полуисская культура Урала и Зауралья IV в. до н. э. — II в. н. э.

Древние культовые предметы из Прикамья

невосточного и греческого происхождения. Для искусства ананьинских племен характерны и черты «звериного стиля». Здесь, безусловно, сказалось влияние скифского искусства. Но имело место, видимо, и обратное воздействие. Так, «собачья» или «волчья» сущность грифов могла быть связана с мифологическими представлениями, бытовавшими у племен Приуралья еще в очень далекую эпоху, вероятно еще до сложения собственно скифского искусства и его «звериного стиля».

По-видимому, религиозные и мифологические представления северных племен повлияли и на сложение образов тех персонажей скифского эпоса, которых греки сопоставляли с форкидами и горгонами, сделав их «обитательницами» далеких северных районов за Скифией. При раскопках в Приуралье памятников конца I тысячелетия до н. э. археологи обнаружили металлические пластины с изображением крылатых существ (иногда трехголовых) с «медузообразными» женскими лицами на груди. В образе этих фантастических существ, видимо, слились воедино местные представления и иконографические черты, воспринятые через скифов из греческой традиции.

Еще один мифологический сюжет скифского эпоса, связанный с легендами народов Севера, — могучий северный ветер. У угорских народов Зауралья было распространено поверье о существовании двух персонафицированных ветров — южного и северного; последний, соответствующий «скифскому Борею», назывался Луи-Вот-Ойка — «старик Северный ветер». Слово «вот», или «ват», — «ветер»,

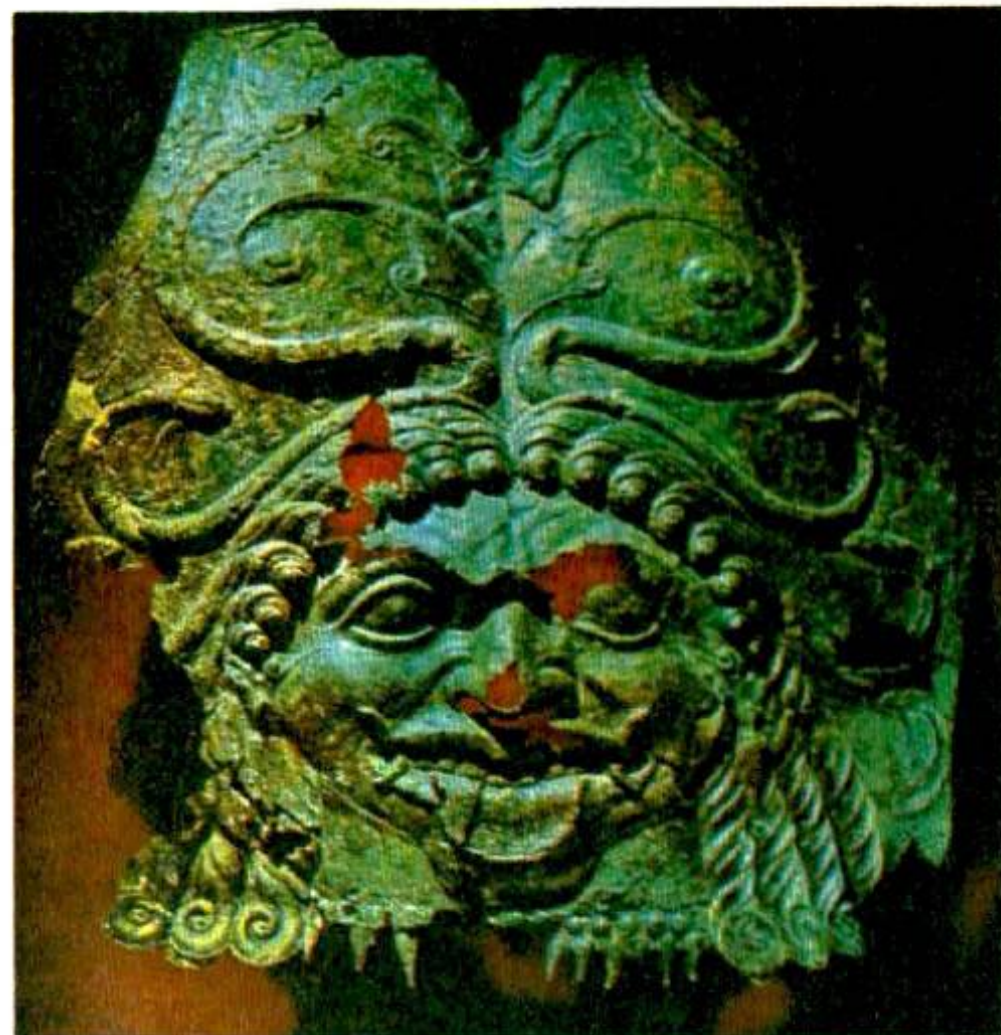
входящее в это имя, арийского происхождения: в древних индийских и иранских религиозных сочинениях упоминается и божество ветра — Вата. В иранской же традиции сохранилось представление о существовании разных персонафицированных ветров («вата») и противопоставление Северного Ветра Южному.

Приведенные примеры показывают, насколько глубокими и тесными были взаимосвязи древних индоиранских и финно-угорских племен, что получило отражение в их мифологических и религиозных воззрениях. Длительный процесс арийско-финно-угорских культурных контактов повлиял и на сложение северного цикла мифологии индоиранцев. Так, один из основных мотивов этого цикла — недоступные северные горы, достигающие небес, — находит параллели в древних представлениях угорских народов Урала. Интересно, в частности, сообщение русской летописи под 1096 г.: люди из Новгорода отправились на Печору, а оттуда достигли страны Югра (это имя связано с этнонимом «угры»). Там им поведали о высочайших горах до небес, о непроходимом пути к тем горам — «суть горы заидуче в луку моря, имже высота аки до небесе... есть же путь до гор тех непроходим пронастьми, снегом и лесом».

В начале XVIII в. у хантов Зауралья побывал Григорий Новицкий, автор «Краткого описания о народе остячком». Его труд является одной из первых в мировой литературе этнографических работ. Новицкий, в частности, сообщает, что, по рассказам хантов, существует гора — «камень превысочайший, яко стена, и толикия высоты, яко... досязати до облак небесных». В таких преданиях соединены чисто мифологические мотивы с реальными представлениями об Уральских горах. На Руси Уральский хребт именовался по-разному (само название «Урал» стало употребляться в России лишь во второй половине XVIII в.) — «Камень», «Большой Камень», «Стоп», «Земной пояс». Еще в изданном Российской Академией Наук в 1807 г. географическом атласе Уральские горы также именуется «Земным Каменным поясом». Упомянутые названия связаны, по-видимому, с древними космологическими воззрениями угорских племен: Уральский хребт — пояс верховного бога, сброшенный им с неба при сотворении мира; с тех пор «пояс» простирается по всей земле, составляя ее опору, а великие горы (Урал) — «середина земли».

Это снова возвращает нас к древним преданиям индоиранских народов: великие священные горы возникли при сотворении земли, охватывают ее своими корнями и как бы составляют ее «центр». Индийцы, иранцы, скифы называли эти горы золотыми и рассказывали, что там текут золотые потоки, а на вершинах находятся золотые озера. Уральские горы также называли золотыми; в песне о священном Урале, записанной у манси в начале XX в. финским ученым А. Каннисто, говорится об озере с золотыми берегами на горной вершине.

Подобные предания были, по-видимому, связаны лишь с Северным Уралом, по обе стороны которого жили угорские племена: «Земным поясом» называли именно Северный Урал (название «Урал» сначала применялось лишь для Южного Урала). Если в угорских преданиях о высочайших горах наряду с конкретной географической основой встреча-

Меднокаменная. Деталь бронзового панциря из скифского кургана, Прикубанье V—VII вв. до н. э.

ется много мифологических мотивов, то в фольклорной традиции соседей угорских племен легендарные черты выступают особенно отчетливо.

Наконец, в преданиях, которые были записаны этнографами у угорских народов Зауралья, можно, очевидно, найти и соответствие «блаженным» индийских, иранских и скифских сказаний. Очень интересные сведения сохраниены в «Кратком описании...» Г. Новицкого. Со слов хантов, он сообщает, что «на крайнем севере близ океана и льдов — особый ветер, дующий с севера; кого он «находит, всего жестокостью своею объемлет, поражает и убивает» (это «старик Северный ветер» преданий хантов и манси, очевидно соответствующий Северному ветру скифской

традиции — заскифскому Борю греческих авторов; за обиталищем Северного ветра «располагалась» страна «блаженных» скифского эпоса — «гипербореев»).

...А далее к северу, продолжает Новицкий, находится, по рассказам, страна, жители которой славятся красотой и разумом. Существует поверье, что можно увидеть ту «созданную человеческую красоту», но нельзя услышать тех людей, ни вести разговоры с ними. Сам Новицкий считал подобные рассказы совершенно недостоверными и писал, что в северных краях за океаном никакие люди, естественно, жить не могут. Более чем за 2000 лет до Новицкого в существовании «страны блаженных» у далекого Северного моря сомневался и Геродот.

Оба ученых — и античный историк, и этнограф эпохи Петра I — были, конечно, правы в своих оценках реальности представлений о стране «блаженных» на Северном океане. Легендарность таких сюжетов не вызывает сомнений, но наука располагает сейчас данными, позволяющими выявить происхождение подобных мифологических представлений. Благодаря исследованиям ученых, прежде всего этнографов и фольклористов отечественной школы, собран ценнейший материал — записаны легенды и народные сказания, изучены верования и космологические представления, существовавшие у различных народов Севера в XIX — начале XX в. У многих народов севера Европы и Сибири бытовали предания о том, что на далеком севере якобы находятся недоступные для земных людей страны, место богов и духов, загробная обитель душ умерших. В легендах хантов и манси эта область помещалась в низовьях Оби или на острове в Ледовитом океане. Считалось, что на острове жизнь сходна с земной: там охотятся на зверей, живут в селениях и только солнце и луна бывают лишь в половину (по материалам В. Н. Чернецова).

У манси существовало поверье, что души умерших на спине птицы отправляются на север к холодному морю. Среди ранних эвенкийских представлений о мире интересен сюжет о «верхней земле». В этой небесной обители мягкий климат и счастливая жизнь, прекрасные пастбища, сочные травы, удобные для передвижения реки, богатые рыбой, круглый год светит солнце и всегда тепло. Входом в «верхнюю землю» служит Полярная звезда; попасть к ее обитателям могут лишь шаманы, но и то при «особых» камланиях; а если земным людям все же удастся каким-то необычным путем туда проникнуть, то они остаются невидимыми для жителей «обители», и шаманы предлагают «пришельцам» вернуться обратно на землю (по материалам Г. М. Василевич). В древних преданиях эвенков и некоторых других народов Северной Европы и Сибири представления о «верхней» и «нижней» земле во многих деталях сходны.

Описанные легенды и сказания отразили мифологические представления, связанные с очень древними религиозными верованиями, возникшими еще в то время, когда не было четкого противопоставления «верхнего мира» и «нижнего». И лишь позднее, как отмечает академик А. П. Окладников, шаманская религиозная казуистика примирила оба цикла представлений о загробном мире. Но все эти «миры» духов, блаженных и

усопших в древних преданиях и поверьях сибирских народов обычно связываются с далеким севером или непосредственно с Ледовитым океаном.

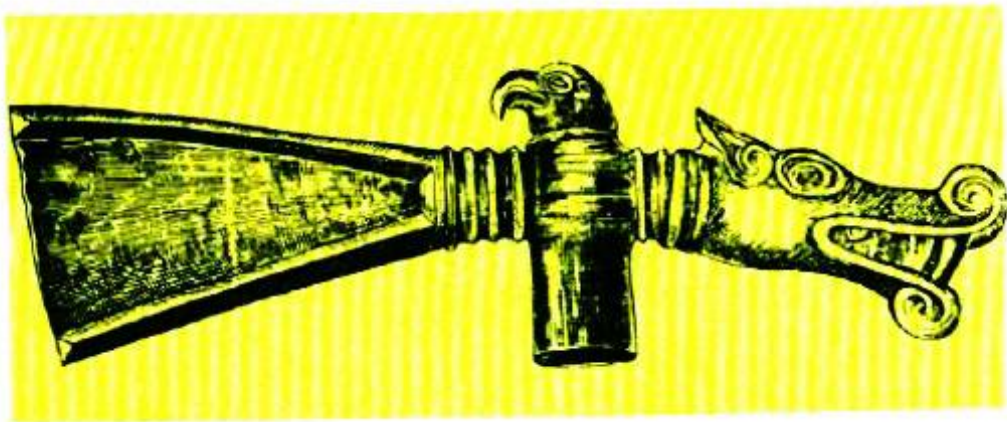
Сходные представления были отмечены этнографами и фольклористами в легендах западнофинских народов и лапландцев (саами) Северной Скандинавии. В преданиях рассказывалось о «нижнем мире» («Туонела» финских легенд), где жизнь похожа на земную и постоянно светит солнце, где земля богата щедрыми полями и обильными лугами. Но надежно сторожит входы и выходы из этой «страны» хозяин «царства мертвых» мрачный Туони («Луодиа» лапландцев).

У тех же народов имелись поверья о «священных горах», где обитают добрые духи и ведут счастливую жизнь души умерших; там царят радость и веселье, согласие и справедливость. «Попасть» в эту счастливую горную обитель помогает шаман. Лапландцы верили, что когда во время камлания шаман лежит без движения, его душа посещает «священные горы» (по материалам, собранным в XVIII — начале XX в. скандинавскими учеными К. Виклундом, Я. Квигстадом, К. Леемом, Э. Рёйтерскёльдом и др.).

Согласно ранним верованиям западнофинских народов, душу на пути в «страну мертвых» ожидали страшные испытания, она могла встретиться со змеями, чудовищами, злыми духами, ей предстояло преодолеть мрачные стремнины, прежде чем приблизиться к «мосту», ведущему к желанной цели. В древних магических песнях финнов рассказывалось, как вход в «нижний мир» охраняла его хозяйка. За «мостом», согласно древним верованиям карелов, открывалась обитель блаженства — с сочными травами, широкими полями, деревьями со сладкими, как мед, плодами. Туда «собирались» волшебники, чародеи, шаманы. «Страну усопших» финские предания называли «Северным домом» и помещали «внизу и на севере». В фольклорной традиции народов Северной Скандинавии встречается и более точное указание: эта «страна» будто бы находилась в Северном Ледовитом океане или в «море» — Сарайас.

«Сарайас» входит в число тех слов финского языка, которые находят соответствие в индоиранских языках. Так же называется «море» и еще в нескольких финно-угорских языках: хантском «сарас», манси «сарие», удмуртском «зарез»; это по происхождению то же слово, что древнеиндийское «джрайас», — «обширное пространство», «широкий простор» и иранское «зрайа» — «море». Данное соответствие надежно установлено лингвистами. Нельзя, однако, не задуматься над тем, что на территориях, где могли осуществляться контакты между финно-угорскими и индоиранскими племенами, нет морей и каких-либо значительных водных просторов. В иранской традиции данным словом («зрайа») определялось мифическое водное пространство Воурукаша, расположенное у великих северных гор (Хара Берелайти). Примечательно, что и финское «сарайас» также обозначает именно мифическое море на далеком севере.

Отмеченные совпадения, таким образом, вновь возирают нас к «северному циклу» арийской мифологии и еще раз подтверждают его связь с космологией и религией финно-угорских племен. Согласно «Аве-

Бронзовая секира. Прикамье
V—III вв. до н.э.

сте», душа умершего совершает «путешествие» к мосту Чинват. Здесь ее ожидает некая божественная «дама», которая переводит одни души через мост в райскую обитель блаженства, а другие низвергает в лежащую под переправой мрачную бездну. «Прекрасная» и «донкая», как называет ее «Авеста», хозяйка моста, очевидно близкая родственница той «хозяйки нижнего мира» северной мифологии, которая «встречает» на переправе души умерших.

Подобная «переправа» над подземной рекой загробного мира описана и в индийском эпосе. К ней «все приходят, но отягченный беспрепятственно не достигает счастья... зло совершившие люди здесь горят, здесь у переправы». А кто достоин «достигает конца страдания: здесь солнце... дойдя до страны Васиштхи (т.е. Большой Медведицы), опять выпускает зиму... Здесь в чертогах риши-певцов, в райских кущах горы Мандары, гандхарвы поют песнопения, восхищающие сердце и разум... Через нее пролегает твой путь, Галава» (из «рассказа» птицы Гаруды, «Махабхарата»).

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ» И ЗОРОАСТРИЙСКИЕ ЖРЕЦЫ В «ПОТУСТОРОННЕМ МИРЕ»

«Душа Арда-Вираза, отделившись от тела, отправилась к горам Чакат-и-Дайтик и мосту Чинват. И возвратилась на седьмой день и вошла обратно в тело. Арда-Вираз встал, будто просыпаясь от приятного сна... Приветствовал его, пришедшего из обиталища умерших в это обиталище живых... и приказал Арда-Вираз: «Приведите пещи мудрого и ученого». И тогда писец записал «все, что говорил Арда-Вираз, записал исправно, ясно и подробно».

Так завершается пролог зороастрийского сочинения «Арда-Вираз-намак». Далее в тексте повествуется о «путешествии» благочестивого Арда-Вираза по раю и аду, о том, что он там увидел, о воздаянии праведников и наказаниях грешников за содеянное на земле. Когда в

1816 г. впервые на европейском языке появился перевод отрывков из «Книги Арда-Вираза», ученые с удивлением обнаружили, что по своему сюжету сочинение напоминает «Божественную комедию» Данте. Уже тогда были высказаны мнения о возможном знакомстве Данте с одним из вариантов этого иранского сочинения. Впоследствии такая точка зрения не получила убедительного обоснования, дискуссия же об истоках «Божественной комедии» продолжается и в настоящее время.

Вполне возможно, что в Европе ко времени Данте были известны восточные сочинения, близкие по содержанию к зороастрийской книге об Арда-Виразе. (Известно, что европейская средневековая литература заимствовала многие образы и сюжеты арабской литературы, а через нее также иранской и индийской.) Конечно, «Божественная комедия» великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265—1321) по своему характеру, идейному содержанию вполне оригинальна. Данте наполнил поэму образами своего времени: она отражает мировоззрение его эпохи и вместе с тем проникнута новыми идеями и идеалами, которые возвысили провозвестника Возрождения над религиозной схоластикой средневековья. Поэтому при сравнении «Божественной комедии» с ее предполагаемыми восточными прототипами речь может идти лишь о сходстве внешнего сюжета и некоторых деталей в описании ада и рая.

Тема «посещения» героем потустороннего мира в восточной литературе разрабатывалась задолго до эпохи Данте. Видный советский ученый-иранист Е. Э. Бертельс, а затем английский арабист Р. Никольсон обратили внимание на значительное сходство «Божественной комедии» Данте с одной из поэм персидского поэта Саади (конец XI—начало XII в.). Статья Никольсона так и называлась — «Персидский предшественник Данте». В Иране, однако, рассказы о «путешествии» в ад и рай существовали гораздо раньше эпохи Саади и были связаны с зороастрийской религиозной традицией.

«Арда-Вираз-намак» повествует о событиях, якобы происшедших при Сасаниде Шалуре II (310—379). Зороастризм переживал тогда трудное время: распространились ереси и безверие. Зороастрийские жрецы выбрали из своей среды самого благочестивого — Арда-Вираза и «отправили» в потусторонний мир, чтобы, вернувшись, он подтвердил, что существует ад и рай, а посмертное воздаяние зависит от неуклонного исполнения предписаний зороастрийской веры.

«Книга Арда-Вираза» составлена не ранее VI—VII вв. Поэтому ученые полагали, что сочинение носит чисто апокрифический характер и не связано с реальными событиями раннесасанидской эпохи. Но новые открытия заставляют пересмотреть подобное мнение. Недавно французскому ученому Ф. Жинью удалось раскрыть смысл одной из индийских Картир — религиозного и политического деятеля III в. н.э., эпохи создания державы Сасанидов, могущественной соперницы Рима и Византии. Глава жрецов, «хранитель души» царя царей Картир сыграл ведущую роль в создании зороастрийской государственной церкви. О многих своих «заслугах» повествует в надписях Картир, о том, что он раскрыл людям смысл учения о «небесах и бездне ада». Каким же образом познал

Бог Ахурамазда дарует власть основателю сасанидской державы Арташису I. Наскальный рельеф. III в. н. э.

Картир «сущность ада и рая», становится понятным из его надписи в Сар-Мешхеде (близ города Казерун в Иране), детально разобранный Ф. Жинью: Картир рассказывает о «посещении» потустороннего мира, где ему удалось лицезреть зороастрийских богов и блаженную жизнь праведников, увидеть рай и преисподнюю.

Итак, Картир — реальное историческое лицо, политический деятель великой державы — в официальной надписи приписывает себе те «деяния», за которые много позднее зороастрийская традиция воздвигала хвалу Арда-Виразу, якобы жившему в IV в. (т.е. столетием позже Картира). Цель же обоих рассказов была одинаковой — укрепить пошатнувшуюся веру; упрочить положение зороастрийской религии и церкви. В своих надписях Картир также упоминает о распространении вредных ересей, веры в ложных богов, говорит, что благодаря его деятельности «многие люди, которые были неверными ... избрали истинную веру» — зороастризм. Добиться этого Картира, очевидно, было непростое: ему пришлось обратиться и к продуманной инсценировке своего «путешествия» в потусторонний мир. Картир использовал архаичные и весьма

примитивные религиозные представления для своих политических целей. Текст Сармешхедской надписи сохранился лишь частично, и многие детали «потустороннего путешествия» Картира остаются неясными. Но и в уцелевших фрагментах упоминается о том, что же он видел в раю и каким был туда его путь. Рассказ построен в духе традиционных зороастрийских представлений о загробном мире: к раю Картира ведет «благороднейшая женщина», она сопровождает его при переходе через мост, в раю он видит великих праведников, золотой трон бога, весы...

По этой же дороге «следовал» в рай и Арда-Вираз. «Мост Чинват расширился на девять копий, и я перешел через него легко, удобно, отважно и победоносно. Меня, Арда-Вираз, приветствовали могущественный бог Митра ... и другие существа того мира. И я, Арда-Вираз, увидел справедливого бога Рашну, который держал в руках весы из чистого золота и взвешивал деяния праведников и грешников. Затем праведный Сраоша и бог огня взяли меня за руку и сказали: «Иди, мы покажем тебе рай и ад, сиянье, блеск, спокойствие и процветание, радость, счастье и благоуханье рая — воздаяния праведникам. И мы покажем тебе мрак, тесноту и скверну, мучения, злобу и боль, ужас и смрад в аду, все виды воздаяний, которые получают колдуны и грешники»¹.

В «Книге Арда-Вираз» описывается и само «отправление» в иной

Царь Шапур II на охоте. Сасанидское серебряное блюдо. IV в. н. э.

Сасанидский пельможа. Печать III в. н. э.

¹ Перевод доктора филологических наук В. А. Лившица. Авторы выражают ему также признательность за ценные консультации по астрономии и ориентологии в связи с данными древнеиракских текстов.

Мозаика из Бишакура (город в юго-западном Иране, основанный при Шапуре I, III в. н. э.)

мир. Опытные жрецы совершают ритуальные обряды, Арда-Вираз молится, ему подносят три кувшина с вином и наркотическим средством, он выпивает их, продолжая петь молитвы, пока не падает без сознания; душа его «выходит» из тела и «отлетает» в далекую страну, чтобы, увидев рай и ад, через семь дней вновь вернуться к безжизненному телу.

Описанный магический обряд невольно напоминает шаманское камлание, несмотря на беллетризованную форму рассказа и совершенно иную историко-культурную обстановку. Правда, «камлание» происходит не в чуме или ином специальном помещении для шамана, а в храме огня; по «возвращению» души Арда-Вираз не только повествует об «увиденном», но и диктует свой рассказ писцу. Однако это не меняет существа ритуального действия. «Путешествие» Арда-Вираза — это «странствие» в

загробный мир души. Сходные представления отражены и в надписи Картира: тело оставалось на земле, по потустороннему миру путешествовал «двойник Картира». Вместе со жрецами жена Арда-Вираза «в течение семи дней и семи ночей, повторяя священные гимны, не переставала стеречь» покинутое душой тело Арда-Вираза. У северных шаманов также существовали специальные помощницы (часто жены), опытные в ритуале и «оберегавшие» тело шамана во время «путешествий» его души; своими заклинаниями они должны были «помогать» душе шамана вернуться в тело. Особый интерес представляет и название «священного снадобья», принятого Арда-Виразом перед тем, как он впал в транс, — «банг», древнее наркотическое средство жрецов и шаманов.

Весьма показателен маршрут загробных «путешествий» Картира и Арда-Вираза: души «переходили» мост Чинват; согласно «Книге Арда-Вираза», его душа отправлялась к горам Чакат-и-Дайтик и мосту Чинват, «Чакат-и-Дайтик» («Горы Правосудия») — образное обозначение священных гор древнеиранской (и общеарийской) мифологии, употребляемое в поздних зороастрийских сочинениях. Согласно зороастрийским текстам, Харбурз («Высокая Хара») — то же, что Чакат-и-Дайтик; мост Чинват «расположен» у подножия Харбурза (и по «Авесте», мост Чинват также лежит у Высокой Хары).

Таким образом, еще в сасанидское время зороастрийские жрецы во время своих религиозных обрядов совершали «полеты» туда же, куда «летали» древнеиндийские муни и риши, — к священным горам (Меру-Харе), лежавшим на далеком севере у Молочного океана. Так, анализ сасанидских надписей и раннесредневековых зороастрийских сочинений дает новые материалы для воссоздания древнейших религиозных и мифологических представлений индоиранцев и еще раз подтверждает вывод об общеарийском происхождении сюжетов исследуемого нами «северного цикла».

Мифологические и религиозные представления индоиранских племен в общеарийскую эпоху ученые восстанавливают путем сравнительного изучения традиций, сохранившихся у различных индоиранских народов в исторический период.

После распада «арийской общности» различные группы индоиранских племен развивались уже в разных географических и исторических условиях, неодинаковым был процесс формирования их религии и культуры.

«...Первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям»¹. Многие старые верования, архаичные представления в новой исторической обстановке, при ином уровне развития общества продолжали бытовать вместе с вновь возникшими, принципиально иными идеями и воззрениями. «... Раз воз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 313.

Шатур I побеждает римского императора
Валериана

никнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен...»¹

В древних мифах и преданиях индоиранцев получили отражение «природа и... общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией»². Вместе с тем примитивные магические верования, чисто мифические представления соседствовали с элементами рационализма. Для древней мифологии характерна, как указывал В. И. Ленин, «связь зачатков научного мышления и фантазии...»³.

Выговавшие у индоиранских племен космологические и мифологические воззрения нашли широкое отражение в их религиозных верованиях и культе. Представления «северного цикла» были тесно связаны с теми архаичными формами индоиранских религий, которые могут быть определены как «шаманские», но те же представления прослеживаются даже в таких развитых религиозных системах, как буддизм и зороастризм. Помимо чисто религиозной сферы «северные» сюжеты представлены и в собственно мифологическом материале, космологии, эпосе.

Сравнительное изучение всех этих данных позволяет говорить о существовании уже в эпоху совместного обитания предков индоиранцев следующей системы взаимосвязанных представлений: далеко к северу от территории древних ариев и областей их северных соседей расположена страна фантастических существ, мрачная и пустынная, непроходимая для человека; далее возвышаются протянувшиеся с запада на восток горы, поднимающиеся до неба, вокруг их вершин вращаются светила; за горами — великое водное пространство — «Северное море» или «океан»; на

вершинах гор и на берегу «океана» расположена обитель богов, «блаженных» и душ умерших — область благодатного климата и света (хотя она лежит за страной мрака и холода), солнце там восходит и заходит раз в году, день и ночь продолжаются по полгода.

В этой общей основе географических и космологических представлений чисто мифические черты сочетаются с реальными данными. К последним принадлежат и сведения о «полярных» явлениях. Авторы древних сказаний связывали их со странами, расположенными за пределами расселения индоиранских племен, далеко на севере, в «недоступных» для человека районах.

Теперь можно вполне определенно ответить на вопрос, откуда же арийские племена получали сведения о «полярных» странах. Они заимствовали их у своих северных соседей. В течение длительного периода индоиранские племена находились в тесных контактах с предками финно-угорских народов, контактах, затрагивавших различные области хозяйственной деятельности, социальных отношений, материальной и духовной культуры. В результате этих контактов сложились представления, принадлежащие к изучаемому циклу. Некоторые из аналогичных мотивов, казалось бы, можно рассматривать лишь как типологически сходные, но имеющиеся факты говорят о непосредственной связи сюжетов данного круга. На это указывают глубоко идущие детали совпадения в целом ряде характерных представлений и мифологических образов, а также принципиально важные лингвистические свидетельства — соответствия слов, связанных с кругом представлений «полярного цикла», в различных финно-угорских и индоиранских языках (обозначение мифического «моря», «ветра» и имени персонифицированного Северного ветра, «горы» и названия священных гор, экстатического средства, с помощью которого, в частности, жрецы совершали «полеты» на священные горы и Северный океан).

Так, предки индоиранских племен «познакомились» со священными северными горами, Северным океаном, «полярными» явлениями. Тем же путем много позже общearийской эпохи, уже в скифское время, «северные» сюжеты скифской мифологической традиции продолжали подкрепляться сведениями о «полярных» областях.

АРАБСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И УЧЕНЫЕ НА ВОЛГЕ

В Скифии были известны рассказы о народе, в стране которого ночь продолжалась шесть месяцев; согласно Геродоту, эти сведения приносили те скифы, которые добирались до аргиппеев. К таким сообщениям, поступавшим из скифского мира, и к скифской мифологической традиции восходили первые сведения античной науки о «полярных» явлениях.

Много столетий спустя, в период расцвета средневековой арабской науки, вновь появляются весьма обстоятельные данные о народах евразийской степи и их северных соседях. Конечно, к этому времени население указанных территорий прошло значительный путь экономиче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 315.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 737.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 225.

Картир. Наскальный рельеф. III в. н. э.

ского и социального развития, более тесными стали торговые и культурные связи, контакты с государствами Ближнего Востока. И тем не менее даже в этот период еще сохранялись некоторые легендарные рассказы о северных странах, подобные тем, которые ранее бытовали в античной традиции.

Особый интерес у арабских ученых вызывали известия о необычных астрономических явлениях, которые, как считалось, можно было наблюдать в стране булгар (государство, возникшее в начале X в. в Нижнем Прикамье и соседних районах Поволжья), т. е. примерно на тех же территориях, через которые в скифский период шел путь к арктике. В XIV в. известный путешественник Ибн Баттута специально совершил поездку в город Булгар, «чтобы, — как он пишет, — самому увидеть то, что рассказывают об исключительной краткости ночи и исключительной краткости дня в другое время года». Ибн Баттута приводит также рассказ о «стране мрака», расположенной далеко к северу от булгар.

Далек путь по снегу и льду в ту страну, сама она пустынна и темна. Если кто-либо из торговцев отправляется туда, он берет с собой огромные запасы пищи, питья и топлива, ибо «нет там деревьев, камней и жителей». Войдя в страну мрака, купцы, оставляя свои товары, удаляются, а когда возвращаются, то находят около них чужие — взамен. И никто не знает, замечает Ибн Баттута, что же это за народ темноты, торгующий с южными купцами, — джинны или люди, «ведь никто никогда не видел его». О «стране мрака» упоминают и другие арабские авторы, помещая ее к северу от Югры (территория угорских племен у Северного Урала и Печоры).

Особый интерес представляют сообщения о северных странах в книге «О путешествии на Волгу» Ибн Фадлана. В 922 г. в составе посольства из Багдада он побывал в стране булгар, где, по его словам, видел «множество удивительных вещей». Свой рассказ Ибн Фадлан начинает с описания поразившего его природного явления — «борьбы в небе огненных и черных всадников». Современные ученые установили, что это является красочной передачей того впечатления, которое произвело на багдадского дипломата северное сияние. Ибн Фадлан подробно рассказывает также об удивительных для южанина кратких ночах в стране булгар. Даже в самое темное время ночи, пишет он, не наступает полной темноты, не исчезает «красная заря»; зимой же день становится таким же кратким, как ночь летом, и утренняя заря почти смыкается с вечерней. У булгар Ибн Фадлан слышал о том, что за их страной, далеко на севере, живет народ «вису» («весь» русских летописей), где ночь еще более коротка и продолжается менее часа.

Передает Ибн Фадлан и другие услышанные им в стране булгар рассказы — о необыкновенном народе, обитавшем еще далее к северу от «вису». По словам «вису», этот народ отделен от них морем, живет на «каком-то острове», но окружен горами и никто «из людей не может проникнуть в ту область». И в сочинениях некоторых других арабских авторов отражены рассказы лесных племен о «народе», который отделен от остального мира высокими горами и живет на берегу северного моря. В русской летописи под 1096 г. сохранилось сходное сообщение о неведомом народе, обитавшем к северу от югры за высочайшими горами, которые заходят в море: непроходим путь до тех гор, и никто «никогда до них не доходит».

В Поволжье и Нижнем Прикамье арабские путешественники и ученые наблюдали удивительно короткие ночи. В тех же районах из устных рассказов и народных преданий они узнавали о далекой северной стране постоянного мрака и одновременно об областях, где летом почти не бывает ночи, о горах, будто бы расположенных у Северного океана.

ДРЕВНИЕ СКАЗАНИЯ ПОМОГАЮТ НАУКЕ

Еще в скифский период из этих же районов в Северное Причерноморье и эллинский мир поступали сведения о странах, где день и ночь делятся по полгода. Случаен ли тот факт, что в древности и раннем средневековье сведения о «полярных» явлениях проникали в южные страны из районов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья? Очевидно, степные племена (от которых и поступали подобные сведения в античный мир) именно в этом районе оказывались в наиболее близком соседстве с племенами лесной зоны Севера. (В более западных областях граница лесной зоны проходила значительно южнее.) И гораздо ранее, еще в период арийской общности, индоиранские племена в этих же районах получали от своих северных соседей «информацию» о «полярных» явлениях. «Арктические» детали составляли лишь часть «северного цикла» древноарийской мифологии, многие другие сюжеты также были связаны по происхождению с леген-

дарными, а частично и реальными представлениями космологической и мифологической системы древних народов северной лесной зоны. Поэтому есть все основания утверждать, что у предков индоиранских народов весь круг рассмотренных нами «северных» представлений мог сложиться лишь при непосредственных контактах с теми племенами Севера, которые обитали вблизи арктических районов.

Такое заключение, основанное на анализе древних сказаний, позволяет прийти к ряду важных выводов исторического характера. Прежде всего можно более определенно очертить искомую прародину древних ариев, отказавшись от теорий, помещающих «арийскую прародину» в Индии, Передней Азии, Иране и Афганистане, Средней Азии, в районах у Дуная и Карпат. Остаются, следовательно, степные территории Юго-Восточной Европы, Казахстана, Южной Сибири, но и в этот перечень можно внести дальнейшие коррективы.

И вновь науке помогает содержание мифа. Постоянная и обязательная основа общеарийского «северного цикла» — великие горы, протянувшиеся с востока на запад и расположенные к северу от территории арийских племен. Судя по античной традиции, в Скифии бытовало представление о том, что земля «повышается» к северу. Сходное мнение отражено в древнеиндийском эпосе (север — это «вознесенная верхняя сторона»), причем оно входит в общий сюжетный цикл о горах Меру, подобно тому как в Скифии о Рипейских горах. Поэтому можно допустить, что уже в космологической системе древних ариев существовало представление о том, что земля постепенно повышается к северу.

Такое предположение подкрепляется и другим мотивом того же цикла, зафиксированным в традициях индийцев, иранцев и скифов: все великие земные реки текут со священных северных гор. В скифском мире это мифологическое представление оказывало влияние и на реальные географические воззрения — скифы считали, что реки их страны берут начало с Рипейских гор.

Часть карты к «Географии» Птолемея, изданной в Риме в 1490 г.

Часть карты мира, составленной в Генуе в 1447 г.

И позднее, в послескифскую эпоху, было распространено мнение, что великие реки, протекавшие через степи Юго-Восточной Европы, несут свои воды с больших гор. Еще в средние века западноевропейские географы и картографы полагали, что в северной части Восточной Европы находится протянувшийся в широтном направлении горный хребет, откуда берут начало большие реки, впадающие в Черное и Каспийское моря. Лишь с XV—XVI вв., когда были получены реальные сведения из Руси, это ошибочное мнение стало постепенно изживаться. Основывалось такое мнение на информации, которая в течение длительного времени поступала из южных районов Восточной Европы и во многом воходила еще к «Географии» Птолемея.

По сравнению со скифской эпохой VII—IV вв. до н. э. известный античный географ II в. н. э. отразил в своем труде качественно иной уровень географических знаний. Птолемей основывался во многом на конкретных свидетельствах торговцев, ездивших в Сарматии. И тем не менее на его карте к северу от территорий сарматских племен в широтном направлении помещены большие горные цепи, а на них — истоки Борисфена (Днепра), Танаиса (Дона), Ра (Волги) и др. В отличие от своих предшественников Птолемей уже знал о главном притоке Волги Каме и месте их слияния, но истоки обеих рек он вел с больших северных гор. Еще более примечательно само название современной Волги у Птолемея — «Ра», связанное, как установлено учеными, с древнеиранским «Раха». Согласно авестийской традиции, полумифическая река Раха течет с великих гор Хары. Следовательно, приведенные сведения Птолемея были основаны на данных, полученных от ираноязычных племен Юго-Восточной Европы.

Таким образом, формирование «северного цикла» древнеарийской мифологии должно было проходить там, где на обширных территориях реки текут с севера на юг, а рельеф местности соответственно повышается с юга на север. Таким географическим условиям не удовлетворяют ни территории Средней Азии (ее великие реки несут воды с юго-востока на

северо-запад, а за хребтами Тянь-Шаня, Памира и Гиндукуша нет океана и областей с «полярными» явлениями), ни области Европы, расположенные по Дунаю и по рекам, которые направляются к Балтийскому морю, ни районы Казахстана и Юго-Западной Сибири: Обь, Иртыш, Исим, Тобол текут в направлении, обратном искомому, а их истоки находятся не на севере, а на юге и юго-востоке.

Из всей обширной территории, в пределах которой современная наука позволяет распознать «прародину» ариев, остаются, таким образом, лишь области Юго-Восточной Европы — от Днепра до Урала. На всем этом пространстве рельеф местности действительно повышается с юга на север, реки же — Урал, Волга, Дон, Днепр — текут с севера на юг, а их истоки теряются далеко на севере, в районах, уже непосредственно неизвестных древним обитателям степи.

К такому выводу приводит нас анализ «северного цикла» индоиранской мифологии. Это заключение совпадает с мнением некоторых ученых, также помещающих «прародину» древних ариев в Юго-Восточной Европе, и хорошо согласуется со всем комплексом данных, которыми сейчас располагают исследователи — материалами лингвистики, истории, археологии, этнографии, фольклористики.

Конечно, древнейшая история индоиранских племен во многом остается неясной. Ученым предстоит еще ответить на вопрос о том, когда и какими путями шло расселение этих племен из их «прародины» в Переднюю Азию, Иран, Среднюю Азию, Афганистан, Индию.

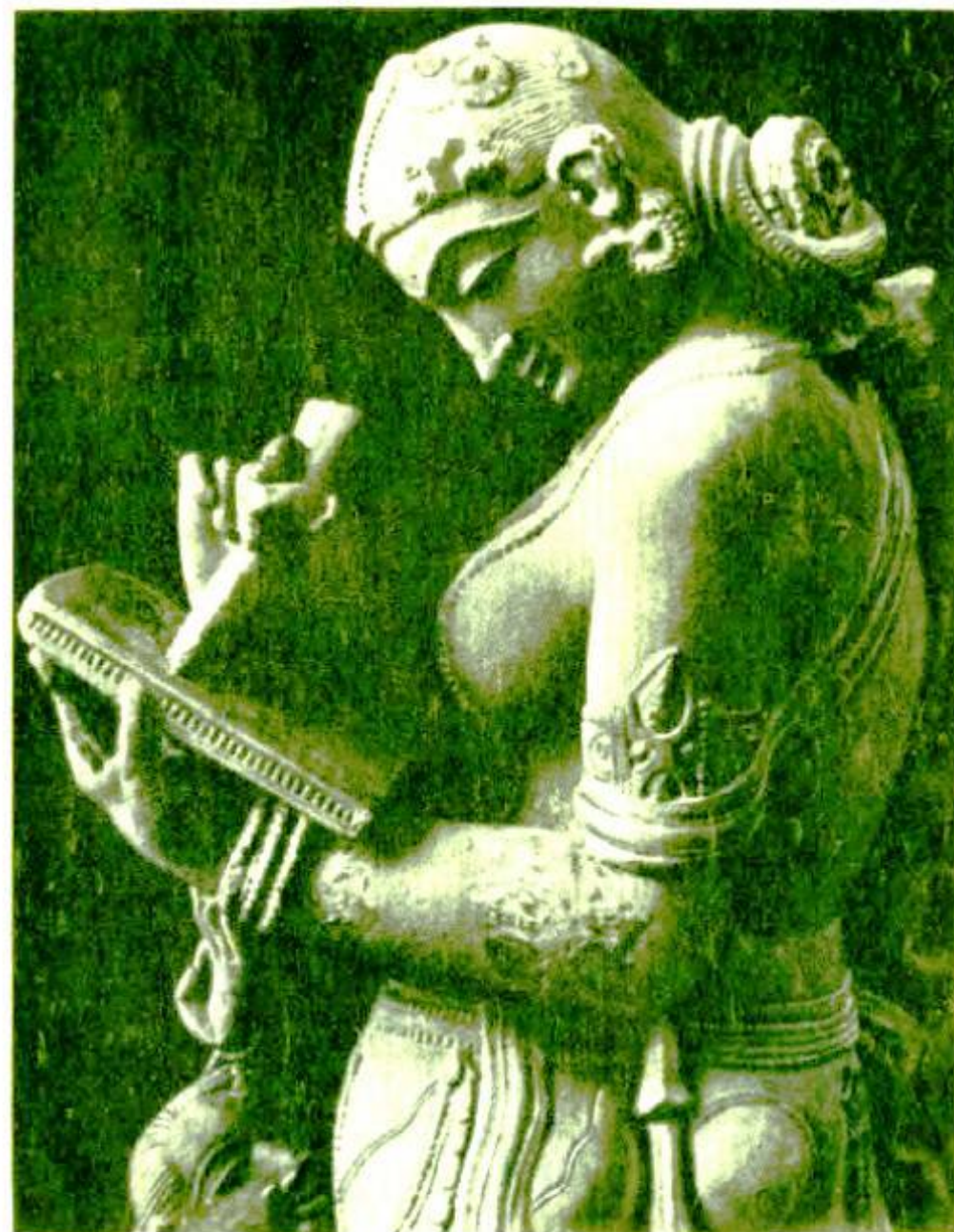
Часть ираноязычных племен продолжала обитать на территории Юго-Восточной Европы; в скифский период здесь сложилась самобытная культура, которая оказала значительное влияние на античный мир и Древний Восток.

Индоиранские племена сыграли большую роль в создании великих древних цивилизаций Средней Азии, Индии и Ирана.

По-разному сложилась история народов этих стран, но через многие столетия эпическая традиция донесла до нас воспоминания об их далеком прошлом.

Таков удел деяний прежних лет,
Когда гранит и дельфинь безмолвны,
Простая песнь их сохраняет след.

(Байрон)

Индийская скульптура. XI—XII вв.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В мировой археологической науке нет, пожалуй, другой такой проблемы, такого круга вопросов, которые так остро и постоянно волновали бы исследователей, как проблемы происхождения народов или, иначе говоря, этногенеза.

В самом деле, не только ученых-специалистов, но и широкие читательские круги занимают проблемы возникновения и развития как собственного народа, так и других народов. Здесь сталкиваются самые различные взгляды, а нередко и классовые идеологии. С одной стороны, шовинизм, расизм, колониалистская идеология. С другой — подлинно гуманистическая идеология, передовые идеи нашего века, высшим обобщающим выражением которых в теории и на практике является ленинская национальная политика.

Волнует нас и многогранность этих проблем, для постановки которых необходим комплексный подход, охват материала самых различных научных дисциплин, как гуманитарных — языкознания, археологии, истории, этнографии, так и естественно-научных, начиная с физической антропологии и кончая паразитологией и геологией.

Среди же тех конкретных проблем, которые входят в поле зрения исследователей, занятых этногенезом, на одном из первых мест уже по ее возрасту, а также и по массе посвященной ей литературы занимает индоевропейская проблема — о происхождении столь важной для всемирной истории человечества и для истории его культуры ветви человечества, какой являются народы, говорящие на языках индоевропейской группы.

Открытие взаимного родства этих языков, открытие самого факта существования такой группы народов, объединяющей, с одной стороны, обитателей Индийского полуострова, с другой — жителей современного Ирана, а также Таджикистана, России, Германии, Франции и других стран Европы, было поистине лучом света в совершенно неизведанной области исследований.

В величественных поэмах и священных текстах древней Индии и Ирана, в книгах, написанных на санскрите и древнеиранских языках, открылись истоки древнейшей культуры, а также забытые и полустертые или целиком стертые в памяти потомков предания об общей некогда жизни их предков, называвших себя «ариями», — жизни на какой-то

общей для них территории, откуда и должны были древние индоевропейские племена распространиться в ходе сложных исторических процессов в другие страны.

Но какой именно была эта территория, где она располагалась и какими путями шло расселение древних индоевропейских племен из их предполагаемой прародины?

К этой теме нас возвращает интересная, талантливо написанная, небольшая, но емкая по содержанию книга Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского — авторов, хорошо известных своими крупными трудами по ранней истории Индии и индоиранских народов, по древнейшей истории Ирана.

Широкие круги читателей смогут познакомиться со многими еще нераскрытыми тайнами древних культур, с тем увлекательнейшим и поистине богатейшим материалом, который имеется в распоряжении ученых и который еще требует дальнейшего научного анализа. Как и следовало ожидать, как и должно было быть, авторы этой книги подошли к вопросу о происхождении индоиранцев и их прародине в комплексном плане, во всеоружии. И, при этом, со своей собственной точкой зрения, со свежими и оригинальными мыслями, которые показывают читателю старую, можно сказать извечную, тему с новой ее стороны.

Основываясь на уже известных в науке материалах археологии, лингвистики и этнографии и сопоставляя эпическую и религиозную традицию индийцев, иранцев и скифов, авторы попытались выявить реальные основы связанных с так называемым «северным циклом» мифологических и космологических представлений древних ариев. Это позволило авторам высказать ряд принципиально важных заключений, обоснованных предположений, заманчивых гипотез.

В своей книге Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский касаются и многих других проблем: о социальной организации индоиранских племен, сложении античной традиции о Скифии, политической истории скифов, государств Ахеменидов и Сасанидов, истоков индоиранской эпической традиции и т. д. Книга называется «От Скифии до Индии». Эти географические рамки сами по себе впечатляют своим размахом. Но, перелистывая страницы, можно видеть, что в книге говорится о событиях еще более грандиозного масштаба и не только о Восточной Европе, но и о Северной Азии — Сибири. И я сказал бы, что не без волнения читаются и те места книги, где речь идет не только об Индии или Причерноморье, но и Приуралье, о Западной Сибири, об Алтае. Таковы страницы, где авторы рассказывают о древних контактах индоиранских племен с предками современных финно-угорских народов, о мифологических и религиозных представлениях арийских племен в связи с проблемой сибирского шаманизма и архаичных религиозных воззрений, некогда бытовавших у народов Севера. Эти вопросы представляют большой научный интерес как для индологии и иранистики, так и для уточнения многих спорных проблем истории и культуры древних народов Сибири. Здесь снова с большой силой подтверждается мысль о том, что мир и в те далекие времена, когда древние арии пасли свой скот на просторных долинах

своей прародины, когда они мчались по ним на своих колесницах, сбитых медными гвоздями, был уже тесен.

В этой связи вспоминаются мне колесницы, выбитые на скалах нашего Алтая и Гобийского Алтая—в сердце Монголии, в колыбели кочевых цивилизаций бронзового века Евразии.

Нельзя не вспомнить в этом плане также и то, как неожиданно и, можно сказать, эффектно появляется металл, а вместе с ним и колесницы в далеком Китае Иньского времени. И. Г. Андерсон, которому принадлежит заслуга открытия великолепной земледельческой цивилизации в долине реки Желтой, у «Детей Желтой земли», где речь шла о предках китайцев, написал и другую интересную работу: «Путь через стены»—от Черного моря до Тихого океана. И нет никакого сомнения, что по этому пути в бронзовом веке действовали предки индоевропейцев, в том числе, очевидно, отдаленные предки славян. Поле действия индоевропейских племен, а вместе с тем и взаимодействия их с племенами другой, не менее великой семьи—урало-алтайской, в первую очередь с угорскими народами, впрочем, простиралось не только в степях, но и в таежных районах Сибири. Параллельно со степным путем пролетала другая—таежная «магистраль» древних культурных и этнических контактов, имевшая особо важное значение на раннем этапе развития бронзовой металлургии меди и бронзы, во втором тысячелетии до нашей эры. Об этом свидетельствуют широко обобщенные в книге историко-этнографические факты.

К ним можно добавить также и данные археологии. Еще В. А. Городцов прослеживал связи между сейминско-турбинской бронзой и глазковской культурой Прибайкалья. Сейчас к его доводам прибавились новые факты из раскопок нашего крупнейшего знатока лесной бронзы Восточной Европы—О. Н. Бадера на Урале, томского археолога В. И. Матющенко на Западе Сибири, а также новые материалы той же глазковской и шиверской культуры на Ангаре, замечательных петроглифов на Байкале в бухте Саган-Заба.

В целом же все эти факты направлены против попыток шовинистичско-азиатской трактовки прошлого народов Азии, не менее чуждой нам, чем и старый европоцентризм.

В нашей стране существует длительная традиция изучения истории и культуры народов Индии и Ирана, широко известны достижения отечественной школы скифоведения. Книга Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского успешно продолжает эти традиции. Конечно, многие загадки истории древних ариев остаются, дальнейшие дискуссии по этим проблемам еще впереди. Более того, после выхода книги научные споры, нужно думать, разгорятся с новой силой. У одних ученых выводы авторов, возможно, вызовут несогласия. Другие найдут в ней поддержку своим взглядам.

Но все эти споры и обсуждения помогут ученым приблизиться к истине, будут служить дальнейшему развитию нашей науки.

И главное, уверен, что равнодушных читателей у этой книги не будет.

Академик А. П. Окладников

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
- Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов.—Сб. «Древний Восток и античный мир». М., 1972.
- Авшаров А. Ф. Космологические представления народов Севера. М., 1959.
- Анучин Л. Н. и Борзов А. А. Рельеф Европейской части СССР. М., 1948.
- Бертельс Е. Э. Избранные труды. т. I. М., 1960.
- Баруки. Индия (пер. А. Б. Халидова и Ю. Н. Зиндерского). Ташкент, 1967.
- Бонгард-Левин Г. М. и Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
- Вайсштейн С. И. Тувины-тоджанцы. М., 1961.
- Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972.
- Геродот. История в 9 книгах (пер. Ф. Г. Мищенко). т. I—II. М., 1888.
- Гондатти П. Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. М., 1888.
- Граков Б. П. Скифы. М., 1971.
- Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов. М., 1960.
- Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Давидиашвили М. А. Иран при персах Ахеменидах. М., 1963.
- Залеман К. Г. Очерк истории древнеперсидской, или иранской, литературы.—«Всеобщая история литературы», вып. I. СПб., 1880.
- «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., 1959.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
- Латинцев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I. II. СПб., 1893—1906.
- Литвинский Б. А. Древние котешники «крыши мира». М., 1972.
- Лукомин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
- «Махабхарата». Книги I—IV (пер. В. И. Кальчинова). М.—Л., 1950—1967.
- «Махабхарата» (пер., введение, примечание Б. А. Смирнова), т. I—IX. Ашхабад, 1955—1972.
- Новицкий Г. Краткое описание о народе осетинском. СПб., 1884.
- Овсянко-Куликовский Д. Н. Культ божества «сома» в древней Индии в эпоху Вел. Одесса, 1884 («Записки Новороссийского университета», т. 39).
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.—Л., 1955.
- Пьянков И. В. J. Volton. «Aristeas». (Рец.)—«Вестник Древней истории», 1967, № 4.
- «Ригведа. Избранные гимны» (пер. Т. Я. Елизаренковой). М., 1972.
- Руденко С. И. Горноалпийские находки и скифы. М.—Л., 1962.
- Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952.
- Софокл. Трагедии. (пер. С. В. Шервинского). М., 1954.
- Тепловулов Ф. А. Древности пермской земли в виде баснословных людей и животных.—«Пермский край», т. II, 1893.
- Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
- Тренер К. В. Сэмюра-паскудж, собака-птица. Л., 1937.
- Хеннигс Р. Неведомые земли, т. I. М., 1961.
- Чернецов В. Н. Волгушские сказки. Л., 1935.
- Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Прикамье.—Труды Института этнографии, т. I. М.—Л., 1947.

Фирдоуси. Шах-наме (пер. Ц. Б. Бану-Лакхуи), т. I—IV. М., 1957—1969.
Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936.
Эскиз Трагедии. М.—Л., 1937.
"Avesta". Übersetzt von Fr. Wolff. Strassburg, 1910.
Bhattacharya S. The Indian Theogony. Cambridge, 1970.
Bolton J. Aristaeus of Proconnesus. Oxford, 1962.
Gignoux P. L'Inscription de Kartir à Sar Mašhad — "Journal Asiatique", t. 256 (1968).
Holmberg U. Finno-ugric, Siberian. "The Mythology of All Races", vol. IV. Boston, 1927.
Harmatta J. Sur l'origine du mythe des Hyper-

Boréens — "Acta Antiqua", t. III, 1-2. Budapest, 1955.
Kannisto A. Wogulische Volksdichtung, I. Helsinki, 1951.
Meul K. Scythica. "Hermes", 1935.
Munkacsy B. Das altindische Fabeltier Čarabhas — "Keleti Szemle", t. 9 (1908).
Nyberg H. Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938.
Patanov S. Die Irtysh Ostjaken und ihre Volkspoesie, I—II. Spb., 1897—1900.
Tilak B. The Arctic Home in the Vedas. Bombay, 1903.
Wasson R. Soma. Divine Mushroom of Immortality. New York, 1968.
Wukander S. Sur le fonds commun indo-iranien des épopées de la Perse et de l'Inde. — "La Nouvelle Clé", 1959, N 7.

Рисунки № 1-3 воспроизведены по журналу «Курьер ЮНЕСКО».

Бонгард-Левин Г. М. и Грантовский Э. А.

Б 81 От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., «Мысль», 1974.

124 с. с ил.

Книга советских востоковедов—индолога Г. М. Бонгард-Левина и ираниста Э. А. Грантовского — посвящена одной из дискуссионных проблем исторической науки — происхождению древних индоиранских (арийских) племен. Авторы знакомят читателя с богатейшей эпической традицией индоиранских народов, их мифологическими и космологическими представлениями, античными сведениями о скифах. Особое внимание уделяется «полярному циклу» арийской мифологии и связям предков индоиранских народов с племенами севера Евразии. Основываясь на разнообразных источниках (данных археологии, этнографии, лингвистики и т. д.), авторы предлагают свое решение ряда спорных вопросов.

106 3-230

Б — БЗ-27-68-74
004(01)-74

902.7

Бонгард-Левин, Григорий Максимович
Грантовский, Эдвин Арвидович

ОТ СКИФИИ ДО ИНДИИ

Загадки истории
древних ариев

Редактор
В. В. Станковская
Младший редактор
Л. В. Рогова
Художественный редактор
В. И. Суриков
Технический редактор
Т. Г. Сергеева
Корректор
Л. Ф. Кирилина

Сдано в набор 10 августа 1973 г.
Подписано в печать 24 июля 1974 г.
Формат 60×84 1/2. Бумага офсетная. Условных печатных листов 7,44. Учетно-издательских листов 8,6.
Тираж 40000 экз. А08091. Заказ № 697.
Цена 79 коп.

Издательство «Мысль» 117071
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Набор изготовлен на ордена Трудового Красного Знамени Первой образцовой типографии им. А. А. Жданова, Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, М-54, Валовая, 28.

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Калининском полиграфическом комбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Калинин, проспект Ленина, 5. Зак. 927.

**В 1974 г.
издательство «Мысль»
предлагает читателям
следующие книги:**

КОЧЕТКОВА М. А. Георг Веерт — друг и соратник Маркса и Энгельса. 10 л. (Выдающиеся деятели мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения), 65 к.

Книга посвящена жизни и деятельности первого поэта немецкого пролетариата Георга Людвиг Веерта.

Веерт принадлежал к когорте первых пролетарских революционеров. Его жизненный путь неразрывно связан с борьбой Маркса и Энгельса за создание партии пролетариата, с деятельностью «Союза коммунистов». Вместе с Марксом и Энгельсом он принимал активное участие в революции 1848—1849 гг. В качестве члена редакции «Новой Рейнской газеты» — боевого органа пролетарского крыла демократии — Веерт внес значительный вклад в пропаганду революционных идей среди широких масс немецкого народа.

В книге раскрываются революционные традиции немецкой литературы, их неразрывная связь с рабочим и демократическим движением, показывается влияние марксизма на становление и развитие немецкой пролетарской литературы.

СВЕНЦИЦКАЯ О. В. Фриц Платтен — пламенный революционер. 10 л. (Выдающиеся деятели мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения), 65 к.

Автор книги раскрывает образ яркого революционера Фрица Платтена. Перед читателем проходит вся его жизнь как крупного деятеля швейцарского и международного рабочего движения, одного из участников создания Коммунистического Интернационала. Большое место уделяется деятельности Платтена в русской революции 1905 г., его знакомству с В. И. Лениным и участию в борьбе против социал-шовинизма и центризма в период первой мировой войны. В книге сообщается много неизвестных ранее подробностей о роли Платтена в организации переезда Ленина из Швейцарии в Россию в 1917 г., в спасении великого вождя революции от вражеской пули в январе 1918 г. Специальные главы посвящены деятельности Платтена в Советском Союзе в годы строительства социализма. Автор рассказывает также о своих личных встречах с Платтеном.

СМИРНОВ В. П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. 19 л., 1 р. 60 к.
Монография В. П. Смирнова представляет собой фундаментальное исследование основных проблем движения Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. Главное внимание автор уделяет борьбе Французской коммунистической партии и рабочего класса, которые были основной силой Сопротивления. Впервые в советской литературе обстоятельно освещается деятельность буржуазно-патриотических организаций и генерала де Голля. В работе специально исследуется влияние Великой Отечественной войны на развитие французского движения Сопротивления. Особую ценность книге придают уникальные архивные документы, используемые автором. Работа написана увлекательно, в ней даны запоминающиеся, меткие характеристики многих участников Сопротивления.

ГОЛОШУБОВ Ю. И. Скандинавские страны и проблемы послевоенной Европы. 18 л., 1 р. 30 к.
Книга международного обозревателя «Известий» Ю. И. Голошубова посвящена проблемам европейской безопасности применительно к региону пяти северных стран: Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии, Исландии.
В монографии рассматриваются основные предпосылки внешней политики стран Северной Европы в первые послевоенные годы, стратегия НАТО на Европейском Севере, военно-экономическая и политическая экспансия американского империализма в Скандинавии. Больше внимание автор уделяет позиции пяти северных стран по вопросам европейской безопасности, а также экономическим и культурным связям с Советским Союзом на протяжении послевоенного периода. Работа написана на основе обширного фактического материала и дополнена личными наблюдениями автора, в течение многих лет работавшего корреспондентом «Известий» в Скандинавских странах.

